ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КРИСТОФЕР ПРИСТ

ТРАНЗИТНАЯ ЗОНА

Транзитная зона
Кристофер Прист

Аннотация
Кристофер Прист. Транзитная зона
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Благодарности

Аннотация

Кристофер Прист – английский писатель-фантаст, представитель «новой волны», автор романов «Престиж», «Машина пространства» и «Опрокинутый мир», троекратный обладатель премии Британской ассоциации научной фантастики, лауреат Всемирной премии фэнтези.

В один прекрасный и странный день голливудская актриса Жанетт Маршан, красавица и любимица зрителей, села на самолет, который должен был доставить ее в лондонский аэропорт. Самолет благополучно приземлился, и многие видели, как Жанетт сошла с трапа, но с этого момента она словно растворилась в пространстве и времени. Ее больше никто никогда не видел. Все усилия полиции оказались тщетными.

Спустя годы молодой успешный кинокритик Джастин Фармер, увлеченный историей кинематографа и авиацией, затевает рискованное расследование с твердым намерением разгадать тайну исчезновения актрисы, покорившей его воображение.

Кристофер Прист
Транзитная зона

Christopher Priest
AIRSIDE
Публикуется с разрешения литературного агентства Intercontinental Literary Agency Ltd.
© Christopher Priest, 2023
 Школа перевода В. Баканова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Памяти Мэй Кларк,
реальной жертвы грейпфрута,
и Розалинд Найт,
счастливо избежавшей этой участи

Глава 1

13 апреля 1949 года на борт самолета, летевшего ночным рейсом из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, поднялась женщина, зарегистрированная под именем В. М. Калутц. Когда самолет сел в аэропорту Ла-Гуардия, носильщик помог ей донести багаж — три больших чемодана и четыре маленьких — до камеры хранения. Женщина незаметно покинула аэропорт и переночевала в гостинице поблизости, а наутро вернулась, чтобы лететь в Лондон рейсом «Пан-Американ» на самолете «Дуглас Ди-Си-4». В аэропорту ее тесным кольцом окружили журналисты, пронюхавшие, что она в Нью-Йорке, и принялись задавать вопросы о причинах ее поездки, дальнейших планах на съемки и о романтических отношениях.

Женщина явно считала расспросы чересчур назойливыми и поначалу отказалась говорить об иске, поданном ее бывшим мужем, однако под неослабным напором журналистов сдалась. Ответы были вежливыми и обтекаемыми. Увы, она не вправе говорить о деле до начала судебного разбирательства. Что за мужчина сопровождал

ее на предварительном слушании? Она никогда не комментирует слухи. Имена, названные репортерами, женщина не подтвердила и не опровергла. Перед камерами позировала охотно. Непрерывные вспышки привлекли внимание других пассажиров и сотрудников аэропорта — многие останавливались, чтобы посмотреть.

То была Жанетт Маршан, постоянная кинозвезда «Уорнер Бразерс», в последнее время снимавшаяся в проектах и других студий. За плечами у нее была двадцатилетняя карьера и около пятидесяти фильмов, во многих из которых она исполнила главные роли.

Несмотря на годы, она оставалась одной из самых знаменитых актрис американского кинематографа. На следующий день в газетах появились тщательно отобранные редакторами фотографии, вновь подтвердившие ее исключительную красоту и славу. Два дня спустя, когда стало известно, что произошло в Лондоне, некоторые журналисты в частных разговорах отмечали, что, несмотря на браваду перед камерами, актриса выглядела уставшей, подавленной и встревоженной. Судебное разбирательство по иску ее бывшего мужа Стэна Макферсона, звездного питчера бейсбольной команды «Лос-

Анджелес Доджерс», обещало стать сенсацией. Говорили, что на предварительном слушании судья наложил на Маршан ряд запретительных приказов, в том числе финансового характера.

В нью-йоркском аэропорту один из репортеров спросил ее о планах на эту поездку, и она ответила, что отправляется в Англию немного отдохнуть и разведать возможности для съемок. Хотя британские студии тогда были заинтересованы в американских актерах, мало кто соглашался там сниматься из-за суровости послевоенного быта, однако Маршан заявила, что для нее это не имеет значения, поскольку она выросла в Питсбурге, в рабочей семье, и не привыкла к роскоши. Актриса не подтвердила сведения о том, что студия «Уорнер Бразерс» расторгла с ней контракт, а на вопрос об отношениях с Дерком Холлидеем ответила, что в ближайшее время совместных фильмов с ним не планируется, и опровергла слухи, заявив, что всегда рассматривала его исключительно как серьезного профессионального коллегу и относится к нему с большим уважением. Маршан не пожелала сообщить, где остановится в Лондоне, но пообещала вернуться в Калифорнию примерно через месяц.

Представитель «Пан-Ам» вежливо пресек даль-

нейшие расспросы и проводил актрису в VIP-зал. На борту она заняла место в салоне первого класса и заказала коктейль с шампанским.

Примерно через полчаса самолет поднялся в воздух, унося Жанетт Маршан в последнее путешествие. В Лондон она действительно прилетела, только в США уже не вернулась.

Много лет спустя кинокритик и эссеист Джастин Фармер дал большое интервью британскому киножурналу «Картинка и звук»[1]. Журналист среди прочего спросил, что впервые вызвало его интерес к кино. Фармер ответил, не задумываясь: «Два ранних фильма с Жанетт Маршан, которые показывали, когда мне было семь».

Джастин родился незадолго до окончания Второй мировой войны, когда карьера Маршан уже клонилась к закату. В тот год, когда актриса отправилась из Нью-Йорка в Лондон, ему было всего пять лет, и он, конечно, понятия не имел о произошедшем. Джастин узнал Жанетт Маршан, когда в начале 1950-х в семье появился телевизор, которые тогда только-только начали продаваться в Великобритании. Телеканал в те времена был

---

[1] Примечания: 1

«Картинка и звук» (Sight & Sound) — реально существующий журнал о кино, издается с 1932 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

всего один — «Би-би-си», а вещание поначалу велось только на Лондон. Позже присоединились центральные и северные регионы, тем не менее массовой аудитории еще не существовало.

Передач в прямом эфире шло совсем немного, сигнал периодически пропадал из-за технических проблем, а фильмотека «Би-би-си» была крохотной, поэтому одни и те же ленты крутили по кругу, и среди них — два фильма с Жанетт Маршан. Маленький Джастин смотрел их не один раз и запомнил имя актрисы, очарованный ее красотой и тем, как остроумно она произносит реплики. Жанетт Маршан возбудила в Джастине еще непонятные ему самому чувства, которые в итоге привели его в мир кино.

Повзрослев и получив доступ к архивам, он выяснил, что это были за фильмы. Оба появились в краткую эпоху доцензурного Голливуда, которая подошла к концу в 1934 году с принятием Кодекса Хейса[2]. Первый фильм, «Блестящий молодой человек», вышел в 1932 году, второй, «Ледяные сердца», в 1933-м. Это возбудило в Джастине про-

---

[2] Примечания: 2

Кодекс Хейса — свод правил Американской ассоциации кинокомпаний, определявший пределы допустимого в голливудском кино. Запрещал обнажение, сексуальные сцены и прочие проявления, считавшиеся непристойными. Кодекс появился в 1930 году, стал обязательным в 1934-м и был отменен в 1968-м.

фессиональный фильмографический интерес: многие из снятых тогда фильмов впоследствии отправились на полку из-за Кодекса Хейса и редко появлялись на киноэкранах, не говоря уже о телевидении. Оставалось загадкой, как они попали в фильмотеку «Би-би-си», и даже спустя годы Джастин не терял надежды ее разрешить. О необъяснимом исчезновении Жанетт Маршан он узнал в годы учебы в университете и специально поехал в Лондонский аэропорт — не с мыслью раскрыть тайну, а просто чтобы посмотреть на место, где все произошло.

Жанетт Маршан родилась в Питсбурге, штат Пенсильвания, и звали ее на самом деле Верити Мэй Калутц. Она была единственным ребенком в семье. Мать работала секретаршей, отец руководил небольшим бакалейным магазином. Верити еще в школе обучалась танцам и актерскому мастерству, а в 1928 году, когда ей исполнилось шестнадцать, переехала в Нью-Йорк, где выступала танцовщицей в водевилях и работала хостес в ночных клубах. Она снимала квартиру вместе с подругой, Руби Стивенс, с которой познакомилась, когда обе устроились танцовщицами в одно бурлеск-шоу. Руби была немного старше и тоже мечтала играть в кино.

В 1929 году подруги вместе переехали в Лос-Анджелес, где им время от времени случалось сниматься в голливудских мюзиклах и гангстерских фильмах в эпизодических ролях и массовке. За работу платили, но имена в титрах не указывали. Вместе с Верити и Руби кинозвездами мечтало стать целое поколение девушек и юношей.

Подруги взяли себе псевдонимы — Верити стала Жанетт Маршан, а Руби — Барбарой Стэнвик[3]. Именно Руби первой получила настоящую роль — в мелодраме Фрэнка Капры под названием «Дамы для досуга», вышедшей в 1930 году.

Жанетт добилась успеха несколькими месяцами позже, снявшись в криминальном триллере «Враг общества» о чикагской преступности. Ей досталась эпизодическая, даже не отмеченная в титрах роль Китти, несчастной девушки гангстера в исполнении известного актера Джеймса Кэгни[4]. У нее было всего две реплики и одна

---

[3] Примечания: 3

Барбара Стэнвик (1907–1990) — американская актриса, в 1940-х годах — самая высокооплачиваемая актриса в Голливуде.

[4] Примечания: 4

Джеймс Кэгни (1899–1986) — американский актер, лауреат премии «Оскар», звезда гангстерских фильмов 1930-х — 1940-х годов, один из «величайших американских актеров всех времен» по версии Американского института киноискусства. «Враг общества» — реальный фильм, в котором Кэгни действительно швырнул грейпфрутом в лицо актрисе Мэй Кларк.

сцена — совместный завтрак, превратившийся в ссору. Во время съемок Кэгни неожиданно вскочил, схватил с тарелки половинку грейпфрута и швырнул Жанетт в лицо. Этого не было в сценарии, и нападение застало ее врасплох — в следующие несколько секунд фильма явственно видно, что Жанетт шокирована. Выходка Кэгни ее унизила, из студии она ушла в слезах, зато несколько месяцев спустя, когда фильм появился на экранах, короткая сценка попала во все заголовки. После этого Жанетт сразу получила роль в другом фильме — «Громкая история». Так началось ее восхождение к славе.

В тридцатые годы она снималась постоянно и стала одной из самых высокооплачиваемых актрис Голливуда. На ее счету было уже сорок кинолент, когда началась Вторая мировая война и студии умерили свою активность. Хотя во многих фильмах Жанетт играла главные роли, к концу десятилетия качество картин, в которых она снималась, значимость ее ролей и уровень актерского состава пошли под уклон.

Вскоре она стала актрисой вторичных, слепленных на скорую руку фильмов категории «Б». Незадолго до атаки японцев на Перл-Харбор Жанетт сыграла брошенную жену в романтической

комедии «Уорнер Бразерс», и на протяжении военных лет ее участью стали второстепенные персонажи того же рода. В 1946 году она вновь стала сниматься в крупных фильмах, но уже не выдерживала конкуренции с молодыми актрисами за главные роли, поэтому чаще играла учительниц, пожилых родственниц и медсестер.

Жанетт Маршан дважды была замужем и имела маленькую дочь.

Самолет, которым летела Жанетт Маршан, отправился из аэропорта Ла-Гуардия вовремя. Маршрут предусматривал две промежуточных остановки для дозаправки — в Ньюфаундленде и на западе Ирландии. В салоне первого класса, кроме Жанетт, летел лишь один пассажир, сидевший отдельно. По свидетельству бортпроводниц, большую часть первой половины полета актриса спала, лишь время от времени просыпаясь, чтобы перекусить и выпить несколько бокалов вина.

В аэропорту Гандера, который тогда назывался аэропортом Ньюфаундленда, всех пассажиров высадили на время заправки, и они ожидали в здании терминала, Жанетт и другой пассажир первого класса — в VIP-зале. Что между ними происходило, члены экипажа не видели. После возвращения в самолет мужчина занял место

рядом с Жанетт и оставался там вплоть до конца долгого перелета через Атлантический океан в Ирландию. Актриса молчала, отвернувшись от соседа, и временами казалось, что она плачет. Бортпроводница даже подошла уточнить, все ли в порядке, однако Жанетт заверила, что все хорошо. Когда самолет сел в Шанноне, мужчина вышел и не вернулся. Остаток полета она провела в салоне первого класса одна.

После благополучной посадки в Лондоне Жанетт разрешили покинуть самолет прежде других пассажиров. Она тепло поблагодарила бортпроводников и оставила автографы на карточках меню. Капитан, второй пилот и бортинженер вышли с ней попрощаться. Потом Жанетт в одиночестве спустилась по трапу. Одна из бортпроводниц видела, как она дошла до бывшей военной палатки, в которой тогда помещались отделение таможни, службы аэропорта и багажное отделение; рядом стояли еще две таких палатки. Высадка остальных пассажиров началась только после того, как Жанетт достигла входа.

Наблюдавшая за ней бортпроводница потом сообщила журналистам, что мисс Маршан выглядела совершенно нормально и, хотя за время полета с большими промежутками выпила

несколько бокалов вина, не опьянела. Капитан самолета, вернувшийся в кабину после прощания с Жанетт, тоже наблюдал за ней в окно и подтвердил, что она выглядела нормально, заметив, впрочем, что после долгих трансатлантических перелетов многие пассажиры заметно устают, и если бы мисс Маршан нетвердо держалась на ногах, это никого бы не удивило.

Когда она вошла в палатку, капитан отвернулся от окна. Он последним видел Жанетт Маршан живой. Что произошло с ней дальше, никому не известно.

Жанетт была звездой и никогда не оставалась незамеченной, тем не менее после того, как она вошла в палатку, ее больше никто не видел. Паспортный контроль не проходила, таможенники ее тоже не помнили. В аэропорту ее никто не ждал и не наводил справок на стойке информации, багаж остался невостребованным, машину с водителем она не вызывала. Таксистов, постоянно работавших около аэропорта, позже опросили — никто из них не подвозил Жанетт Маршан и даже не видел на стоянке. Все они заявили, что непременно ее узнали бы.

Исчезновение заметили не сразу — лишь на следующий день, когда из отеля «Кларидж»

в Мейфэре, где Жанетт забронировала номер, позвонили в авиакомпанию и аэропорт. Пассажирский терминал обыскали — безрезультатно. Позже, когда к делу подключилась полиция, все палатки и прочие временные сооружения в аэропорту обыскали вновь, на этот раз более тщательно.

У Жанетт не было в Великобритании родственников, друзей и знакомых — во всяком случае, таких, о которых кто-нибудь знал. Ее родители в Америке давно скончались, как и первый муж — актер немого кино, умерший в 1933 году. Со вторым мужем, Стэном Макферсоном, она развелась. Когда с ним связалась полиция Лос-Анджелеса, тот заявил, что, по его мнению, Жанетт жива и просто скрывается, потому что задолжала ему много денег. Никаких других сведений он не предоставил, хотя отметил, что вся ее собственность, связи и деловые интересы находятся исключительно в США.

В ее голливудском агентстве сообщили, что Жанетт не выходила на связь и ее местонахождение неизвестно, хотя не исключено, что ей поступило предложение на съемки от «Уорнер Бразерс». В студии, в свою очередь, заявили, что ей предоставлен двухмесячный отпуск в рамках

действующего контракта. С двумя крупнейшими киностудиями поблизости от Лондона актриса на связь не выходила, и там впервые слышали о ее планах поработать в Великобритании. Их представители пообещали навести справки, однако ничего не смогли узнать.

В течение недели исчезновение Жанетт Маршан не сходило со страниц популярных газет. Знакомое лицо мелькало на первых полосах. Предполагали, что она похищена или даже убита, но тела не нашли и выкупа никто не потребовал. Некоторое время отовсюду поступали сообщения о женщинах, похожих на Жанетт: ее якобы видели на бульваре в Борнмуте, на скачках в Лидсе, в элитном магазине на Бонд-стрит в Лондоне. Ни в одном случае информация не подтвердилась, и вскоре СМИ утратили интерес к исчезновению актрисы, а полиция закрыла дело.

Глава 2

В свои двадцать Джастин Фармер еще не знал об исчезновении Жанетт Маршан, да и вообще думать о ней забыл — старые фильмы с ее участием затерялись в океане детских воспоминаний.

Он родился и вырос в Филд-Грин — чеширской деревушке на южной окраине Манчестера. В 1960 году его семья переехала в Лондон, и Джастин поступил на бакалавриат по медиаведению в Редингском университете, где имелся, среди прочего, курс по киноведению. Рединг, расположенный в долине Темзы к западу от Лондона, находился достаточно далеко от родительского дома, чтобы внушать Джастину чувство независимости, и в то же время достаточно близко к центру Лондона, чтобы регулярно посещать кинотеатры. Иногда Джастин ходил в кино с однокурсниками, все больше один. Кино стало его страстью. Чаще всего он бывал в Национальном кинотеатре (НКТ) в районе Саут-Банк.

В детстве Джастин смотрел то, что нравилось родителям и сестре, поэтому рос на комедиях, мюзиклах и фильмах о Второй мировой. Теперь,

живя относительно самостоятельно, он спешил наверстать упущенное и открывал для себя европейское, азиатское и независимое американское кино. В те времена возрождался после войны немецкий и японский кинематограф, французская «новая волна» радикально изменила подход к кино, а в Швеции достиг творческого расцвета Ингмар Бергман.

В репертуаре Национального кинотеатра водилось немало старых лент. Одни попадали туда за свои художественные достоинства, другие — чтобы проиллюстрировать творческий путь того или иного режиссера, актера или кинематографиста. В 1964 году в НКТ проходила ретроспектива, посвященная творчеству британского кинорежиссера Джеймса Уэйла, который много работал в Голливуде и особенно прославился экранизацией «Франкенштейна», вышедшей в 1931 году. Джастин активно знакомился с современным кинематографом и пока не интересовался старыми фильмами, но все же из любопытства решил посмотреть несколько картин Уэйла. Одна из них, снятая в Голливуде в том же 1931 году, преподнесла ему сюрприз из прошлого.

Фильм назывался «Вестминстерский мост». Действие происходило в Лондоне во время Первой

мировой войны и вращалось вокруг мимолетного романа американского солдата и проститутки. Картина вышла до принятия Кодекса Хейса, положившего конец «аморальным» сюжетам, и содержала сцены, признанные впоследствии непристойными. Хотя по куда более свободным стандартам 1960-х они были невинны, после премьеры оригинальную версию почти никогда не показывали, и тем не менее НКТ удалось раздобыть ленту без цензуры.

С первых же кадров Джастин с изумлением узнал в главной героине, проститутке, Жанетт Маршан. «Вестминстерский мост» он еще не видел — это не был один из тех двух фильмов, которые когда-то показывали по «Би-би-си». Хотя Джастин давно исцелился от своей детской страсти, в памяти сохранилось прекрасное лицо актрисы и то, как сдержанно и остроумно она преподносила свои реплики. Глядя на Жанетт Маршан через призму взрослого восприятия, он нашел ее по-прежнему очень привлекательной. В «Вестминстерском мосте» ей было примерно столько же лет, сколько самому Джастину, и мысль о том, сколько воды с тех пор утекло, его опечалила.

Знаменитостью Маршан больше не была, это

он знал точно. После сеанса Джастин поспешил взять в фойе НКТ листовку с информацией о фильме. О работе Уэйла говорилось больше, чем об актерах, хотя особо отмечали Бетт Дэвис[5], для которой это был всего третий фильм. Жанетт Маршан упоминалась лишь мимоходом, хотя в титрах она и ее партнер фигурировали как исполнители главных ролей. Говорилось, что она также сыграла одну из небольших ролей в выдающейся экранизации «Франкенштейна», снятой Уэйлом.

Изучив листовку, Джастин отправился в книжную лавку НКТ, где предлагался широкий выбор книг о кино, особенно биографий и энциклопедий. Жанетт Маршан упоминалась во всех. Некоторые фильмы с ней были описаны в подробностях, большинство лишь вкратце. Методом исключения Джастин вычислил те картины, которые видел в детстве по телевизору.

На следующий день он засел в университетской библиотеке, чтобы узнать больше о карьере Жанетт Маршан. Сведения, полученные в НКТ, подтвердились: после 1949 года новых фильмов с ней не выходило. В двух книгах сообщалось, что

---

[5] Примечания: 5

Бетт Дэвис (1908–1989) — американская актриса, многократная номинантка премии «Оскар». Фильм «Вестминстерский мост» вымышлен.

в том году она умерла, в третьей неопределенно говорилось, что она ушла из кинематографа и жила в безвестности, а в четвертой, изданной под эгидой популярной газеты, утверждалось, что Маршан сбежала с актером Дерком Холлидеем. При этом в заметке о самом Холлидее она упоминалась лишь как партнерша по двум фильмам. Сообщалось, что Холлидей завершил актерскую карьеру и теперь живет с женой-канадкой на ранчо в Южной Калифорнии.

В биографической энциклопедии о Жанетт Маршан говорилось как о незаслуженно забытой актрисе, не менее талантливой и разноплановой, чем ее современницы Барбара Стэнвик, Джоан Кроуфорд, Мирна Лой и Бетт Дэвис, однако почти не известной сегодня из-за трагически безвременного окончания карьеры. В статье упоминались родители и оба мужа Маршан, были перечислены многие ее фильмы, а также сообщалось о внезапной поездке в Великобританию и загадочном, так и не раскрытом исчезновении в Лондонском аэропорту. В 1955 году актрису официально объявили мертвой.

Заинтригованный, Джастин отправился в Лондон, рассчитывая найти подробности в газетном архиве Британского музея. Его интересовала не

столько сама история, сколько то, как ее преподносили в прессе. В архиве он провел целый день. Освещение происшествия в газетах оказалось весьма поверхностным и шаблонным, будто единственной целью журналистов было напомнить публике о блеске Голливуда в суровые послевоенные годы.

Из газет Джастин узнал лишь один факт, отсутствовавший в биографических статьях: «Ньюс кроникл» и «Дейли миррор» мимоходом упоминали, что мужчина, летевший первым классом, часть долгого перелета провел рядом с актрисой. Джастин задумался, что это могло бы значить. Знала ли Жанетт Маршан этого человека до полета, или то был навязчивый незнакомец? Почему он не полетел до Лондона? В газетах его называли «загадочным неизвестным» — выяснить, кто он, репортерам не удалось.

Пару недель спустя субботним утром Джастин отправился поездом из Рединга в Лондон, доехал на метро до «Хаунслоу-Уэст» — конечной станции линии Пиккадилли — и пересел на автобус до аэропорта, тогда еще называвшегося Лондонским, хотя уже появились планы переименования в Хитроу.

Кое-какие детские переживания привили Джа-

стину особенный, тревожный интерес к полетам. Узнав, что Жанетт Маршан пропала в аэропорту, он почувствовал с актрисой необъяснимое родство. Сам он не летал и не планировал — впрочем, для бедного студента размышления на этот счет в любом случае оставались лишь теоретическими.

Джастин прогулялся по центральной зоне аэропорта, слушая неумолчный шум автомобилей, такси и служебных машин, которые медленно ползли по лабиринту односторонних дорог. Время от времени со стороны аэродрома доносился рев реактивных двигателей, усугублявший ощущение постоянной спешки. Повсюду стоял запах керосина.

Джастин постарался абстрагироваться и представить, как аэропорт мог выглядеть ночью, в темноте, полтора десятилетия назад, в эпоху пропеллерных самолетов. До конца 1940-х Хитроу был простым аэродромом, в годы войны иногда использовался для разгрузки авиабазы королевских ВВС «Нортхолт» и время от времени принимал пассажирские рейсы, отклоненные аэропортом Кройдона, который тогда считался главным в Лондоне. С появлением трансатлантических рейсов поросшую травой взлетно-посадочную полосу залили бетоном, сделали длиннее

и надежнее. Поскольку аэропорт Кройдона не подлежал расширению из-за высокой плотности окружающих зданий, рейсы из него перевели в Хитроу.

Со времен полета Жанетт Маршан зоны обслуживания в аэропорту претерпели значительные изменения. Временных сооружений BBC, использовавшихся в 1949 году, почти не осталось. Активно строились новые терминалы, многоуровневые парковки и административные здания.

Гуляя по аэропорту, Джастин заметил на краю одной из парковок несколько старых времянок и сумел к ним подобраться, ради чего пришлось несколько раз переходить запутанные автомобильные дороги. Заброшенные сооружения окружал сетчатый забор.

В послевоенной Великобритании времянки были привычным зрелищем. В 1949 году в Хитроу здесь проверяли паспорта, билеты и багаж. Джастин попытался вообразить, что чувствовала Жанетт Маршан, идя по бетонному полю в холодную неотапливаемую палатку для приема прибывающих пассажиров. Ее не встречали теплыми улыбками нарядные и приветливые сотрудники нынешнего образца, разве что служа-

щие или полицейские. И повсюду следы разрухи и бедности — электрические лампочки без абажуров, старая мебель…

В тот день Джастин лишь издалека посмотрел на старые сооружения и направился к ближайшему из двух больших современных терминалов, страдая от шума и мельтешения автомобилей. Приблизившись к двери под вывеской «Вылет», он внезапно испытал странное чувство: не страх, не ужас — скорее, тревогу, неприязнь, неуловимое воспоминание, словно он был здесь, когда произошло что-то неприятное.

Между тем в Лондонском аэропорту, да и вообще в крупном международном аэропорту Джастин находился впервые. Он замер. Сзади напирали люди, спешившие попасть внутрь. Мужчина с двумя тяжелыми чемоданами обошел его, нечаянно ударив по ноге, и Джастин инстинктивно отступил в сторону, а потом двинулся следом, отогнав чувство смутного ужаса.

В терминале было просторно, из окон под высокими потолками лился дневной свет, всюду сновали люди, фоном звучала музыка, и хотя она часто прерывалась объявлениями о посадке или напоминаниями приготовить паспорта и билеты, это не вызывало напряжения и тревоги

— напротив, голос диктора звучал умиротворяюще. Аэропорт ощущался как место перехода, где всё временно и все куда-то направляются, сливаясь в непостоянное множество, лишенное коллективного разума. Люди путешествовали в одиночку, парами или компаниями, с разными мотивами и намерениями, ни одно из которых не предполагало единения с толпой и пребывания в аэропорту дольше необходимого.

Механическое табло пощелкивало, анонсируя текущие направления: Рим, Лиссабон, Аликанте, Западный Берлин, Ницца. Первый рейс в списке то и дело исчезал, а внизу появлялся новый — еще один знак непостоянства и ненадежности. К стойкам регистрации вдоль стены тянулись длинные очереди пассажиров. Одни, продвигаясь вперед, подталкивали свои чемоданы ногой, другие всякий раз наклонялись. Каждый в конце концов уходил на посадку, а им на смену прибывали новые, словно по велению механического табло.

Джастин бродил по терминалу, осматриваясь. Музыка звучала довольно громко, людям приходилось ее перекрикивать, и от этого в зале стоял шум. Некоторые ждали молча, другие раздраженно препирались между собой. Одинокие мужчины нетерпеливо притопывали ногами,

явно считая ожидание неприемлемым для себя, мужья и жены держались порознь, дети вели себя беспокойно и выглядели обиженными. При этом многие пассажиры были одеты легко и даже фривольно в предвкушении средиземноморского тепла.

Парадоксальным образом терминал являл собой территорию навязанного спокойствия и пустых перспектив. Легкая музыка создавала расслабленную атмосферу обыденности, яркие табло с рекламой дорогих напитков, косметики и отелей навевали мечты о карьерных успехах и светском блеске, постоянно обновляющееся расписание рейсов сулило близость экзотических стран и шикарных курортов. Сотрудники, одетые в нарядную униформу, ободряюще улыбались при общении с пассажирами, стремясь внушить чувство безопасности, чего не делают в других заведениях — конторах, школах, на заводах и железнодорожных вокзалах. Тем не менее напряжение незримо витало в воздухе аэропорта, и намеренное создание эффекта повседневности его лишь усугубляло. Джастин ощущал это напряжение повсюду, хотя сам не был пассажиром.

Возможно, так проявлялся страх перед полетами, свойственный многим путешественникам.

Летать безопасно — статистика наглядно свидетельствует, что у пассажира куда больше шансов погибнуть по пути в аэропорт, чем на протяжении сотни тысяч километров полета, — и все же многие боятся авиакатастроф. Собственный опыт полета Джастин не мог назвать благоприятным и теперь гадал, всех ли здесь терзают те же опасения.

В суровые послевоенные времена, когда поздним вечером Жанетт Маршан прилетела из США в Великобританию, аэропорт несомненно, выглядел иначе. В 1949 году многие здания в Лондоне еще не восстановили после «Блица»[6]. Целые районы были огорожены строительными заборами — завалы расчистили, но ничего не строили. Дороги, электросети, трубы водо- и газоснабжения подлатали, однако лишь в 1950-х у государства появились средства на систематическое восстановление городов и пострадавшей инфраструктуры. А поскольку в аэропорту имелись вполне функциональные сооружения, его реконструкция не входила в число первоочередных задач.

---

[6] Примечания: 6

«Блиц» — авиабомбардировки Великобритании силами нацистской Германии в сентябре 1940-го — мае 1941 года, начавшиеся с бомбардировок Лондона, которые продолжались 57 дней подряд.

Межконтинентальных рейсов в те времена было мало — только постоянный маршрут между Великобританией и Северной Америкой, доставка грузов в ЮАР и Австралазию да несколько направлений в послевоенной Европе. В Западный Берлин регулярно летали военные самолеты с поставками топлива и продуктов питания.

Эра недорогих авиаперелетов настала в Великобритании лишь в конце 1950-х годов, когда появились доступные чартерные рейсы в курортные города Испании, Франции и Греции. Количество таких рейсов с каждым годом росло, и теперь в здании терминала постоянно толпились легко одетые пассажиры, едущие отдыхать.

В Рингвее, главном аэропорту Манчестера, знакомом Джастину с детства, раньше тоже стояли временные сооружения Королевских ВВС, оставшиеся после войны. В детстве Джастин иногда ездил на велосипеде в Рингвей и бродил по аэропорту, открытому для посетителей. Тогда им еще управляли Королевские ВВС, но количество гражданских рейсов неуклонно возрастало.

Рингвей манил Джастина по причинам, которые тот даже не пытался понять. От дома до аэропорта было меньше двух километров, и над крышей постоянно пролетали заходящие на

посадку самолеты. На опасность и шум никто не жаловался — возможно, оттого, что взрослых закалили страшные годы воздушных рейдов и боевых патрулей. Джастина самолеты очаровывали, и он всегда смотрел вверх, когда очередной авиалайнер заходил на посадку. Мальчишки его возраста с блокнотами и биноклями часто толклись в аэропорту, наблюдая за самолетами, и Джастин тоже попробовал заняться споттингом[7], однако ему быстро надоело. Аэропорты имели для него неуловимое очарование, невыразимое в словах и даже мыслях.

Сотрудники аэропорта и таможни наверняка сразу обратили бы внимание на Жанетт Маршан. Она была знаменитостью и умела выглядеть безупречно. Ее внешность, поразительная даже и после долгого перелета, произвела бы неизгладимое впечатление. Актрису, несомненно, заметили бы, узнали и вспомнили даже через несколько дней, когда началось расследование ее исчезновения. Тем не менее после того, как она вошла во временный пассажирский терминал,

[7] Примечания: 7

Споттинг — увлечение, которое заключается в наблюдении за самолетами. Споттеры отслеживают их перемещения, записывают технические сведения, а также информацию об аэропортах, воздушных маршрутах, трафике и т. д.

никто из сотрудников и пассажиров аэропорта ее не видел. Впрочем, достаточно ли тщательно их опросили? Уже не узнать — с тех пор прошло пятнадцать лет, изменился не только аэропорт, но и работавшие в нем люди: одни уволились, вместо них пришли другие. Сотрудники работали по сменам, уходили в отпуска, события стирались из памяти…

Джастин заказал в закусочной чашку кофе и уселся за столик с ярко-красной пластиковой столешницей, мысленно перебирая все, что знал о загадочном исчезновении Жанетт. Наверняка произошедшему существовало логичное объяснение. Похищение, убийство — все эти версии полиция рассматривала и по разным причинам исключила. А может быть, произошла ошибка и Жанетт вовсе не прилетела в Лондон, а высадилась на одной из промежуточных остановок? Или ушла с загадочным мужчиной, который покинул самолет в Шанноне? Кто бы это мог быть? Они ведь явно знали друг друга — или познакомились во время долгого перелета.

Может, Жанетт вообще в последний момент передумала и не села в самолет до Лондона, а осталась в США, чтобы попытаться распутать клубок своих проблем? Но как в таком случае

объяснить показания членов экипажа? Они ведь знали, что перед ними Жанетт Маршан.

Оставалась еще вероятность, что после посадки в Лондоне Жанетт скрылась по собственной воле. Наверняка она устала от своей известности, от вопросов репортеров и вспышек фотокамер, преследовавших ее на каждом шагу. Голливудская слава обходится дорого — личная жизнь знаменитостей всегда в центре внимания, и каждый день о ней пишут желтые газеты, кинокритики и охотники за сенсациями на потребу восхищенной публике, которой звезды обязаны своим существованием. Жанетт решила, что с нее довольно, и исчезла.

Впрочем, ни одно из этих объяснений не выдерживало критики. Как она могла миновать стандартные проверки в аэропорту — паспортный контроль, таможню и тому подобное? А даже если ей это каким-то образом удалось и никто ее не заметил и не запомнил, куда она пошла дальше и как уехала из аэропорта?

С юности Джастин любил докапываться до правды и глубоко вникать в предмет. Он вел журнал просмотренных фильмов, и эти тетради, копившиеся на протяжении многих лет, заложили фундамент его энциклопедических знаний о

кино, благодаря которым Джастин впоследствии стал легендой среди кинокритиков. Он осознавал свою педантичность и считал ее скорее тягой к аккуратности, чем одержимостью, хотя и задавался порой вопросом, где пролегает грань.

В головоломке исчезновения Жанетт Маршан недоставало одного фрагмента, и эта незавершенность цепляла Джастина за живое. Совершенно очевидно, что ключом к разгадке являлся человек, летевший вместе с актрисой, только выяснить его личность столько лет спустя не представлялось возможным. В газетных репортажах о нем упоминали лишь ради сенсации, да и то вскоре утратили интерес.

Некоторое время спустя после бесплодной поездки в Лондонский аэропорт у Джастина возникла идея, и когда он в следующий раз собрался в Лондон смотреть очередное кино, то выехал заранее и отправился в газетный архив Британского музея. В прошлое посещение Джастин смотрел только британские газеты, а ведь имелись еще американские, питавшие к жизням кинозвезд особый интерес!

Он запросил подборку американской прессы за несколько дней после исчезновения Жанетт Маршан. В музее хранились лишь «Нью-Йорк таймс»,

«Уолл-Стрит джорнал» и «Вашингтон пост». В двух последних о Жанетт вообще не упоминали, зато в «Нью-Йорк таймс» на следующий же день поместили на первой полосе репортаж о происшествии, по содержательности, впрочем, мало отличавшийся от британских. А неделю спустя, когда экипаж самолета вернулся в США, в газете вышел материал со свидетельствами тех, кто обслуживал Жанетт Маршан. В нем назывались имена двух бортпроводниц первого класса: Беа Харрингтон, уроженки Чикаго, и Аннет Уилсон из Огайо.

Джастин написал в нью-йоркский головной офис «Пан-Американ» с вопросом, работают ли еще эти женщины в авиакомпании и, если да, могут ли сообщить, что помнят о происшествии и кем был человек, летевший с Жанетт.

Три недели спустя пришел машинописный ответ на бумаге с логотипом «Пан-Ам»:

«Уважаемый мистер Фармер, большое спасибо за письмо! Мы всегда рады весточкам от друзей из Англии. Авиакомпания “Пан-Американ” — трансатлантический авиаперевозчик № 1.

Вы хотели узнать имя одного из пассажиров рейса № PAA 6 из Нью-Йорка (Ла-Гуардия) в Лондон, в Англию, от 14 апреля 1949 года. Такие сведения

содержатся в манифесте (списке пассажиров), и мы были бы рады вам помочь, однако в обычных обстоятельствах предоставляем доступ к спискам пассажиров лишь по ордеру прокурора округа. Мы считаем своим долгом охранять право пассажиров на тайну частной жизни. Надеемся, вы понимаете, что доверие пассажиров имеет решающее значение для нашей успешной работы в качестве одного из крупнейших авиаперевозчиков. Мы гордимся нашим высоким уровнем обслуживания.

По этой же причине мы не можем предоставить личные сведения о членах экипажа. Как работодатель, мы обязуемся не раскрывать имена сотрудников третьим лицам.

Тем не менее мы понимаем, что вы имеете особые причины интересоваться данным рейсом, а некоторые имена уже стали достоянием общественности в связи с освещением событий, последовавших за посадкой в Лондоне. Поэтому я могу подтвердить, что бортпроводница Аннет Уилсон действительно обслуживала пассажиров первого класса на указанном рейсе. В настоящее время мисс Уилсон больше не работает в авиакомпании "Пан-Американ". Бортпроводница Беа Харрингтон на данном рейсе являлась старшим

членом команды бортпроводников первого класса. Это я, и тот рейс отлично мне запомнился. В связи с общественным интересом мы с мисс Уилсон в подробностях рассказали все, что знали, вскоре после возвращения в Нью-Йорк.

Первым классом на этом рейсе летели всего два пассажира. Один из них — лицо, упомянутое в вашем письме. Билет был приобретен на имя миссис Верити Мэй Калутц.

Имя второго пассажира я не могу назвать по упомянутым выше причинам. Тем не менее я могу сообщить, что этот человек имел паспорт гражданина Великобритании. Он обратил на себя наше внимание не только тем, что предположительно знал миссис Калутц, но и тем, что прекрасно говорил по-английски с легким иностранным акцентом. Мы с мисс Уилсон сначала приняли этот акцент за британский, а позже в течение полета поняли, что он европейский — возможно, голландский или немецкий. Поскольку миссис Калутц снималась в кино, мы гадали, не знаменитость ли этот мужчина, однако нам он был незнаком. Я подтверждаю, что он высадился в аэропорту Шаннона, хотя у него был билет до Лондона.

Сожалею, что не могу предоставить более

никаких сведений о рейсе. Если вас заинтересует информация общего характера, буду рада ответить. Надеемся когда-нибудь увидеть вас среди пассажиров одного из наших рейсов класса люкс Лондон — Нью-Йорк.

С уважением, Беатрис Харрингтон
Вице-президент по работе с клиентами,
авиакомпания “Пан-Американ”»

Глава 3

В подготовительную школу Джастин пошел с шести лет. Классическое здание Викторианской эпохи с игровыми и спортивными площадками располагалось на окраине Филд-Грин. Он ходил туда два года, и именно эта школа неожиданным образом заронила в его душу интерес к авиации. Джастин с детства питал здоровый интерес к кино и нездоровый — к самолетам, аэропортам и их влиянию на обычных людей.

Он рос в обычной семье. У него была сестра на четыре года старше — Мэнди для друзей, Аманда для родных. Отца звали Мортимер, мать Николь, для своих — Морт и Ники. Родители производили впечатление людей, вполне довольных жизнью. Морт каждый день ездил на работу в центр Манчестера, где занимался дизайном и версткой журналов. До рождения Джастина он был чертежником, что обеспечивало бронь в военное время. Это занятие ему совсем не нравилось, и сразу после окончания войны Морт переучился на художника-дизайнера. Работа в журналах давала ему значительную творческую свободу. Ники в

военные годы вела хозяйство и растила детей, а когда Джастин пошел в школу, устроилась на должность администратора у местного хирурга.

Начальная школа находилась у пригородной дороги, в окружении частных домов и фермерских пастбищ. Дорога, изначально проселочная, расширилась, когда вдоль нее выросли дома и школа, а потом стала главным маршрутом до аэропорта Рингвей, чей главный терминал располагался менее чем в километре от школы. Постоянный гул американских грузовых самолетов и реактивных истребителей Королевских ВВС резко контрастировал со старомодной школьной архитектурой и обстановкой.

Впрочем, для Ники и Морта недостатки школы особого значения не имели — главное, что там преподавала миссис Хамбер, чьи ученики без труда поступали в среднюю школу в соседней деревне. В итоге Джастин действительно туда поступил, но до тех пор ему приходилось несладко. Уборные в школе были примитивные, скромный библиотечный фонд включал лишь довоенные детские книги и весьма ограниченный набор учебных пособий. Высокие арочные потолки в классах создавали эхо, и дети на последних рядах с трудом разбирали слова учителей, тем более что

снаружи то и дело доносилось гудение самолетов, заходивших на посадку. Школьники сидели за длинными высокими столами на тяжелых деревянных табуретах со скользкими сиденьями, с которых то и дело сползали (порой намеренно).

Близость аэропорта почти с первого дня возбуждала в Джастине живой интерес. Над школой самолеты летали гораздо ниже и медленнее, чем над его домом. Главная взлетно-посадочная полоса заканчивалась буквально в нескольких десятках метров от школьной территории. Самолеты, заходившие на посадку, пролетали прямо над крышей — так близко, что можно было рассмотреть механизмы колесных узлов, огромные двигатели, пропеллеры и даже гайки и заклепки. На игровой площадке Джастин обязательно задирал голову, когда в вышине проносилось серебристое тело самолета. Других детей рев двигателей пугал, они пригибали головы и затыкали уши, а Джастин благоговейно впитывал каждую ноту.

Почти все перемены он проводил у ограды, глядя на взлетно-посадочную полосу. Такая увлеченность, как выяснилось, давала неплохую защиту от жестокого мира, и Джастин на всю жизнь усвоил этот урок. Неподалеку от школы

находился квартал, построенный сразу после войны для расселения трущоб, и многие тамошние мальчики любили подраться, а Джастин — тихоня в очках — являл собой удобную цель для нападок. Однако он почти не обращал на своих мучителей внимания, и тем скоро надоело его задирать.

На дальнем краю аэропорта квартировала действующая эскадрилья Королевских ВВС. С территории школы можно было разглядеть ангары и диспетчерскую вышку. Хотя эскадрилья состояла преимущественно из старых пропеллерных самолетов, присутствовали в ее составе и реактивные истребители, за которыми Джастин наблюдал с особым интересом. Он был еще мал и лишь недавно начал прислушиваться к разговорам взрослых о прошедшей войне. Самолеты, бывшие на слуху в военное время, уже не использовались — на смену им пришли реактивные модели. Вместо двухмоторных бомбардировщиков «Глостер Метеор», истребителей «Спитфайр» и «Харрикейн», хорошо знакомых всем, кто пережил войну, теперь летали «Вампиры» и «Веномы» компании «Де Хэвилленд». Каждый день они проносились низко в небе над школой. Учителя досадовали на шум, а Джастин радовался.

Когда ему исполнилось восемь, необременительная зубрежка под руководством миссис Хамбер принесла желаемый результат, и он поступил в начальный класс средней школы, а через три года перешел в средние классы. Дни высоких табуретов, меловой пыли, школьной травли и серебристых силуэтов в небе над головой остались позади.

Когда Джастину было двенадцать, в последние выходные летних каникул Морт и Ники повезли детей на пляж в Саутпорте на побережье Ланкашира, где уже несколько раз отдыхали раньше. По пути они заехали на пляж в Айнсдейле — городе, который славился своей площадкой для игры в гольф, как сообщил Морт, не преминув добавить, что гольфом не интересуется. Айнсдейл и Саутпорт располагались на южном берегу реки Риббл, где при отливе открывался обширный ровный пляж с плотным слоем песка, по которому можно было проехать на машине безо всяких правил дорожного движения.

Морт свернул с асфальтовой дороги и через широкий просвет между песчаными дюнами выехал по траве на пляж. На берегу он повел машину очень странно: стал резко ускоряться и вилять вправо-влево. Автомобиль опасно кренился, ко-

леса вздымали клубы песка, мотор ревел так, что в тесном салоне это походило на гул реактивного двигателя. Другие машины на пляже — преимущественно такие же скромные семейные седаны — тоже двигались в этом безумном ритме. Два спортивных автомобиля с откинутым верхом устроили акробатическое соревнование; молодые водители неслись наперегонки, а девушки на пассажирском сиденье прикрывали головы шарфами. Морт хохотал и что-то кричал Ники; та крепко упиралась руками в приборную панель, явно получая удовольствие от этой безумной гонки.

Дети на заднем сиденье едва успевали вертеть головами. Их то и дело бросало друг на друга, и Аманда всякий раз сердито отталкивала брата. Джастин старался держаться крепче, одновременно и напуганный, и захваченный опасными поворотами.

Вскоре Морт наигрался, сбросил скорость и неторопливо доехал до киоска с мороженым, где купил всем по королевскому рожку — белое ванильное мороженое с красными полосками клубничного, а сверху ярко-синий сироп. Он ел, опершись на капот и глядя на далекое море. Ники с улыбкой передразнивала мужа, так же, как

он, облизывая медленно тающее мороженое, и липкие струйки текли у обоих по подбородкам. Джастин подходил к делу более продуманно: систематически поворачивал рожок, чтобы не упустить ни капли. Разгадать вкус синего сиропа так и не удалось.

Потом они вновь сели в машину и быстро доехали до Саутпорта. Здесь тоже разрешалось ездить по пляжу на машинах, но движение регулировалось, а парковаться можно было только в специально отведенном месте за шесть пенсов в пользу городского совета. Люди ворчали, но платили. Когда Айнсдейл остался позади, выглянуло солнце, и теперь широкий золотистый пляж, кристально-голубое небо и гладко-серебристое море манили отдохнуть.

Ники доставала из багажника шляпы и детские купальные принадлежности, звала пройтись дальше по пляжу, чтобы выбрать место посвободнее, однако Джастин ничего этого не видел и не слышал. Его вниманием полностью завладел одномоторный аэроплан, круживший невысоко над водной гладью. Неожиданно тот набрал высоту, резко развернулся, накренившись на одно крыло, стал стремительно спускаться, а потом выровнялся и полетел к берегу — казалось, прямо

в гущу отдыхающих. Над линией прибоя аэроплан вновь развернулся и полетел вдоль пляжа, постепенно замедляясь. Закашлял двигатель, дрогнули крылья, шасси коснулось плотного песка, аэроплан, подпрыгнув, проехал немного вдоль берега и наконец остановился. Пропеллер еще некоторое время вращался, из-под кожуха двигателя струился легкий дымок, уносимый ветром.

— Ты видел, папа? — взволнованно воскликнул Джастин. — На пляже сел самолет!

— Они тут почти каждые выходные летают. Катают по пять шиллингов со взрослого, полкроны с ребенка.

— А можем мы тоже полететь, папочка? Ну пожалуйста!

Аманда со скучающим видом отвернулась.

— Можно мне? — упрашивал Джастин.

Пока они разговаривали, парень в фуражке открыл боковой люк, и три пассажира, соскользнув по нижнему крылу, спрыгнули на песок, а им на смену поднялись следующие желающие. Джастин с завистью провожал их глазами. Из открытой кабины виднелась голова пилота в кожаном шлеме и летных очках — тот дожидался, пока новые пассажиры протиснутся через ма-

ленький люк во внутренний отсек. На блестящих крыльях и фюзеляже играли солнечные блики.

Джастин пытался определить, что это за самолет. На стене в его комнате висела таблица-определитель самолетов, и Джастин знал ее наизусть, но эта модель — одномоторный биплан с открытой кабиной пилота посередине — не подходила ни под одно описание. Она напоминала «Тайгер Мот», популярный самолет для частных и клубных полетов, только крупнее и тяжелее, с пассажирской кабиной внутри фюзеляжа, между двигателем и кабиной пилота. Джастин привык к крупным коммерческим самолетам, а этот выглядел устаревшим, и тем не менее летал, совсем как настоящий!

Он потянул Морта за руку.

— Можно, папочка?

Морт взглянул на Ники. Та покачала головой, Аманда и вовсе отошла, так что полетели они вдвоем.

Морт купил билеты, и они с Джастином встали в очередь вместе с другими желающими. Аэроплан сделал еще три захода, каждый раз вздымая при взлете клубы песка. Джастин горел от нетерпения. Впервые в жизни он видел самолет так близко — даже ближе, чем те, что пролетали над

крышей его начальной школы.

Маршрут был неизменный: аэроплан медленно ехал вдоль берега, прочерчивая в песке колею главным шасси и маленьким хвостовым колесом, разворачивался носом к ветерку с моря и заводил мотор на полную мощность. После недолгого разбега взмывал в воздух и двигался к воде, кренился на правое крыло, почти окунаясь в волны, вновь выравнивался и устремлялся к солнцу. Прикрывая глаза ладонью, Джастин жадно наблюдал за поворотами и резкими спусками, мечтая как можно скорее испытать их лично — сколько можно смотреть издалека!

Наконец подошла их с Мортом очередь. Аэроплан, подпрыгивая, приземлился, сильно накренившись на правое крыло, выровнялся и остановился. Пассажиры высадились, а Морт, Джастин и молодая пара, ожидавшая очереди вместе с ними, поспешили занять места. Парень в фуражке помог им забраться по туго натянутой парусине крыла, подсказывая, куда лучше не наступать.

Внутри оказалось намного теснее, чем ожидал Джастин. Между двумя жесткими скамьями почти не было места, так что пассажиры упирались друг в друга коленями, и рослый Морт с трудом

устроился так, чтобы не толкать сидевшую напротив него девушку. Не успели они усесться, как парень в фуражке закрыл люк и завелся мотор.

Полет совсем не оправдал ожиданий Джастина. Темная тесная кабина располагалась в непосредственной близости от кожуха двигателя, и они с Мортом сидели ближе всех. Тонкая переборка ничуть не спасала от оглушительного шума, а вибрировало так, что у Джастина стучали зубы. Удушающе пахло бензином, маслом, дымом и чем-то еще. Мотор хрипел, будто работал из последних сил. Через исцарапанные, покрытые толстым слоем грязи иллюминаторы почти ничего не было видно, а изнутри они не открывались. Всякий раз как аэроплан разворачивался к солнцу, пассажиров ослепляло бело-оранжевое сияние.

Пока они с шумом катились по берегу, в душе Джастина нарастала паника от невозможности выбраться, свободно дышать, слышать и видеть, что происходит. Он постарался взять себя в руки.

Аэроплан развернулся, с ревом помчался в обратную сторону и через несколько мгновений взлетел. Внутри сразу стало немного легче. Шум двигателя усилился, зато прекратились вибрация и болезненные толчки от движения по неров-

ному песку.

Джастин развернулся к иллюминатору в тщетной попытке что-нибудь разглядеть. Большую часть обзора перекрывало нижнее крыло, и все же ему удалось увидеть пляж с людьми. Потом аэроплан накренился, и в иллюминаторе осталось только небо, а когда выровнялся, Джастин увидел прямо под собой море.

Мотор на мгновение затих, и к горлу подкатила тошнота. Потом в иллюминаторе вновь показалось небо, и они понеслись вниз с креном на одно крыло. Джастин упал на отца и столкнулся коленками с мужчиной напротив. Содержимое желудка устремилось к горлу, а в ушах что-то хлопнуло. Аэроплан на несколько секунд выровнялся и вновь стал резко разворачиваться, взлетать и падать, подпрыгивая при этом, словно автомобиль, мчащийся по неровной дороге. Наконец еще один резкий спуск, от которого сердце забилось в глотке, головокружительный разворот с видом на бьющиеся о берег волны, громкий рев мотора, треск обратной вспышки — и относительная тишина.

Заскрипело шасси, пассажиров стало мотать из стороны в сторону, и Джастин мельком увидел в иллюминатор людей, ожидающих в очереди.

Вскоре после остановки люк открылся, и парень в фуражке помог всем выбраться наружу. Джастина качало.

— Ну как, тебе понравилось? — спросил Морт.

— Да, папа, спасибо! — откликнулся Джастин, приученный благодарить за развлечения, хотя ноги у него подгибались, а впечатления от полета были столь неожиданными и противоречивыми, что вряд ли укладывались в понятие «понравилось». Он был счастлив оказаться на земле, услышать привычные звуки летнего пляжа, почувствовать на коже дыхание ветра и оставить стук мотора позади. Под палящим солнцем следующие четыре желающих уже карабкались по нижнему крылу и, согнувшись в три погибели, проталкивались в люк.

Главным образом Джастин испытывал облегчение оттого, что благополучно пережил страшное испытание. Они с отцом и двое других пассажиров были фактически заперты внутри и не сумели бы выбраться, пойди что-то не так. В то же время его потрясли виды, на мгновение открывшиеся с высоты, простор, скорость и новизна перспективы.

Джастин проводил взлетающий аэроплан глазами, стараясь запомнить его во всех подроб-

ностях. Тот был белый, не считая заплаток на фюзеляже, и довольно грязный, с потеками масла вокруг кожуха двигателя. Вдоль борта тянулась горизонтальная красная полоса, разорванная регистрационным кодом: G-ACCB. Крылья тоже были выкрашены в красный.

На следующий день Джастин сразу после уроков отправился в деревенский книжный магазин, надеясь найти там книги, которые помогут опознать аэроплан. Выяснилось, что это «Де Хэвилленд 83 Фокс Мот» — снятый с производства легковой транспортный и пассажирский самолет, сконструированный на основе «Тайгер Мота» с увеличенным пространством для размещения пассажиров или грузов. Эти сведения нашлись в дорогой книге, которую Джастин не мог себе позволить, поэтому поставил на полку и вышел.

На той же неделе он отправился в местную библиотеку и с помощью одной из сотрудниц просмотрел реестр современных коммерческих аэропланов. Там обнаружились интересные подробности о борте G-ACCB.

У аэроплана имелись серийный и регистрационный номера, которые Джастин записал, потому что любил такие сведения. Он был произведен в 1933 году в Англии и принадлежал компании из

Саутпорта, которая владела еще двумя самолетами той же модели. Они служили для доставки почты в окрестностях Мерсисайда и Файлда, от Беркенхеда на юге до Флитвуда на севере. В поле «Тип использования» значилось «Такси/чартер, коммерческие полеты вне расписания». Экипаж состоял из одного человека, и разрешенное количество пассажиров было три, а не четыре.

По дороге домой Джастин купил тетрадь и вечером переписал все эти сведения на первую страницу. Отныне он собирался фиксировать информацию обо всех своих полетах и любые другие интересные факты, связанные с самолетами. Под каждую запись отводилась одна страница с местом для комментариев внизу.

Джастин любил записывать все, что видел и делал. У него уже была похожая тетрадь с названиями песен, услышанных по радио, и еще одна, куда он исправно вносил сведения о просмотренных фильмах.

Как ни удивительно, уже вскоре появился повод дополнить страничку, посвященную первому полету.

В последние выходные сентября борт G-ACCB, пассажирский самолет «Фокс Мот», вылетевший с пляжа Саутпорта для совершения увеселитель-

ного рейса вне расписания, потерпел крушение вскоре после взлета. Закладывая вираж над морем, аэроплан неожиданно потерял высоту, когда временное снижение мощности двигателя совпало с отсутствием ветра, и рухнул прямо в воду.

Пилот и все четыре пассажира выжили, но получили множественные травмы и переохлаждение из-за долгого пребывания в воде. Всех доставили в больницу в состоянии, не угрожающем жизни. Аэроплан подняли со дна моря через день или два. Восстановлению он не подлежал.

Записывая эту информацию на первой странице своей тетради, Джастин старался сохранять объективность, и все же подробности катастрофы, о которых рассказывали на страницах газет и по телевизору, его ужаснули. Он прекрасно представлял, каково это было — находиться в шумной и тесной кабине, когда мотор умолк, крылья замерли, и аэроплан с разбега рухнул в воду. Пассажиры попали в ловушку — ведь люк открывался только снаружи!

После этого происшествия Джастин стал везде носить с собой фотоаппарат. Компактная отцовская «Комета С» стала его спутницей на несколько лет — Джастин возил ее с собой даже в школу в специальном отделении велосипедной сумки.

Глава 4

Авиационная тетрадь заполнялась медленно: Джастин хотел писать только о самолетах, которые видел вблизи, изнутри или имел особые причины внести в свой журнал. Возможностей для этого обычному школьнику предоставлялось не так много. Заниматься авиаспоттингом и записывать номера ради записывания не хотелось, о развлекательных полетах после крушения в Саутпорте не могло быть и речи, а потом пришла зима. Тетрадь лежала без дела, хотя всегда под рукой.

Записывать названия поп-песен, услышанных по радио, Джастин перестал, решив, что это сущая глупость. Какой смысл?.. Другое дело — третья тетрадь, в определенном смысле задавшая направление всей его жизни. В нее Джастин вносил сведения о посмотренных фильмах.

Когда ему было восемь, родители отвели их с Амандой в один из ближайших кинотеатров. Фильм, который тогда показывали, произвел на Джастина большое впечатление: история об огромном бродячем цирке с дрессированными

львами и слонами, с жонглерами, акробатами, канатоходцами, клоунами, танцовщицами и музыкантами, не говоря уж об огромном штате рабочих. Джастин, еще не видевший ничего подобного, был околдован мастерством артистов, подстерегавшими их опасностями, напряженными отношениями между персонажами, да и вообще размахом происходящего. Сюжет складывался из нескольких историй — про загадочного клоуна, который никогда не смывал грим, про борьбу за влияние между директором и владельцами цирка. Один из воздушных гимнастов упал с огромной высоты во время представления, а в конце фильма произошло страшное крушение поезда.

Джастин вышел из кино потрясенный. Он понимал, что все это понарошку, и тем не менее размах делал выдумку реальностью. Фильм назывался «Величайшее шоу мира», и Джастин был полностью с этим согласен. Придя домой, он сразу записал название, а через несколько дней переписал его большими буквами в чистую школьную тетрадь. Хотелось написать о фильме еще что-нибудь, только больше он ничего не знал.

Потом Джастин вспомнил, что это не первый

его поход в кино — он ведь еще смотрел мультфильм о Белоснежке! Тот был совсем другой — временами смешной, временами страшный, и со счастливым концом. Мама сказала ему полное название — «Белоснежка и семь гномов», — и Джастин записал его большими буквами на второй странице. Аманда напомнила, что в прошлое Рождество они ходили в кино на «Волшебника страны Оз», и хотя Джастин помнил оттуда лишь некоторые сцены, он посвятил этому фильму третью страницу.

Так с детского увлечения началась подробная база данных, которую ему предстояло вести всю жизнь. Подростком Джастин прямо в полумраке кинозала делал заметки в блокноте, а потом переносил в тетрадь. Для него это стало способом сохранить информацию — не о том, что понравилось, не о сценах, сюжетах и персонажах, которые и так не забывались, а практические сведения о дате выпуска и продолжительности фильма, быстро вылетавшие из головы.

Наряду с этим Джастин все чаще смотрел старое кино по телевизору, однако фильмы с Жанетт Маршан, так поразившие его в детстве, больше не показывали. Хотя он помнил актрису, названия забылись, и внести в тетрадь было нечего. Дет-

ские воспоминания — яркие, но бессистемные: поначалу дети не видят связей, последовательности и общего контекста происходящего.

Вскоре он решил ставить фильмам оценки, начав, естественно, с «Величайшего шоу мира», которому поставил десять из десяти. «Пасхальный парад», на который притащили его родители, не вызвал у Джастина ничего кроме скуки и раздражения, поэтому получил безапелляционный ноль. Другие оценки колебались между этими двумя крайностями. Позднее, когда Джастин лучше узнал историю кино и понял, насколько это сложное дело — снимать фильмы, он пересмотрел свои оценки: «Величайшее шоу» опустилось до более скромных шести баллов, а «Пасхальный парад», хотя все равно ему не нравился, поднялся до четырех. Он продолжал ставить оценки фильмам лет до восемнадцати, пока не осознал, что это слишком примитивная система кинокритики — ведь плохая актерская игра или слабая режиссура может искупаться потрясающей музыкой или прекрасной работой оператора. Абсолютная объективность недостижима.

Первая тетрадь вскоре стала непригодна для записей, потому что Джастин без конца вычеркивал одно и дописывал другое. Серьезную

проблему представляло то, что он не мог смотреть и, следовательно, каталогизировать фильмы в хронологическом порядке. Старые и новые ленты Джастин смотрел вперемешку: по телевизору, естественно, показывали только старые, а когда он начал регулярно ходить в лондонский НКТ, вести хронологический список фильмов стало и вовсе немыслимо.

Постепенно Джастин начал разбираться в этапах эволюции кинематографа, тенденциях и периодах, истории и жанрах. Первую книгу о кино он купил в четырнадцать лет — о съемках фильма «Разрушители плотин»[8], вышедшего в 1955 году, — а потом стал регулярно пополнять свою коллекцию книгами из букинистических магазинов и с благотворительных распродаж, так что со временем образовалась солидная библиотека. Джастин быстро понял, насколько разнообразна интересующая его сфера, и собирал не только книги о конкретных фильмах, но и биографии кинорежиссеров, актеров, кинооператоров, сценаристов, а также книги о камерах,

[8] Примечания: 8

«Разрушители плотин» — историческая драма о создании «прыгающей бомбы», с помощью которой британские бомбардировщики разрушили две дамбы в гитлеровской Германии во времена Второй мировой войны.

форматах кинопленки и цензуре.

Закончив университет, Джастин устроился на свою первую работу — стажером-ассистентом в маленькую лондонскую фотостудию в Вест-Энде. Платили неплохо, только работа была скучная. Крупнейший клиент, фирма розничной торговли по каталогу, без конца заказывал фотографии товаров, и большую часть времени Джастин проводил в душной студии, снимая кухонную утварь, радиоприемники на транзисторах, садовый инвентарь, обувь и тому подобное.

Для хранения информации о негативах и распечатках в студии использовалась картотечная система, и скоро Джастин понял, что картотека может пригодиться и ему. Взял с работы несколько чистых карточек, переписал на них сведения о фильмах из своей тетради, а потом приобрел собственную картотеку и несколько месяцев по вечерам и на выходных переносил туда свои заметки. А еще купил пишущую машинку и научился на ней печатать.

К концу 1980-х, когда Джастин уже был признанным кинокритиком, а в Лондоне и Нью-Йорке вышла его первая книга об истории британских военных фильмов 1950-х годов, он нанял помощника, которому поручил перенести данные

на компьютер и в дальнейшем вносить новые сведения, которые поступали буквально каждую неделю. К концу двадцатого века база данных Джастина Фармера о кино стала уникальным и ценным исследовательским инструментом. Редактировать и пополнять информацию могли лишь он сам и его помощник, а посетителям она была доступна для чтения. Ведение базы данных сделалось полноценной работой: Джастин не только исправлял ошибки и упущения, но и отслеживал новые фильмы по всему миру, включая все версии, перевыпуски на других языках, ремейки, сиквелы и так далее. Постепенно у него образовалась целая студия с несколькими сотрудниками.

Тем временем другая тетрадь сохранилась и отражала еще один горячий интерес Джастина, почти никак не связанный с кинематографом, не считая случаев, когда авиация и кино пересекались, как в фильме «Разрушители плотин». Он продолжал вести летопись самолетов, путешествий, аэропортов и впечатлений в дешевой тетрадке из газетного киоска — вручную на грубо разлинованных страницах. Ее он никому не показывал — это было личное.

Глава 5

На второй странице своей авиационной тетради Джастин, которому тогда было тринадцать, описал следующее происшествие.

Поздним утром во вторник, 14 марта 1957 года, четырехмоторный турбовинтовой самолет «Викерс Висконт» (регистрационный номер G-ALWE), принадлежавший авиакомпании «Британские европейские авиалинии» (БЕА), вылетел из аэропорта Схипхол в Нидерландах и должен был совершить посадку в манчестерском аэропорту Рингвей. Рейс проходил штатно, и в первой половине дня самолет пошел на посадку. Стояла безветренная погода с легкой облачностью. Самолет вышел из облаков, пилот сообщил диспетчеру, что видит посадочную полосу прямо по курсу. Когда до нее оставалось несколько сотен метров, самолет резко свернул вправо и стал стремительно снижаться, накренившись так, что крылья, по показаниям свидетелей, двигались почти перпендикулярно земле, а потом рухнул, взорвался, и взрывной волной его отбросило на жилые дома. Все, кто был на борту, погибли на

месте, а также два человека из наиболее поврежденного дома — мать с маленьким ребенком. Других пострадавших на земле не было.

Джастин услышал об этой трагедии, когда возвращался из школы. Вместо того чтобы ехать домой, он отправился на дальнюю окраину деревни — в хорошо знакомый район аэропорта, где, по его прикидкам, находилось место крушения.

Дорогу на подъезде к аэропорту преграждали кареты скорой помощи, пожарные и полицейские машины, поэтому Джастин вынул из седельной сумки фотоаппарат, оставил велосипед и пошел пешком. Никто не обратил на него внимания, и он смог беспрепятственно подобраться к самому месту катастрофы.

Почти все пожары были уже потушены, спасатели искали тела и вещи пассажиров среди обломков самолета, мужчины разбирали металлические обломки, застрявшие в крышах разрушенных домов. Джастин морально готовился к тому, что увидит, и все же его потрясли беспорядочно разбросанные повсюду предметы одежды, туфли, документы, детские игрушки. Над обломками поднимался пар, маслянистый дым и тошнотворный запах.

При столкновении с землей самолет разорва-

ло на части — лишь почерневший от пламени фрагмент хвоста уцелел и лежал теперь перевернутый, под углом воткнувшись в землю. На стабилизаторе виднелся номер — G-ALWE.

Стараясь не терять самообладания, Джастин сделал несколько снимков места крушения и поспешил уйти, как только закончилась пленка, — чувствовал, что не имеет права здесь находиться и наверняка мешает спасателям. Перешагивая через кирпичи, закоптившиеся обрывки обоев и бесчисленные куски металла, он пробрался сквозь разрушенный забор во двор одного из домов и вышел оттуда на главную дорогу. Руки тряслись, от жуткого запаха тошнило. Вырвавшись из клубов дыма, Джастин увидел свою начальную школу и поразился обыденности ее облика. Здание спокойно стояло рядом с хаосом катастрофы, словно памятник нормальности, а прямо за школой высилась гигантская металлическая конструкция, увенчанная посадочными огнями аэропорта.

Джастин оглянулся на место крушения. Выходило, что, прежде чем свернуть, самолет двигался прямо на школу. Ее спас лишь этот катастрофический поворот.

Отсюда Джастин сделал последний снимок:

граница места крушения, посадочные огни и взлетно-посадочная полоса за ними. Опустив фотоаппарат, он заметил, что в здании школы до сих пор горит свет.

На следующий день многие газеты вышли с такими же фотографиями и подробными рассказами свидетелей катастрофы. Все отмечали чудесное спасение школы. Самолет рухнул примерно без четверти два, и в это время в здании было полно детей от шести до десяти лет.

На следующий же день после крушения школу закрыли, а через полторы недели всех детей распределили по другим школам района. Старое здание некоторое время стояло пустым; к концу года его снесли, расчистили территорию и установили более крупный массив посадочных огней там, где когда-то находилась площадка для игр.

Глава 6

В марте 1995 года в ежемесячном журнале Британского института кино «Картинка и звук» в серии материалов о роли кинокритика вышло большое интервью с Джастином Фармером. К тому моменту у него за плечами было уже четыре книги по истории кино; самая свежая, сборник эссе о фильмах про американский Запад, только что вышла в Великобритании и Франции, а вскоре ожидалась и на американском рынке.

Приглашение на интервью Джастина озадачило. Он полагал, что в центре внимания журнала, посвященного кинокритике, должны находиться те, кто причастен к созданию фильмов, — сценаристы, режиссеры, актеры, операторы, техники и так далее. Для него журнал был местом, где собираются охотники, и он никак не ожидал сам стать дичью. Тем не менее согласился побеседовать с двумя приятными молодыми журналистами и остался доволен опубликованным интервью, которое вполне точно отражало его взгляды.

В интервью Джастин озвучил то, во что верил сам: работа критика всегда реактивна, это не ис-

кусство, не выражение его личных предпочтений и не инструмент для победы в споре. Его собственные обзоры порой шли вразрез с мнением многих других критиков, и Джастин никогда этого не стеснялся. Он любил кино, провел большую часть жизни в кинотеатре, считал кинематограф искусством, всецело зависящим от мастерства, и придерживался этих взглядов в своих текстах.

Интервью не вызвало особого интереса — на неделе, когда вышел номер, никто из коллег-журналистов, встреченных на премьерах, об этом даже не упомянул. Не было ни поздравлений, ни проклятий. В следующем номере журнала дискуссия о кинокритике продолжилась с другими участниками, и никто не прокомментировал мнение Джастина. Впрочем, он и не ждал.

Однако печатная пресса неповоротлива, и только в майском выпуске на последней странице журнала появилось письмо:

«Уважаемые господа, меня заинтересовали и порадовали слова вашего обозревателя Джастина Фармера о том, что он является поклонником Жанетт Маршан. О ней сегодня редко вспоминают — не только из-за более блестящих современниц (Дейвис, Харлоу, Гарбо и так далее), но и из-за того, в каких фильмах она снималась.

Всего за несколько лет Маршан превратилась из ведущей кинозвезды в королеву фильмов категории “Б” и сериалов студии “Репаблик”. Лишь ее знаменитая красота осталась неизменной, однако и она забыта спустя почти полвека после безвременной кончины актрисы.

А вот Фармер помнит, как и некоторые немцы. Во время моего визита в Германию несколько месяцев назад по местному телевидению показывали интервью с человеком по имени Энгель. В 1930-е годы он работал помощником оператора и монтажером на проекте Лени Рифеншталь[9] “Олимпия” — нетривиальный опыт. Герр Энгель отошел от дел и сейчас живет в Англии. В интервью он упомянул, как и Джастин Фармер, что в юности был весьма увлечен Жанетт Маршан. Фильмы с ней, снятые до эпохи Кодекса Хейса, повлияли на его выбор карьерного пути. Видимо, было в них что-то особенное. Хотелось бы посмотреть. Каковы шансы на восстановление какой-нибудь из этих лент?

Ф. Д. Роубсон, Ричмонд, Северный Йоркшир»

---

[9] Примечания: 9

Лени Рифеншталь (1902–2003) — немецкая актриса, кинорежиссер и фотограф. Пик ее кинематографической карьеры пришелся на время правления Гитлера, для которого Рифеншталь сняла пропагандистские фильмы «Триумф воли» (1935 г.) и «Олимпия» (1938 г.). В последнем освещались Олимпийские игры 1936 года в Берлине.

Благодаря связям в Британском институте кино Джастин раздобыл адрес отправителя и написал короткое вежливое письмо, в котором рассказал о своем интересе к Жанетт Маршан и объяснил, что пригодных для воспроизведения экземпляров ранних фильмов с ней, по словам кинореставраторов, скорее всего, не осталось. В заключение он поинтересовался, не было ли в немецком интервью более подробных сведений об Энгеле.

Ф. Д. Роубсон оказалась женщиной, Флоренс Роубсон. В ответном письме, пришедшем несколько дней спустя, она поблагодарила Джастина за информацию о фильмах с Жанетт Маршан и призналась, что почти не помнит подробностей интервью на немецком телевидении — лишь то, что после переезда в Англию Энгель в 1960-х — 1970-х годах работал на британском телевидении и выступил режиссером нескольких серий телесериалов, названия которых ей не запомнились. Один из этих сериалов недавно показывали в Германии. В интервью упоминалось, что Энгель работал на студиях «Элстри» и «Брей». Его расспрашивали о Лени Рифеншталь, но ответов Флоренс Роубсон не запомнила. О Жанетт Маршан он говорил с большим восхищением. Звали

его не то Август, не то Альберт, и выглядел он очень старым и больным.

Джастин поблагодарил Флоренс за письмо; ответа не последовало.

После непродолжительных поисков он выяснил, что некий Август Энгель значился режиссером нескольких серий детективного сериала, снятого студией «Йоркшир ТВ», однако ни контактов, ни сведений об агентстве, с которым тот сотрудничал, не нашлось.

Глава 7

Кэтлин Энн Стринджер было двадцать три — почти на год больше, чем Джастину. Она стала его первой настоящей девушкой, однако после многообещающей завязки все разладилось. Как-то вечером, поужинав и выпив по бокальчику в недорогом ресторане, они пришли к Джастину домой, Кэтлин взяла одну из его тетрадей, и он слишком поздно понял, *что* она читает.

— За что ты так со мной? — воскликнула Кэтлин дрожащим от слез голосом. — Это унизительно!

— Ты все прочла? — ахнул Джастин.

— Достаточно!

— Это просто записки, Кэти, я не собирался их никому показывать!

— Ты про каждую свою девушку так пишешь?

— Нет, ты единственная.

— Я, значит, удостоилась особой чести?

— Ты моя единственная девушка.

— Все вы так говорите!

— Честное слово! У меня не было других.

— Ты ведешь себя как маньяк!

Джастин понимал, что рискует ее потерять

— по собственной вине. Он попытался обнять Кэтлин, та оттолкнула его и отвернулась. Он с болью отступил, проклиная себя.

— Можно я объясню?

— А смысл? — Кэтлин отшвырнула тетрадь, шагнула к двери, и в это мгновение он с мучительной ясностью понял, что теряет — нет, уже потерял ее. У двери она обернулась. — Хотя бы скажи, зачем это тебе?

— Просто по привычке. Я думал, это безобидные записки, но теперь понимаю, что чудовищно ошибался. Нельзя было про тебя писать. Слов нет, как мне стыдно!

Джастин знал Кэтлин чуть меньше года, а встречались они несколько недель, и все же она значила для него гораздо больше, чем он мог выразить.

Познакомились они на работе. Кэтлин работала курьером в агентстве, которое принимало заказы у издателей каталогов, и каждые два-три дня заезжала в студию на Фрит-стрит, а Джастин, как самый младший в коллективе, обязан был, среди прочего, принимать посетителей, расписываться в получении посылок и отдавать готовые заказы.

Впервые Кэтлин пришла в студию зимой,

одетая в мешковатый кожаный костюм и мотоциклетный шлем, так что Джастин не знал, как она выглядит, сколько ей лет и даже мужчина это или женщина. Голоса он тоже не слышал — поводов для разговора не представлялось. Лишь в свой четвертый или пятый визит Кэтлин сняла шлем, и, подняв голову от документов, Джастин впервые увидел ее лицо. В следующий раз она зашла без шлема и улыбнулась на его приветствие, а когда потеплело, перестала носить громоздкую кожаную униформу.

Джастин с трудом верил, что такая девушка может заинтересоваться его персоной, и все же день за днем прислушивался к тихому гулу лифта, скрипу половиц, стону входной двери. Конечно, не всякий раз эти звуки возвещали приход Кэтлин, и все же его сердце трепетало.

Однажды она заглянула через плечо, пока он расписывался — «*Дж Фмммр*», — и спросила:

— Джон? Джим?

— Джастин.

— А я Кэтлин — Кэти.

— Вот мы наконец и познакомились.

С каждой неделей визиты в студию становились все дольше, а Джастин выдумывал все новые и новые способы задержать Кэти еще хоть на

минуточку, прежде чем она наденет свой шлем и исчезнет. Кэти объясняла, что за ее работой строго следят, и всегда уходила быстрее, чем ему хотелось бы. Раньше Джастин уже флиртовал с девушками, но без особой надежды и интереса. Чувствуя себя неуклюжим и непривлекательным, он все же осмелился пригласить Кэти выпить после работы, и так начался их роман.

Кэти жила в Килберне, где снимала крошечную квартирку с двумя другими девушками. На работу курьером она попала случайно — подменяла друга, а тот уехал во Францию, нашел там невесту и не вернулся. Кэти продолжала работать вместо него и одновременно подыскивала более подходящее место: разъезжать на мотоцикле по опасным улицам Лондона ей не нравилось. Она закончила факультет журналистики и в минувшем году некоторое время работала в норвичской вечерней газете, а недавно разослала резюме в несколько журналов и одну бульварную газету, прошла одно собеседование и ждала ответа от остальных. Через месяц после того, как они с Джастином начали встречаться, ее приняли на должность младшего редактора в женском журнале.

Кэти поражала Джастина своей целеустремлен-

ностью — сам он четких планов на будущее не имел. Она говорила, что может это понять, хотя не разделяет. За свои двадцать три года Кэти успела побывать на Дальнем Востоке и в Австралии, учила русский язык, занималась дзюдо и имела множество друзей. По сравнению с ней Джастин чувствовал себя нелюдимым ботаником, каким, собственно, и был — или рисковал стать со своими тетрадями и картотеками. Появление Кэти он расценил как спасение от такой участи.

В один из выходных Джастин, волнуясь, робко предложил ей зайти в гости после кино. Кэти приняла приглашение, не задумываясь, и он почувствовал: этим вечером может произойти все, что угодно.

Произошла, однако, их первая ссора. Кэти вышла в туалет, а Джастин тем временем решил записать кое-какие сведения о фильме, который они сегодня смотрели, чтобы потом перенести в картотеку. Когда Кэти вернулась, он поспешно убрал тетрадь, и все же она заметила и поинтересовалась, что это.

— Да так, записал кое-что о фильме.

— Я заметила — ты вечно что-то пишешь.

— Люблю фиксировать, что посмотрел.

Он объяснил, что ведет собственную базу дан-

ных: записывает (иногда прямо в полумраке кинозала) мысли, подробные сведения и краткое описание, а раз в неделю переносит все это в картотеку.

Кэти заинтересовалась — она любила кино и следила за рецензиями в журнале, где работала. Заинтересовал ее и стеллаж, заставленный книгами о фильмах. Потом она взяла со стола тетрадь и стала перелистывать.

Джастин не сразу заметил, как изменилось выражение ее лица, погруженный в нежные мысли. Ему нравилось, как Кэти стоит у стола с тетрадью в руках и светло-русые волосы падают на лицо — совсем как в первый раз, когда он ее увидел. Поначалу Кэти напоминала ему Жанетт Маршан: те же светлые волосы, большие бледно-голубые глаза, четко очерченные скулы, по-своему правильное, слегка треугольное лицо. После того как Джастин узнал Кэти получше, она перестала казаться похожей на Жанетт, и все же время от времени та вспоминалась ему, как и сейчас.

Кэти повернулась к нему, и память сразу померкла.

— Что это? Зачем ты обо мне писал?

— Ни за чем! — воскликнул Джастин, запоздало поняв, что записи о фильмах убрал на место,

а рядом с печатной машинкой лежала совсем другая тетрадь.

Он шагнул к Кэти. Та отвернулась, не желая отдавать ему тетрадь.

— Ты что, больной? Про такие записи ты мне не рассказывал!

— Я могу объяснить… Пожалуйста, отдай. Ну пожалуйста, Кэти!

— Нет, я хочу прочесть все!

Джастин взял ее за запястье и попытался отобрать тетрадку. Кэти высвободилась.

Ведя потихоньку личные заметки, Джастин и представить не мог, что все закончится катастрофой. Объяснить эту привычку было невозможно, хотя он и попытался оправдаться.

— Я-то воображала, что тебе нравлюсь!

— Нравишься! Я люблю тебя, Кэти! — воскликнул Джастин и тут же понял, что промахнулся и со словами, и с моментом. Она швырнула в него тетрадь, и та, шелестя страницами, упала на стул. Когда Кэти шагнула к двери, он, горя стыдом и раскаянием, не попытался ее остановить.

Кэтлин всегда интересовала и волновала Джастина. До нее он ничего подобного не испытывал — любовь и привязанность были ему в новинку. В ее присутствии и даже в ожидании встречи

сердце трепетало. Все началось в тот памятный день, когда она впервые сняла мотоциклетный шлем, и Джастин, подняв голову от документов, впервые увидел ее лицо. Это так его поразило, что захотелось записать — ухватить сущность девушки в словах.

После того первого взгляда Джастин не знал, увидит ли ее снова, хотя отчаянно на это надеялся. По дороге с работы купил еще одну тетрадь и вечером записал все, что увидел, — мгновение, когда ему открылось ее лицо, глаза, волосы, мимолетная улыбка легкого узнавания, — а потом она ушла, вновь спрятавшись под темным куполом шлема. Джастин описывал увиденное, а не свои чувства.

После следующей встречи он продолжил и писал о Кэти каждый день, неделю за неделей. Понимал, что это напоминает нездоровую одержимость, и все же не думал, что невинные личные записки могут причинить кому-нибудь вред. Он продолжал писать, даже когда они с Кэти начали встречаться, хотя теперь это было еще большим вторжением в ее личную жизнь. Описывал, во что она одета, что рассказала о прошлом и о своей новой работе, время от времени прибавлял, как восхищается ею и как сильно она

ему нравится.

Было ли это ошибкой?.. Джастин не писал и даже не задумывался о любви, хотя понимал, что значит и подразумевает это слово. Для него все происходящее было совершенно новым опытом. Показывать свои записки Кэти он не собирался — но для кого тогда писал? Ведь она теперь была с ним по-настоящему, и не требовалось больше выносить свои мысли на бумагу. Не стоило даже начинать.

— О чем ты вообще думал? — воскликнула Кэти. — Это что, больные фантазии со мной в главной роли? Без моего ведома?

— Нет, — возразил Джастин, чувствуя себя жалким.

Наконец она присела на краешек кровати, и повисло молчание. Джастин испытывал облегчение оттого, что она хотя бы не грозится уйти, и в то же время стыд, вину и желание защищаться. Разгневанная, Кэти сидела, уткнувшись взглядом в старый потертый ковер, доставшийся ему вместе с квартирой. Джастин подобрал брошенную тетрадь и вырвал исписанные страницы. Кэти подняла глаза.

— Теперь ты собираешься меня разорвать?

— Нет. Можешь сделать это сама, если хочешь.

Джастин протянул ей страницы. Она пожала плечами и отвернулась. Тогда он положил их на стол.

— Ты вроде бы хотел объяснить, — через некоторое время напомнила Кэти, слегка успокоившись.

— Не думай, будто я оправдываюсь… — начал Джастин, чувствуя, что любые его слова будут восприняты именно так. — Прости меня, пожалуйста! Ты имеешь все основания сердиться. Я больше никогда не буду этого делать.

— Ладно. Но зачем ты вообще начал? Как до этого дошло?

И Джастин объяснил, как в детстве узнал, насколько важную роль люди играют в создании кино, как стал, сам не зная зачем, записывать, как эти записи становились все подробнее. Ему нравилось сравнивать свои заметки с тем, что пишут в книгах, и находить связи — например, подмечать, что некоторые режиссеры предпочитают работать с определенными фотографами или монтажерами.

— Мне понравилось записывать, — объяснил Джастин. — Я начал очень давно, и чем дальше, тем больше узнаю о фильмах. А потом появилась ты, и мне захотелось записать, какой я тебя вижу.

Наверное, ты права, я ненормальный. Может, это и правда мания. Просто записи о старых фильмах помогают мне лучше понять и оценить новые. Наверное, я пытался сделать то же с тобой.

— Значит, ты пишешь исключительно о старых фильмах? И я для тебя как старый фильм?

— Любой фильм становится старым, как только его посмотришь, а ты нет. Я люблю новые фильмы и смотрю все, что подворачивается. Ты ведь тоже. — Неожиданно Джастин сделал то, чего не собирался никогда: вытащил из стола деревянный ящик со своей картотекой и протянул Кэти. — Посмотри сама — возьми любую карточку.

Она поставила ящик на колени и стала перебирать карточки, отгибая заголовки большим пальцем.

— И ты все это смотрел?

— Большую часть.

Кэти вынула одну из карточек. «Красавчик Серж», режиссер Клод Шаброль, годы выпуска 1958/1963/1964, в главных ролях Жерар Блен, Жан-Клод Бриали, Мишель Мериц и Бернадетт Лафон. Во Франции фильм вышел в 1958 году, а до Лондона добрался в 1963-м, и Джастин посмотрел его три года назад в киноклубе, когда еще учился

в университете. Это был первый фильм Шаброля, одна из ранних лент французской «новой волны», удостоенная нескольких наград.

Джастин указал Кэти на различие дат в карточке. Она заметила:

— Тут рецензия — это ты написал?

— Не то чтобы рецензия — так, мысли о фильме.

— Разве это не одно и то же?

— Это мой способ не забыть.

Кэти вернула карточку на место и вынула другую, потом еще несколько.

— «Фотоувеличение»[10]! Мы ведь смотрели его вместе на прошлой неделе или на позапрошлой. Ты это тогда написал? — Она прочла заметку. — Тут сказано, что тебе понравилось. А разве мы не обсуждали, что нам обоим не понравилось?

— Да, но пока я заполнял карточку, задумался. По-прежнему с тобой согласен, фильм претенциозный и бессвязный. И все же что-то в нем есть. Надо посмотреть еще раз — может, я что-нибудь упустил.

— У меня тоже было ощущение, будто я что-то упустила, поэтому мне и не понравилось.

---

[10] Примечания: 10

«Фотоувеличение» (1966 г.) — детективный триллер итальянского режиссера Микеланджело Антониони.

— Ты знаешь, Антониони великий режиссер. Я часто думаю, что сюжет — необязательно самое главное в фильме. В «Фотоувеличении», на первый взгляд, все вертится вокруг сюжета и этим цепляет. Ждешь, чем дело кончится — а заканчивается ничем. Это злит и в то же время интригует. Мне стало интересно, в чем суть. А еще понравилась сцена, где Дэвид Хеммингс увеличивает фотографии. Если хочешь, можем сходить пересмотреть. По-моему, фильм еще идет в «Павильоне».

Они немного поговорили о фильме, постепенно остывая после внезапной ссоры. Джастин сел рядом с Кэти, они немного пообнимались, а вырванные страницы немым укором лежали на столе рядом с пишущей машинкой.

Стемнело. Днем Джастин фантазировал, чем может закончиться вечер, однако ссора все испортила. После одиннадцати он проводил Кэти, целомудренно поцеловал на прощание и пешком пошел домой, дыша теплым лондонским воздухом с примесью бензина, а вернувшись к себе, изорвал записки о ней на мелкие клочки. О чем только он думал!.. Никогда, никогда больше!.. Джастин проклинал себя за боль, причиненную Кэти, и урон, нанесенный отношениям. Лишь

чудом он ее не потерял!

Две недели спустя Кэти рассказала о друге, пишущем рецензии на фильмы, Рику Дептфорду — редактору журнала, в котором работала. Тот как раз искал постоянного кинообозревателя, связался с Джастином и попросил прислать несколько рецензий. Уже в конце месяца напечатали три из них, и на протяжении следующих четырех лет Джастин вел в журнале колонку про кино. Это была первая работа по специальности, давшая старт его карьере.

Глава 8

Когда шок, испытанный на месте крушения самолета, прошел, Джастин почувствовал настойчивый интерес к катастрофе. Несмотря на юный возраст, он старался подходить к своим впечатлениям по-взрослому. Прочитав несколько газетных репортажей, он, как и многие журналисты, поразился тому, в какой опасной близости от жилых домов и начальной школы располагался аэропорт. Почему никто не обратил на это внимания? Строить школу впритык к аэропорту не пришло бы никому в голову, а значит, взлетно-посадочную полосу продлили уже позже, совершенно не задумавшись об опасности. Школа существовала с конца предыдущего века. Кто разрешил устроить рядом с ней взлетно-посадочную полосу? Почему никто не заметил, что это ставит детей под угрозу?

Джастин сам учился в этой школе и видел, как самолеты заходят на посадку прямо над головой, хотя теперь сомневался, не выдумал ли это. Может, просто насмотрелся ужасов на месте катастрофы и память обманывает его?.. Иногда после

уроков он ездил на велосипеде до аэропорта и всякий раз убеждался, что школа, ныне заброшенная, стоит именно там, где ему запомнилось.

Завалы постепенно разобрали, восстановили пострадавшие дома, посадили деревья. Работы продолжались несколько месяцев. Полностью разрушенные дома отстроили в последнюю очередь. Среди соседних зданий они выделялись новизной, и в них, судя по всему, никто так и не поселился — во время своих поездок Джастин ни разу не заметил, чтобы там кто-то жил.

Почти всегда он носил с собой фотоаппарат, хотя сделал всего пару новых снимков места крушения — ничего интересного там больше не было, а пленка, проявка и печать стоили дорого. Его «Комета» умещала на пленке типа 127 вдвое больше кадров, чем другие фотокамеры, и все же такие расходы были Джастину не по карману. Лишь много позже он освоил искусство фотопроявки сам.

Над местом крушения по-прежнему летали самолеты, едва не задевая своими гигантскими шасси крыши домов. Иногда Джастин фантазировал, что это бомбардировщики, летящие уничтожить все живое. Впрочем, настоящих военных самолетов в Рингвее больше не было

— остались лишь гражданские рейсы, пассажирские и грузовые.

Когда на улицы вернулась иллюзия нормальности и на месте катастрофы закипела жизнь, Джастина стал привлекать сам аэропорт. В середине 1950-х антитеррористических мер безопасности еще не существовало, и почти все здания аэропорта были открыты для посетителей. Местные жители любили посидеть в кафе самообслуживания на территории терминала с чашкой чая и кусочком торта, наблюдая через большие окна за взлетами и приземлениями, посадкой и высадкой пассажиров. Говорили, что порой в аэропорту можно увидеть кинозвезд или знаменитых футболистов из Европы. На крыше одного из зданий располагалась большая смотровая площадка, с которой люди могли вблизи наблюдать за заправкой и загрузкой самолетов.

Именно в этот период Джастин впервые ощутил трудноуловимую преходящность, страх и волнение, внушаемые терминалом аэропорта. Этим чувствам не было объяснения — на сознательном уровне ему нравилось в аэропорту, он любил фантазировать о том, как улетит от серых будней домашней жизни и школьных уроков. Рингвей создавал временную иллюзию свободы.

Джастину нравились плавные очертания самолетов, созданных для большой высоты, скорости и расстояний. Глядя на взмывающие в небо пассажирские авиалайнеры, он трепетал от зависти к тем, кто сейчас на борту, — и тем не менее всякий раз испытывал облегчение, возвращаясь из аэропорта в мир определенности, стабильности и надежности.

Аэропорт вечно пребывал в состоянии переменчивого застоя — трансформировался, расширялся и перестраивался, оставаясь при этом неизменным. Все перемены были поверхностны и необъяснимы. То и дело сменялись вывески — куда пассажирам можно, а куда (чаще) нельзя, где запрещен проезд на автомобиле и парковка, а где разрешен, таблички «Вход воспрещен» и вечно открытые двери. То тут, то там возникали временные заграждения.

Все сотрудники, казалось, живут одним днем. Такие понятия, как память и преемственность, аэропорта не касались, и никто, судя по всему, не представлял, каким он должен быть: Джастин однажды спросил у рабочих, что они строят, и те не смогли ответить.

Перемены встречали его при каждом посещении. Однажды место, где он привык оставлять

свой велосипед, огородили забором и стали взимать плату за велосипедную парковку. В другой раз кафе с видом на посадочную полосу оказалось закрыто, а потом вместо него открылся сетевой ресторан быстрого питания, торгующий закусками в пластиковых пакетах, с большими рекламными табло вместо окон.

Хотя бараки и ангары военных времен по-прежнему использовались, они уже не играли ведущей роли в работе аэропорта — вместо них появлялись новые здания из стекла и бетона. К тому времени как семья Джастина переехала в Лондон, некоторые старые сооружения снесли и устроили на их месте парковку, деревья по периметру аэропорта вырубили и огородили территорию проволочным забором, а взлетно-посадочную полосу продлили, на этот раз с другого конца от бывшей школы.

Аэропорт словно жил и стремился расти. Беспокойное существо распухало и протягивало щупальца все дальше в глубь зеленых чеширских лугов.

Зимние месяцы начала 1958 года по всей Европе выдались холодными и снежными — после уроков Джастин сразу ехал домой, чтобы не замерзнуть. Суровая зима стала причиной ка-

тастрофы, к которой он, как и тысячи других жителей Манчестера, ощущал себя причастным, хоть и не был затронут лично.

6 февраля 1958 года борт G-ALZ, двухмоторный самолет «Эйрспид Амбассадор» компании «Британские европейские авиалинии», летевший из Белграда в Рингвей, сделал остановку в Мюнхене для дозаправки. Разыгралась метель, самолет не сумел достаточно разогнаться из-за снежной каши, рухнул на взлете и загорелся. На борту находилась футбольная команда «Манчестер Юнайтед» в полном составе, а также технический персонал, руководство и несколько журналистов. Двадцать три человека, включая восемь ведущих игроков, погибли, а два выживших члена команды получили серьезные травмы, поставившие крест на спортивной карьере. Это стало трагедией для всей страны, а особенно для Манчестера, откуда были родом погибшие ребята — восходящие звезды футбола.

Через несколько недель после катастрофы анонсировали поминальную службу в аэропорту Рингвея. Сначала Джастин твердо решил ее посетить, но ближе к делу засомневался, и вовсе не потому, что не особенно любил футбол. В этой чудовищной катастрофе для него ключевым было

то, что самолет летел в Рингвей, и он размышлял, дает ли его личная связь с аэропортом право чувствовать себя причастным. В конце концов он решил не ходить на службу, но все же внес в свою авиационную тетрадь подробности крушения — сухие факты без личных впечатлений.

Глава 9

«Взлетная полоса» в ретроспективе
Джастин Фармер

Нас встречает совершенно черный экран и гул реактивных двигателей взлетающего самолета. Появляется картинка: взлетная полоса и длинная смотровая площадка на крыше одного из терминалов аэропорта Орли на окраине Парижа. Контрастный черно-белый кадр статичен — это фотография. В гул двигателей вплетается нарастающая торжественная музыка. Камера удаляется, показывая смотровую площадку во всю длину, и на экране появляются титры.

Возле терминала выстроились авиалайнеры в ожидании посадки или высадки пассажиров. На смотровой площадке полупусто — лишь несколько человек стоят группками по два, по три. Обезличенные расстоянием, обездвиженные статичностью кадра, они напоминают посетителей отеля в фильме Алена Рене «В прошлом году в Мариенбаде».

Так начинается примечательная кинокартина французского режиссера Криса Маркера «Взлет-

ная полоса», снятая в 1962 году и показанная в Великобритании лишь три года спустя. Фильм длится менее тридцати минут, поэтому, вероятно, его не сочли достойным отдельного показа и привезли в дополнение к картине Жан-Люка Годара «Альфавиль» в конце 1965 года. «Взлетную полосу» показывали перед фильмом Годара в Лондоне и некоторых других городах, а также на кинофестивалях — сейчас ее уже не посмотреть. Один из самых потусторонне красивых, оригинальных и запоминающихся фильмов в истории из-за своей небольшой продолжительности доступен, увы, лишь ограниченной аудитории — во всяком случае, пока.

Действие фильма разворачивается в настоящем или, точнее, «накануне Третьей мировой войны». Современный зритель, конечно, заметит, что картина снята несколько лет назад, тем не менее это не сильно бросается в глаза. Большинство самолетов в фильме — современные пассажирские авиалайнеры; терминал и смотровая площадка тоже выглядят актуально и наверняка до сих пор существуют в реальном аэропорту Орли. Смотровая площадка полупуста, парковка тоже, на дороге мало машин, и в целом все это выглядит как любой другой аэропорт, современный, но без

признаков времени.

Все это показано в первом кадре фильма. На статичном снимке ничто не движется, нет даже привычной суеты вокруг готовящихся к отлету лайнеров — пассажиров, грузчиков, заправщиков и прочего персонала. Фильм пронизывает атмосфера безвременья. Весь он, за исключением одного короткого эпизода, состоит из статичных черно-белых фотографий — своего рода живая картина, пойманное и обездвиженное мгновение.

В тихий день накануне Третьей мировой войны в лучах неподвижного солнца мальчик, стоящий на смотровой площадке с родителями, замечает в отдалении одинокую девушку (в исполнении Элен Шатлен). Вероятно, и она, и семья мальчика были в числе тех неподвижных далеких фигурок, которые мы видели в начале фильма. Взглянув ей в лицо, мальчик замирает, очарованный ее красотой.

Над ними на небольшой высоте с ревом проносится реактивный самолет. Девушка в ужасе всплескивает руками, и на бетонный пол падает безжизненное тело мужчины. Позже мальчик осознает, что на его глазах умер человек, и это воспоминание будет преследовать его всю жизнь,

неразрывно связанное с памятью о девушке.

Память — не линейное хронологическое повествование. Воспоминания о том, что произошло пять, десять или двадцать лет назад, всплывают в случайной последовательности, определяемой не календарем, а подсознанием. По какому принципу оно выбирает очередность? Почему одни события, порой незначительные, мы помним со всей четкостью, в то время как другие, зачастую особенно важные, лишь в общих чертах?

Через несколько лет после происшествия на смотровой площадке начинается Третья мировая война. Ядерные бомбы падают на Париж. Земля отравлена радиацией, большая часть населения планеты погибает. В Париже горстка выживших ютится в катакомбах под дворцом Шайо. Среди них — повзрослевший мальчик из аэропорта Орли (в исполнении Даво Хенича). В катакомбах царят голод и крысы, всем заправляет горстка технократов, а обычные люди живут как в тюрьме. Ученые отчаянно пытаются установить связь с миром будущего, чтобы позвать на помощь. Большинство экспериментов оборачивается неудачей: подопытные почти неизбежно теряют рассудок. Безумные жертвы рискованного проекта — изможденные люди с серыми лицами и

запавшими глазами — бродят по катакомбам.

Однажды экспериментаторы приходят за Хеничем. Поначалу он боится главаря, однако тот оказывается вполне разумным человеком и спокойно разъясняет суть страшного эксперимента. Человечество обречено, и его единственная надежда на спасение лежит в прошлом или будущем. Хенич избран за силу навязчивых воспоминаний о прошлом — о шокирующем происшествии в Орли и незабываемой красоте девушки.

Начинается работа над его отправкой в прошлое. После множества болезненных, пугающих и неудачных попыток он начинает мгновениями видеть картины довоенного мира: пасущихся на поле лошадей, дремлющую кошку, спальню, залитую солнцем, голубей, взлетающих с городской площади. Наконец перед ним возникает смотровая площадка в Орли, и он раз за разом туда возвращается. Однажды он замечает на площадке девушку, похожую на Шатлен, но проходит мимо. В другой раз она улыбается ему из окна автомобиля.

После этого Хенич встречается с ней вновь и вновь, все больше уверяясь, что это Шатлен. Они живут в бесконечном настоящем — ни прошлого,

ни будущего, ни воспоминаний друг о друге, ни планов. Шатлен признается, что считает Хенича призраком. Вокруг — довоенный Париж, и Хенич не решается открыть страшную правду: девушка обречена погибнуть в предстоящем ядерном холокосте. Между ними завязывается невинный роман со встречами в солнечных парках, на людных улочках, среди витрин в Музее естественной истории.

Как-то раз, когда Хенич смотрит на спящую возлюбленную, та переворачивается и приоткрывает глаза. Этот яркий эмоциональный момент — единственный эпизод в фильме, снятый на видеокамеру. Краткое мгновение полно скрытого, невысказанного смысла. Шатлен наконец смотрит Хеничу в глаза, и он обретает место в ее сознании настоящего — перестает быть призраком и может оставаться с ней дольше. Они все больше влюбляются друг в друга, не догадываясь, что эксперимент скоро перейдет на следующую стадию.

Визиты в прошлое — лишь подготовительный этап с целью определить пригодность Хенича для главной задачи: ему предстоит отправиться за помощью в будущее. Люди будущего тоже освоили путешествия во времени, и Хенич должен полу-

чить от них некие знания или средства, которые помогут человечеству выжить. Его уже ждут, он успешно выполняет задачу и в награду получает право навсегда остаться в безопасном будущем.

Вместо этого Хенич, вопреки желаниям технократов, просит вернуть его во времена детства, на смотровую площадку аэропорта Орли, где его будет дожидаться девушка. Ему предстоит стать частью навязчивого трагического воспоминания для нее и для одного ребенка. Круг замыкается.

«Взлетная полоса» — редкий пример фильма на стыке авторского кино и серьезной фантастики. Несмотря на краткость, это великолепная картина, которая не может не трогать. Образы из нее надолго отпечатываются в памяти.

Ни Хенич, ни Шатлен больше не снимались в кино. Их лица навсегда остались молодыми; застывшие во времени жесты и нежные взгляды превратились в метафору мимолетности счастья и трагичности преходящей любви. Третья мировая война продолжает быть реальной угрозой. Аэропорт Орли по-прежнему существует. Пассажирские авиалайнеры летают в дальние края, незнакомцы толпятся в терминалах, и все это неведомым образом сохраняет немеркнущую чистоту «Взлетной полосы».

[Ретроспективный обзор фильма, «Гардиан», 17 июля 1967 г.]

Глава 10

Джастину было почти двадцать пять, а он по-прежнему жил один, не считая того времени, когда снимал квартиру с друзьями, и нескольких недель совместной жизни с Кэти в прошлом году. Отношения разладились, и с тех пор Джастин жил сам по себе. У него была девушка, Пенелопа, однако ей не нравилось все время торчать в кино, а самого Джастина тянуло к молодой испанке по имени Изабелла — сотруднице его агента.

С родителями он встречался все реже. Они не ссорились — просто обитали на разных концах Лондона и были постоянно заняты. Джастин вернулся в Фулхэм, а родители со времен переезда на юг так и жили в большом доме в Чигуэлле. Хотя добраться туда было не очень трудно, Джастин навещал их все реже и реже. Стремительно развивающаяся карьера независимого кинообозревателя и критика отнимала почти все его время и внимание. Тем не менее раз в две-три недели он исправно звонил родителям, а иногда они звонили сами.

Аманда тоже давно покинула семейное гнездо

и уже несколько лет жила в Уолтемстоу на северо-востоке Лондона с молодым человеком по имени Фил. С братом она почти не встречалась, хотя периодически они разговаривали по телефону.

Морт, Ники, Джастин и Аманда оставались семьей, во многом объединенной общими взглядами, однако у всех была своя жизнь, и собирались они лишь на несколько дней в Рождество, а два года назад еще и на годовщину свадьбы родителей. Джастин не любил надолго оставлять работу и отступать от графика, выстроенного вокруг предпоказов для прессы. Его желание поскорее уехать не проходило незамеченным, особенно для Ники. Уезжая, он всякий раз чувствовал себя жестоким и виноватым.

Как-то раз ближе к концу года Ники сообщила, что отца досрочно отправляют на пенсию с большим выходным пособием и он хочет поехать всей семьей на отдых за границей.

— Что?.. Всей семьей — это со мной и Амандой? — не сразу понял Джастин.

— Ну естественно!

— Ничего естественного, мама, у меня много дел.

— Вечно у тебя дела! Неужели так трудно хоть раз в жизни уделить нам толику своего времени?

Для нас с Мортом это очень важно.

— Ну ладно, и когда предполагается ехать?

— Мы думали в апреле или мае. Я всегда мечтала побывать в Париже, а это лучшее время года.

— В Париже?

Джастин мысленно перебирал доводы для отказа — горячий сезон кинопремьер! где они собираются жить? во сколько это обойдется? — но промолчал, потому что всегда старался угодить Ники и не был готов к этому разговору. Потом он задумался о Париже, наполненном духом кинематографа «новой волны», о возможности посмотреть фильмы на французском в парижских кинотеатрах, посетить дворец Шайо, а может быть, даже аэропорт Орли.

Морт взял трубку и объяснил, что они перевезут во Францию машину, проведут в Париже несколько дней, а потом поедут на юг — или в Швейцарию, или в Бретань. Автомобиль теперь можно доставить через Ла-Манш на самолете.

— Я не хочу лететь самолетом! — не задумываясь, возразил Джастин. — Нельзя разве морем, как все нормальные люди? Я не люблю летать.

— Ты же летал.

— Это было сто лет назад на пляже, не считается. К тому же самолет потом разбился.

— Это главная причина?

— Нет… — Джастин не сразу нашелся с объяснением. — Мне не нравится в больших аэропортах.

— Тогда все в порядке! — обрадовался Морт. — Аэродромы нужной нам авиакомпании совсем небольшие.

В тот период полеты были для Джастина болезненной темой и вызывали исключительно отрицательные эмоции. Обычно он об этом даже не задумывался — вся работа была в Лондоне, так что летать не приходилось, и поэтому он даже не оформил себе паспорт. Перелеты стоили слишком дорого — дешевые билеты продавались только на чартерные рейсы в популярных курортных направлениях, которые Джастина не интересовали.

Он еще не забыл свой первый и единственный полет. Судьба, впоследствии постигшая аэроплан, вызывала смешанные чувства: с одной стороны, облегчение оттого, что сам он в тот момент не летел, а с другой, яркие воспоминания о том, как тесно и неудобно было в крошечной кабине, как мало видно, как все тряслось и люк не открывался изнутри. Несколько раз Джастину снилось, что он не может выбраться из падающего аэроплана, и эти сны, пусть не кошмарные, оставили по себе

стойкое впечатление. Крушение пассажирского авиалайнера рядом со школой вызвало скорее интерес, чем страх, и тем не менее тоже надолго врезалось в память.

— Пап, у меня паспорта нет.

— У тебя несколько недель, чтобы его оформить, — ответил Морт.

— Да понятно…

Джастина смущало и другое: в апреле-мае ему уже будет двадцать шесть, после стольких лет самостоятельной жизни странно ехать на отдых с сестрой и родителями. Интересно, что по этому поводу думает Аманда? Захочет ли она взять с собой Фила? А если так, стоит ли Джастину пригласить свою потенциальную новую девушку, Изабеллу? Или, если не выйдет с ней, то какую-нибудь другую? Поместятся ли в машине шесть человек?

Разговор окончился ничем, и все же на следующей неделе Джастин подал заявление на паспорт. Еще он поговорил с Амандой. Та тоже не горела желанием провести отпуск с семьей, да и Ники в разговоре с ней призналась, что их с Мортом самих несколько смущает перспектива путешествия со взрослыми детьми. Тем не менее после этого разговора Аманда кое-что заподозрила.

— Я думаю, папа переживает о здоровье, — объяснила она Джастину. — Его астма усугубилась, в последнее время он несколько раз делал рентген. Я сразу удивилась, с чего бы ему досрочно выходить на пенсию. Думаю, поэтому.

— Вот как… — протянул Джастин, испытывая теперь еще большую неловкость по поводу поездки.

И все же поездку запланировали. Морт и Ники полностью оплачивали путешествие. Предполагалось ехать и жить вместе, а в остальном Джастин и Аманда были предоставлены самим себе. В конце мая Джастин через весь Лондон отправился к родителям и провел ночь в свободной спальне, которая до отъезда в университет была его комнатой и навевала воспоминания, несмотря на ремонт и перестановку.

На следующий день вся семья выехала на машине Морта в Саутэнд-он-Си, где находился небольшой аэродром, в прошлом принадлежавший Королевским ВВС. После окончания Второй мировой его перепрофилировали в гражданский аэропорт, и теперь отсюда летали немногочисленные пассажирские рейсы малой дальности, главным образом во Францию и Северную Европу. Взлетно-посадочная полоса была всего одна, а

функции терминала исполняли старый военный ангар и бараки.

Среди прочих аэродромом пользовалась авиакомпания «Бритиш Юнайтед Эйр Феррис» (БЮЭФ), обслуживавшая рейсы на Нормандские острова и во Францию. Ей принадлежал двухмоторный самолет «Бристоль 170 Суперфрейтер», и Джастин заранее изучил информацию о нем. В целом БЮЭФ имела хороший рейтинг безопасности, и все же самолеты этого типа нередко попадали в аварии. Устаревшую модель, разработанную в годы войны для перевозки солдат и материальных ресурсов, в мирное время адаптировали для перевозки автомобилей, расширив фюзеляж и проделав люки в выпуклом носовом отсеке.

Как в детстве, Джастин с Амандой ехали на заднем сиденье и всю дорогу почти не разговаривали. Когда за окном показался неуклюжий самолет, на котором им предстояло лететь, Джастин постарался отогнать нарастающее беспокойство — делиться своими тревогами с родными не хотелось.

Они припарковались на территории, предназначенной для пассажиров БЮЭФ, оставили багаж в машине и прошли в здание терминала. Учитывая его непрезентабельную наружность,

Джастин был настроен критически, и для него стали сюрпризом современная обстановка внутри, хорошо отлаженный процесс приема пассажиров, кафе с бесплатными домашними закусками, просторный и удобный зал ожидания.

Через большие окна они смотрели, как сотрудники аэродрома заводят в грузовой отсек машину Морта и три других автомобиля. Когда пришло время посадки, члены экипажа вышли лично поприветствовать пассажиров. Джастин, верный своей привычке вести записи, отметил регистрационный номер самолета: G-AMWA.

Впечатление продуманной современности рассеялось, как только они ступили на борт. Обстановка в салоне сразу напомнила пляжный аэроплан. Кресла, обтянутые грубой холстиной, располагались впритык друг к другу и за долгие годы просели так, что превратились почти в шезлонги. Ремни не регулировались и в застегнутом виде свободно лежали на коленях. Свет снаружи проникал в салон через несколько маленьких иллюминаторов. Все недвусмысленно говорило о том, что это бывший военный самолет времен Второй мировой.

Перелет из Саутэнда в Кале занял меньше часа, а по ощущениям тянулся вечность. Для разгона

самолет проехал едва ли не всю взлетную полосу, мучительно подпрыгивая на неровностях бетона, с ревом поднялся в воздух под небольшим углом и медленно описал несколько кругов, прежде чем двинуться к морю. В салоне все тряслось и вибрировало под оглушительный шум двигателей. Со своего места Джастин видел в иллюминатор правый из них — громоздкий поршневой мотор в потертом, залитом маслом корпусе.

Когда самолет начал снижаться для посадки в Кале, в иллюминаторе показался мыс Гри-Не, и Джастин вновь будто перенесся в прошлое. Вся поверхность была изрыта воронками — вероятно, от бомбардировок или артиллерийских обстрелов. Шел 1970 год, Вторая мировая закончилась четверть века назад, а следы военных действий до сих пор уродовали землю. Впрочем, поразмыслить об этом Джастин не успел: самолет зашел на посадку и вскоре приземлился с ударом, потрясшим пассажиров до мозга костей.

Джастин с облегчением спустился по трапу вслед за родителями и сестрой, ни словом не выдав свои переживания. Уже вскоре они выехали на юг, в Париж. Он глядел на проносящиеся за окном французские поля, уютно обыденные в лучах солнца, и вскоре напряженный перелет

стерся из памяти.

Они остановились в Париже всего на пять суток, и Джастину не хватило времени посмотреть намеченные двенадцать фильмов (главным образом французских и американских) — до отъезда он успел сходить лишь на восемь. В один из дней он съездил в аэропорт Орли. Как выяснилось, смотровую площадку из фильма «Взлетная полоса» Криса Маркера закрыли для посещений, а терминал за прошедшие десять лет расширился, и теперь было непонятно, где велись съемки. Неподвижность и пустота, запечатленные Маркером, сменились современной суетой. Пока Джастин бродил по аэропорту, над головой не пролетело ни одного самолета — гул двигателей доносился лишь с поля за дальним концом терминала, куда идти не хотелось. Разочарованный, он вернулся в центр.

Аманда осталась в Париже, в гостях у школьной подруги, которую случайно встретила на улице, а Морт повез Джастина и Ники через всю северную Францию в Сен-Мало — тихий приморский городок на северном побережье Бретани. Несмотря на красоту этого места, Джастин испытывал беспокойство, чувствуя, что зря тратит время. Тем не менее в городе обнаружились два неплохих

кинотеатра, где он смог посмотреть два фильма, упущенных в Париже, и одну бретонскую комедию неизвестного французского режиссера с любительским актерским составом.

Потом они вернулись в Кале, где воссоединились с Амандой и на следующий день вылетели в Саутэнд на том же самолете G-AMWA. Пока он карабкался в высоту, Джастин не отрывал глаз от иллюминатора, надеясь вновь увидеть шрамы войны. Как ни странно — может быть, из-за того, что свет падал под другим углом, — от воронок не осталось и следа. Виднелись лишь две крупных впадины, которые вполне могли иметь естественное происхождение.

Через две недели после возвращения Фармеров в Англию самолет «Бристоль 170 Суперфрейтер» G-AMWA, направлявшийся из Ле-Туке-Пари-Плаж в Саутэнд, при разгоне съехал со взлетной полосы, промчался по раскисшей от дождя земле, потеряв по дороге половину шасси, и разбился на соседнем поле. На борту находились три автомобиля, пятнадцать пассажиров и три члена экипажа. Все выжили, хотя некоторые не смогли самостоятельно выбраться, когда разгорелся пожар, и получили порезы и ожоги, а вот автомобили в грузовом отсеке погибли.

Самолет списали в утиль. Следствие выявило, что у одного из основных колес резко сдулась шина, и это вызвало неожиданный уход со взлетной полосы. Джастин разыскал свою старую тетрадь и записал в нее подробности происшествия. Это был второй в его жизни полет и второе последовавшее за ним крушение.

Он не был суеверен — привык работать с данными и письменными свидетельствами, считал себя рационалистом и рассказывал об этом происшествии с юмором. Когда один университетский товарищ заметил, что неудачи всегда ходят по три, Джастин возразил, что это, наоборот, в каком-то смысле удача.

Хотя он почти утратил интерес к авиационной тетради, время от времени все же делал записи о необычных событиях — катастрофах, угонах, обнаружении принципиальных дефектов конструкции того или иного самолета.

Вскоре после путешествия во Францию еженедельный журнал заказал Джастину интервью с немецким режиссером Вернером Херцогом для биографической статьи. Требовалось лететь во Франкфурт, и Джастин, не дрогнув, купил билеты на свой первый пассажирский авиалайнер в «Люфтганзе». В день вылета он поднялся на

борт спокойно и даже с любопытством. Ничего необычного не произошло, и он благополучно приземлился во Франкфурте, а на следующий день вылетел обратно в Лондон, познав неизбежные минусы авиапутешествий: необходимость долго дожидаться посадки и утомительность самого перелета, пусть даже недолгого.

После командировки во Франкфурт Джастин стал летать регулярно, и вскоре полеты стали для него обыденностью, хотя к терминалам он так и не привык.

Глава 11

В поезде из Лондона в Истборн Джастин читал собранные на прошлой неделе газетные вырезки — хотел составить представление о том, что пишут в прессе о Тедди Смайт, актрисе, у которой собирался брать интервью. Естественно, он слышал это имя и видел несколько фильмов с ее участием, но никогда не интересовался ею специально.

Папка с вырезками пролежала нетронутой все выходные. Джастин откладывал изучение, потому что согласился принять участие в дискуссии на лондонском мини-фестивале немецкого кино и должен был основательно подготовиться, так как не видел два из фестивальных фильмов.

Теперь, ранним утром понедельника, недосып и лихорадочное напряжение выходных давили на него всей тяжестью. Подъехавший поезд был набит битком, и Джастину пришлось дожидаться, пока все выйдут. Внутри было душно. Первые минуты поездки он сидел без дела и медленно приходил в себя.

Джастину уже случалось публиковать интер-

вью со знаменитостями, и все же ему нечасто заказывали такие тексты. Теперь появился шанс на публикацию в крупном воскресном издании, что в перспективе могло вылиться в долгосрочное сотрудничество.

Неделю назад ему позвонила некая Розалинда Дей.

— Сможете ли вы к середине следующей недели написать биографическую статью об актрисе, которая снялась в новом фильме Спенсера Ховата? — спросила она. — Фильм выходит в следующий вторник, и журнал хочет напечатать статью в воскресном выпуске.

— Журнал? — переспросил Джастин. — Какой?

— Цветное приложение.

— И к какому сроку нужна статья?

— Самое позднее к среде. Сможете? — Она назвала сумму, которая существенно превышала плату за рецензии, и Джастин, как фрилансер, естественно, сразу согласился. — Приносите текст в офис «Обзервера» до полудня. Спросите Роз Дей из редакции «Искусство и медиа».

— Договорились.

— Актрису зовут Тедди Смайт. Она снималась во многих британских фильмах и играла постоянную роль в сериале «Прибрежная зона», который

могут вскоре перезапустить.

— Да, я о ней знаю.

— Тедди живет в Сифорде, неподалеку от Истборна. Я пришлю вам адрес. Говорят, с вокзала Виктория туда каждые полчаса ходит поезд. Тедди Смайт не особенно любит журналистов, поэтому действуйте аккуратно. Люди Ховата сделали интервью обязательным условием ее контракта, и журнал хочет выпустить эксклюзивный материал.

Тедди Смайт была известной харáктерной актрисой, регулярно снималась в 1950-е — 1960-е годы, а потом пропала с экранов. Новый фильм топового американского режиссера Спенсера Ховата «Молчаливый гений» собрал большую кассу в США и имел все шансы стать хитом в Великобритании. Джастин посетил предпоказ, фильм ему понравился, и через пару недель в журнале о кино должна была выйти его рецензия. Вот только Тедди Смайт он там не заметил, а ее имя, вероятно, затерялось в длинных титрах со множеством персонажей.

У Джастина сохранилась листовка дистрибьютора, и теперь, перечитав, он обнаружил в ней фразу: «Роль Лоис прекрасно исполнила британская актриса Тедди Смайт». Никакой Лоис

Джастин не помнил.

Он просмотрел газетные вырезки и отметил потенциальные темы для интервью. Творчество Тедди Смайт ему было в целом знакомо. В годы наибольшей активности она постоянно мелькала на экранах, не привлекая особенного внимания критиков. В одной из вырезок имелась старая фотография, и Джастин сразу ее узнал. Тедди Смайт была из тех актеров, кого зрители моментально запоминают в лицо и никогда не знают по имени. Снялась в полусотне фильмов, почти всегда в эпизодических ролях — школьной директрисы, поварихи, водителя, полицейской, шпионки, медсестры. Ей одинаково хорошо давались и комедии, и драмы, а кроме того, она играла в двух фильмах ужасов студии «Хаммер Филмз». Работала и на телевидении, и в театре в Вест-Энде.

В 1969 году актриса перенесла легкий инсульт и ушла на покой, а в 1977-м неожиданно снялась в фильме «Молчаливый гений». Спенсеру Ховату удалось прервать ее затворничество, и Джастин надеялся узнать, каким образом. Каждый новый фильм Ховата становился событием, а Тедди Смайт была единственной британкой в американском актерском составе, поэтому британская

аудитория сразу ею заинтересовалась.

Поскольку она не стала звездой, о ее жизни за пределами кинематографа почти ничего не было известно — журналистам оставалось лишь гадать. Она появилась на свет около 1910 года в маленьком ярмарочном городке Лейтон-Баззард в Бедфордшире и получила при рождении имя Теодора Смайт. О ее родителях, возможных братьях и сестрах информации не было, равно как и о том, где она училась, занималась ли в театральной школе, был ли у нее муж и дети.

Профессиональной актрисой Тедди Смайт сделалась довольно поздно, а прежняя (неназванная) работа, по ее словам, не имела никакого отношения к кинематографу. Словом, она явилась из ниоткуда. Первый фильм, где ее имя фигурировало в титрах, — комедия-фарс «Как небо и земля» студии «Илинг Филмз», вышедшая в 1951 году.

В последующие годы Тедди Смайт приобрела профессиональную репутацию среди актеров и кинотехников. Ряд выдающихся звезд — Майкл Редгрейв, Джон Гилгуд, Ральф Ричардсон и другие — упоминали ее в своих мемуарах как приятную и веселую коллегу (в папке, присланной Розалиндой Дей, были выдержки из их автобиографий).

Теперь Тедди Смайт жила одна в Сифорде,

небольшом городке по соседству с Истборном на южном побережье. Когда Роз Дей договаривалась об интервью, актриса предупредила, что у нее несколько кошек и, если у журналиста аллергия, лучше будет встретиться в ресторане или пабе. Джастин аллергией не страдал и даже любил котов, а для биографического интервью всегда предпочитал встречаться там, где человек живет или работает.

В Истборне Джастин пересел на другой поезд и уже скоро шел пешком от станции в Сифорде к дому Тедди Смайт. Она жила на узкой улочке в двух кварталах от побережья — в маленьком отдельном доме с белыми стенами и темно-красной деревянной отделкой. Небольшой дворик зарос травой, огромная цветочная клумба отчаянно нуждалась в прополке.

Когда открылась дверь, Джастин испытал то странное чувство узнавания, с каким встречаешь человека, знакомого по кино или телеэкрану, и непроизвольно улыбнулся. Тедди Смайт была, конечно, старше, чем на фотографиях с газетных вырезок, но намного моложе, чем он ожидал. Ему-то представлялась старушка на пенсии, а перед ним стояла вполне активная пожилая дама с ясным голосом, седыми, немного растрепан-

ными волосами и необыкновенными голубыми глазами. При улыбке уголок рта у нее опускался вниз — вероятно, последствие инсульта, перенесенного несколькими годами ранее.

Джастин проследовал за хозяйкой в дом. Внутри пахло кошками — не сильно и не противно. Когда он зашел, в коридор выскочила трехцветная кошка. Тедди отвела гостя в маленькую уютную гостиную, где стоял телевизор, видеоплеер со стопкой подписанных вручную кассет, стол, наполовину заваленный журналами, два маленьких дивана, один напротив другого рядом с камином, и три книжных стеллажа. Книги лежали стопками и на полу. На одном из диванов вытянулся полосатый кот, за время интервью так ни разу и не пошевелившийся.

В углу примостился шкафчик со стеклянными дверцами, загроможденный сувенирами. Сверху стоял давно не чищенный серебряный кубок. По стенам висели черно-белые фотографии и небольшие картины. Джастин поставил сумку на пол и, пока Тедди делала ему кофе, а себе чай, рассмотрел снимки.

На одном из них была запечатлена сама Тедди на некой церемонии награждения, судя по всему, несколько лет назад. Ее, в вечернем платье и с

серебряным кубком в руках (тем самым, что на шкафу), приобнимал за плечи актер Ричард Аттенборо в смокинге. Кубок сиял в лучах софитов, Тедди широко и открыто улыбалась, Аттенборо махал рукой невидимым зрителям. Позади висел занавес с рюшами, сбоку стояла кафедра, а в центре сцены — большая гипсовая реплика кубка, выкрашенная золотой краской. Прищурившись, Джастин прочел надпись на реальном кубке: «Лучшая женская роль второго плана в фильме «Радикальный поворот», Тедди Смайт, 1968 год».

В другой рамке красовался портрет симпатичного молодого человека с гладко зачесанными назад волосами. Пожелтевший от времени снимок напоминал официальные фото голливудских кинозвезд старой эпохи, только этого актера Джастин не знал. Фотографию явно отретушировали — круглое лицо молодого человека выглядело гладким, почти восковым. Надпись с автографом в нижнем правом углу выцвела и не читалась.

Джастин любил памятные вещи, связанные с кино, и очень заинтересовался снимком, а потому спросил, когда Тедди вернулась в комнату:

— Можно узнать, кто это, мисс Смайт? Ваш знакомый? Или, может быть, коллега?

Она поставила поднос на стол и присела на

диван рядом с полосатым котом. Тот даже не шевельнулся.

— Пожалуйста, зовите меня Тедди — все так делают. Это старое фото. Красавчик, правда?

— Это актер?

— Сама не знаю. Эту фотографию прислал мне кто-то из знакомых в память о старом Голливуде. Может, кто-нибудь из ваших коллег сумеет выяснить? Вы ведь киноэксперт?

— Не вполне.

— Времена, когда актеры позировали для таких фотографий, давно миновали. А раньше их делали все крупные студии. Вот ваш кофе.

Тедди пододвинула к нему чашку, и Джастин обратил внимание на то, что уголок ее рта еще больше опустился, словно в раздражении. Он решил сменить тему.

— Я очень рад с вами познакомиться. Видел несколько фильмов с вашим участием и всегда восхищался вашим мастерством. Когда я узнал, что Розалинда Дей договорилась об интервью с вами для «Обзервера», то сразу вызвался его провести, — приврал он, не стесняясь.

— Мне понравилась Роз.

— Я, признаться, не встречал ее лично — мы разговаривали по телефону.

— Вы, стало быть, связаны с кинобизнесом?

— Иначе, чем вы. Я просто писатель, журналист, кинообозреватель. — Джастин достал из сумки диктофон, установил на столе микрофон и надел наушники, пояснив: — Надо проверить уровень громкости.

Когда началась запись, Тедди проговорила:

— Вы ведь не все фильмы со мной видели? Большинство старых не сохранилось — не так уж они были хороши.

— Не соглашусь — все фильмы в той или иной мере интересны. Я видел несколько, а об остальных читал. О вас пишут в большинстве книг, посвященных британскому кино. — Джастин кивнул на серебряный кубок. — Это награда Ассоциации киносценаристов?

Тедди явно удивилась его осведомленности.

— За фильм, в котором я снялась лет десять назад, — комедию с Кенни Мором в главной роли. Правда, познакомиться лично не довелось — я ведь играла роль второго плана. Видела его на вечеринке по случаю завершения съемок, но не имела случая поговорить.

— А как насчет вон той фотографии? Вы знакомы с Ричардом Аттенборо?

— С Дики? В кинобизнесе все знают Дики, но

я не могу назвать его своим другом. Я снялась в двух ранних фильмах с ним, пока он не стал большой звездой.

— Насколько я помню, это фильмы о войне?

— В одном из них он играл моряка, а второй я и сама не помню — много тогда снималась. Кажется, играла военнослужащую ВМС.

— Если не ошибаюсь, это была главный корабельный старшина Сара Уилсон.

— Вы хорошо подготовились, мистер Фармер, — кивнула Тедди. — Совместных сцен у нас с Дики не было, хотя в некоторых эпизодах меня можно заметить на заднем плане.

— Сара Уилсон — это ведь связистка, у которой погиб сын?

— Возможно… Да, вы правы.

Не зря Джастин накануне просмотрел собственные записи!

— А действие второго фильма с мистером Аттенборо, насколько я помню, разворачивается на станции Королевских ВВС во времена Второй мировой. Он играл офицера летно-подъемного состава эскадрильи бомбардировщиков.

— Думаю, да. Вы изучили вопрос! Такой основательный подход всегда восхищает — у самой-то уже все перемешалось в памяти. Снимать филь-

мы далеко не так интересно, как многие воображают. Получаешь роль, каждый день ходишь на студию — это работа. Актерам моего уровня платят в основном за ожидание, и они почти никогда не встречаются с исполнителями главных ролей, если только это не предусмотрено сценарием.

Тедди еще немного поговорила о своих фильмах. За последние два-три года Джастин не раз брал интервью для биографических статей у разных актеров — и знаменитых, и харáктерных, как она. В первое время его поражало, как многие из них любят поболтать и даже посплетничать о своей работе, прежде чем приступать к вопросам, даже если рядом сидит представитель агентства и нервно поглядывает на часы, а за дверью уже ждет другой журналист.

К счастью, сегодня время не поджимало. Джастин знал, что дать человеку свободно поговорить о себе — прекрасный способ наладить контакт. Зря он начал расспрашивать Тедди о фотопортрете на стене. Это не лучший способ завязать знакомство — ведь тема, похоже, деликатная. Журналист в Джастине был заинтригован и горел желанием узнать, кто же этот молодой человек, однако теперь, когда Тедди расслабилась и открылась, давить не следовало.

Разговор прервало появление сиамской кошки. Пристально взглянув на Джастина, она устроилась у хозяйки на коленях. Спящий полосатый кот не шевельнулся.

Хотя Розалинда велела расспросить Тедди Смайт о съемках в новом фильме Ховата, Джастин решил подойти к делу по-своему и составить как можно более полное представление о прошлом актрисы. Воспользовавшись паузой, он сказал:

— Меня интересует ваша работа со Спенсером Ховатом, но прежде, чем мы к этому перейдем, я хотел бы задать вам буквально пару вопросов о «Прибрежной зоне».

Уголок рта Тедди вновь пополз вниз.

— Это старье сегодня уже никого не интересует.

— По сведениям «Обзервера», «Би-би-си» думает перезапустить сериал.

— Только без меня! Не соглашусь даже под дулом пистолета.

— Но ведь мистеру Ховату удалось каким-то образом прервать ваше затворничество?

— Одно дело — Спенсер Ховат, другое — мыльная опера в дневном эфире «Би-би-си». Прошу прощения, мне нужно ненадолго отойти.

Она встала, держась за каминную полку, про-

тиснулась мимо Джастина и вышла из комнаты. Поставив диктофон на паузу, он слушал, как Тедди идет по коридору, а потом медленно, ступенька за ступенькой, поднимается по лестнице. Неужели он опять совершил промах? Роз Дей упомянула «Прибрежную зону» лишь мимоходом, не стоило поднимать эту тему.

Полосатый кот по-прежнему спал, а сиамская кошка, которую Тедди согнала с коленей, когда вставала, теперь энергично умывалась под столом. Оглядев комнату, Джастин вновь уставился на снимок голливудского красавца. Загадка мучила его, и он решил сделать фотокопию. Вынул из сумки камеру, подключил вспышку, дождался, пока устройство напитается от аккумулятора, и, как только загорелся зеленый огонек, сфотографировал портрет с близкого расстояния, а потом переснял еще раз на случай, если первый кадр испортило отражение от стекла. Когда Тедди вернулась, камера и вспышка уже лежали в сумке.

— Предлагаю мир! — объявила Тедди, ставя на стол бутылку красного вина, два чистых бокала и тарелку печенья. — Я обычно избегаю разговоров о «Прибрежной зоне», но раз уж вы затронули эту тему, могу сказать, что многие действительно вспоминают сериал с теплотой, бог знает поче-

му… Если хотите, можете сначала допить кофе.

— Спасибо. Значит, вы не думаете возвращаться в «Прибрежную зону»?

— Не думаю и в любом случае не могу, — отрезала она, наполняя бокалы. — Я теперь слишком стара. И к чему ворошить прошлое? В этом сериале нет ничего хорошего — сценарии однотипные, персонажи картонные. Я полгода упрашивала сценаристов избавиться от миссис Гэлбрейт. Вы знаете, что если в телесериале убивают персонажа, то иногда выплачивают актеру бонус? Я бы взяла — в компенсацию за все пережитое.

Тедди более двух лет играла миссис Гэлбрейт — властную экономку большого приморского отеля, которой приходится разбираться с абсурдными требованиями клиентов и держать в узде молодой персонал. Завязка казалась многообещающей, а в результате вышел один из тех сериалов, которые хороши только в пародиях. Никто не затосковал, когда «Прибрежная зона» закончилась и Тедди вернулась в кино. Она снялась еще в двух комедиях, а потом надолго пропала с экранов из-за инсульта, и публика забыла о ней вплоть до фильма Ховата.

— Значит, прощай навсегда, отель «Маджестик»? — спросил Джастин.

— Честно говоря, я была бы рада, если бы вы вообще о нем не вспоминали.

— Сам жалею. Давайте сменим тему. Ваша, пожалуй, самая громкая роль — мадам Шарпентье в экранизации 1956 года…

— Да, экранизация французской книги, доставившая мне немало проблем, — откликнулась Тедди, на этот раз спокойно.

— Неужели проблем? — удивился Джастин. — Роль, конечно, сложная, но, пожалуй, одна из ваших лучших. Расскажите, что вы думали о ней тогда и как воспринимаете сейчас?

История мадам Шарпентье была основана на реальном происшествии во Франции XIX века. Хроника кровавого тройного убийства легла в основу романа, написанного в 1930 году и заклейменного французскими клерикалами как чрезвычайно вульгарное и безнравственное произведение. Разумеется, благодаря этому «Смерть в Оверни» моментально сделалась бестселлером во Франции, а потом вышла в Великобритании и США. Во Вторую мировую автор, Жан-Пьер Жовен, погиб, и его книги перестали печатать. Лишь после войны «Смерть в Оверни» переиздали, и небольшая продюсерская компания в Лондоне купила права, чтобы снять бюджетную экра-

низацию. Над адаптацией работал известный британский сценарист, а режиссером стал Хьюго Маршал Тернбулл. Съемки велись на студии «Шеппертон» под Лондоном и, хотя действие фильма разворачивается во Франции, все актеры говорят по-английски с редкими вкраплениями французского акцента и галлицизмов.

Это история о трех братьях, двое из которых работают на ферме, а младший учится на колесника. Их жизнь однообразна, и порой они неопределенно рассуждают о том, чтобы уехать из деревни на поиски счастья. Братья соперничают в любви, много пьют, по мелочам нарушают закон. Средний хорошо поет и думает о переезде в Париж, старший — драчун, а младший тайком читает книги и ведет дневник. Братья регулярно ходят в церковь — главным образом для того, чтобы после службы волочиться за девушками и передразнивать священника, отца Франсиса.

Их мать, мадам Шарпентье в исполнении Тедди Смайт, на протяжении фильма держится в тени — она и рядом, и в то же время нет. Отец исчез еще до начала истории, и братья даже не знают его имени. Возможно, мадам Шарпентье и вовсе не была замужем. Сыновья не обращают на нее внимания, и зритель видит ее мрачную

фигуру лишь мельком. Мать готовит простую пищу, убирает, работает за ткацким станком, раз в неделю ходит на рынок, работает в огороде и почти не разговаривает. Часто стоит спиной к камере, сливаясь со смутным, темным фоном, и временами плачет без причины.

В конце фильма мадам Шарпентье неожиданно встречается с отцом Франсисом. Зажав ее в углу, тот чего-то требует, грозя небесной карой за былые грехи. Вырвавшись, она бредет в отчаянии по проселочной дороге, залитой лучами садящегося солнца. Внезапно луч падает на лицо мадам Шарпентье, и впервые зритель видит его так ясно и близко. Оно поражает: щеки исполосованы шрамами, черты искажены гневом, глаза горят, волосы раздувает ветер. Это лицо одержимой.

Мадам Шарпентье входит в дом, где сидят сыновья, и, не произнеся ни слова, набрасывается на них с топором. Вскоре все трое мертвы или при смерти, а на ее искаженном лице, забрызганном кровью, нет ни тени сожаления. История заканчивается тем, что ночью она заходит в дом отца Франсиса и закрывает за собой дверь.

«Смерть в Оверни» — проходной фильм, снятый на скорую руку малоизвестным режиссером и призванный демонстрироваться перед какой-ни-

будь полнометражной картиной. Продолжительность составляет немногим более часа, сюжет слабый, почти все, включая деревенские сцены, отснято в студии, отчего видеоряд искусственный и неправдоподобный. Тем не менее в контексте консервативного британского кинематографа 1950-х это невероятно жестокий и шокирующий фильм. Особенно запоминается жуткий момент, когда на экране пугающе крупным планом появляется безумное лицо мадам Шарпентье в лучах заходящего солнца.

Киноманы пришли в восторг от этой сцены, критики писали о ней, известные режиссеры называли ее в числе своих творческих влияний, операторы стремились ее повторить, теоретики анализировали ее… Словом, фильм стал классикой. Тем не менее даже спустя годы имя актрисы, исполнившей роль мадам Шарпентье, оставалось в безвестности, а Тедди Смайт вернулась к своей постоянной тихой работе на ролях второго плана.

— До выхода фильма вы могли себе представить, какую он вызовет реакцию? — спросил Джастин.

— Никто об этом даже не задумывался, меньше всего я. Сразу следом я снялась еще в двух филь-

мах, а «Овернь» вышла лишь через год.

— Не каждый день, наверное, случается играть убийцу с топором?

Тедди улыбнулась.

— Такова жизнь профессионального актера. Берешь, что дают. Во время съемок эта сцена не казалась из ряда вон выходящей. Когда ты на площадке, под объективом камеры и светом софитов, трудно представить, как все будет смотреться на экране. Приходится помногу ждать, снимают короткими отрывками, иногда с перерывом в день-два, порой даже в обратном порядке. Многие об этом не догадываются. После монтажа, наложения музыки и звука смотрится эффектно, но по существу все это лишь притворство.

— Вы смотрели отснятое?

— Никогда не оставалась на ежедневные показы. Кто-то смотрит, кто-то нет. Я не смотрела. — Тедди подняла бутылку к свету. — Налить вам еще?

— Не откажусь, спасибо! — Джастин протянул ей бокал. — Это подводит нас к разговору о Спенсере Ховате. Сняться у такого режиссера — большое достижение. Он сам связался с вами по поводу роли в новом фильме?

— Нет. Как всегда, позвонил мой агент и сооб-

щил, что меня хочет видеть режиссер по работе с актерами. Из необычного только то, что моего агента не сразу нашли и он не знал моего нынешнего телефона. Я ведь уже давно не снималась.

— Я предполагал, что Ховат мог выбрать вас лично.

— Мне об этом неизвестно.

— Объясню, почему я так думаю. Года три назад Ховат дал интервью журналу «Роллинг Стоун», в котором признался, что очень любит бюджетные британские фильмы 1950-х. По его словам, в США нет ничего подобного. Он упомянул несколько картин, и среди них «Смерть в Оверни». Самобытные, как он выразился, британские триллеры того времени многому его научили.

Тедди улыбнулась, поглаживая устроившуюся на коленях сиамскую кошку, и это напомнило Джастину один из эпизодов нового фильма Ховата. Все сразу встало на свои места.

Название «Молчаливый гений» иронически отсылает к главному герою — добродушному ученому, который неожиданно обнаруживает, что способен убивать взглядом. Роль написана специально для одного голливудского актера в расцвете славы. На протяжении фильма герой пытается избавиться от способности, которую

считает проклятием. В одном из эпизодов он прячется от погони у пожилой коллеги, которая уже несколько раз мелькала на заднем плане, неизменно в темных очках. Она наклоняется над тарелкой, как Тедди склонилась над кошкой, и тут в комнату вбегает главный герой. Женщина снимает очки, их с героем взгляды встречаются. Ее лицо, показанное крупным планом, шокирует. Тайна раскрыта: герой встретил соперницу с такими же способностями, как у него. Дернувшись, он падает и из последних сил уползает. История продолжается.

Разумеется, это и есть та самая Лоис, которую сыграла Тедди Смайт.

— Когда вы работали с Ховатом, он не упоминал про «Смерть в Оверни»?

— Говорю же, вы отлично подготовились, мистер Фармер! Говорил ли со мной Спенсер Ховат? Совсем немного.

— И что же он сказал?

— Утром на второй день съемок он вызвал меня к себе в кабинет. Заявил, что преклоняется перед моей игрой и гордится возможностью поработать вместе, — в кинобизнесе все так говорят. Впрочем, он наверняка был искренен. Ховат приятный человек, мне понравилось с ним работать,

хотя многие коллеги считают его странным. Он действительно весьма эксцентричен. Так или иначе, новый фильм ему удался, и я рада, что приложила к этому руку.

— Он пригласил вас, только чтобы поприветствовать? Расспрашивал ли о фильмах, в которых вы снимались?

— Почти нет.

— А что насчет «Смерти в Оверни»?

— Про это спрашивал. Перескажу вам полный наш разговор. Ховат сделал мне комплимент по поводу внешности и посетовал, что я ушла на покой. По его мнению, следовало вернуться к съемкам, как только я восстановилась. Спросил, лучше ли мне теперь, я ответила, что да. К счастью, инсульт меня пощадил. Потом Ховат сказал: «Я каждый день учусь новому, обожаю кино, прилежно его изучаю и тщательно исследую. Воспоминание о вашей сцене из “Смерти в Оверни” преследовало меня до тех пор, пока я не разгадал причину. Я знаю, кто вы, Тедди». Я сделала ему какой-то комплимент, а он возразил: «Нет, я — это я, а вы — это вы. Вы отлично понимаете, что я имею в виду. Я много лет мечтал поработать с вами и до смерти горжусь тем, что вы согласились». Вот и весь наш разговор.

— И как вы отнеслись к его словам?

— Мне было очень приятно — ведь Ховат один из величайших режиссеров современности.

— Не зря же он вернул вас на экран. А после этой встречи вы еще разговаривали?

— После этого мы виделись только на съемочной площадке.

— Он не объяснил, что имел в виду?

— Нет. А вы видели фильм?

— Да, на прошлой неделе я был на предварительном показе. Хочу спросить вас еще кое о чем. Многие отметили, что вы единственная британская актриса в фильме, хотя он частично снимался в Великобритании, в Дорсете. Вы играете американку, и у вас очень убедительный американский акцент.

— Ну ведь это американский фильм об американцах, как иначе, — ответила Тедди с американским акцентом. — Здесь снимали из-за натуры — нужен был большой дом на берегу моря. Акцент не проблема — я умею говорить с разными акцентами. Это один из навыков актера.

— Как вы считаете, Спенсер Ховат пригласил вас из-за «Смерти в Оверни»?

— Может быть, да, а может быть, и нет. Спросите у него сами, — ответила Тедди, уже без акцента

и как будто менее уверенно.

Джастин бросил взгляд на диктофон. Оставалось еще несколько минут записи и полностью чистая вторая сторона кассеты. Он мысленно пробежался по списку вопросов.

— Пожалуй, это все. Спасибо!

Он выключил диктофон и откинулся на спинку дивана. Тедди тут же подлила вина ему и себе.

— Вы спешите, или мы можем прикончить эту бутылку вместе? — спросила она, и Джастин поднял бокал в знак одобрения.

Они просидели еще около часа, попивая вино и приятно болтая о старых фильмах, любимых фильмах, фильмах, которые им не понравились, фильмах, в которых снималась Тедди и другие актеры. Она охотно сплетничала о коллегах, хотя, по ее словам, не поддерживала с ними связи после ухода из кино, а некоторые из ее близких знакомых уже умерли. Джастин всегда любил, когда актеры говорят друг о друге. Тедди предупредила, что рассказывает все это не для записи, и он пообещал не включать сведения из их неформальной беседы в интервью, хотя постарался все же запомнить услышанное. Розалинда Дей предупреждала, что редакционная политика «Обзервера» не предусматривает согласования

текста интервью, тем не менее Джастин пообещал: если захочет включить в интервью что-то из сказанного не под запись, то созвонится с Тедди перед отправкой текста в редакцию.

Он втайне надеялся, что сейчас, расслабленная, она расскажет о том, как начиналась ее карьера — что привело ее в кино, как она начала сниматься, какие у нее были связи. Увы — бутылка вина быстро подошла к концу, а о прошлом Тедди так ничего и не рассказала. Джастин прямо спросил, кем она работала, прежде чем стала актрисой. Тедди лишь покачала головой. Этот период ее жизни так и остался тайной.

Вскоре Джастин распрощался и через пару часов уже был дома, в Лондоне. На следующий день, расшифровывая запись, он неожиданно вспомнил, что несколько лет назад купил, но так и не прочитал книгу о карьере Хьюго Маршала Тернбулла. Хотя Тернбулла не знали за пределами Великобритании, среди коллег он имел репутацию надежного и профессионального режиссера, на которого можно положиться. «Смерть в Оверни» — один из ряда короткометражных фильмов, которые он снимал в тот период, и в книге ей была посвящена целая глава.

Закончив работу, Джастин взялся за чтение и

обнаружил, что книга написана весьма хорошо и увлекательно, содержит кое-какие сведения о съемках фильма и подробное описание роли Тедди. На основе своего интервью и этих материалов он написал весьма благожелательную биографическую статью, постаравшись не просто зафиксировать ответы на вопросы, но и передать впечатление, которое Тедди произвела на него как человек. Описал ее маленький домик, драгоценный кубок, миролюбивых котов, подробно рассказал о старом триллере по французскому роману, упомянул слова Спенсера Ховата о том, что он знает, кто Тедди такая, и блестяще охарактеризовал ее игру в новом фильме.

Роз из «Обзервера» одобрила статью, и ее опубликовали в журнале-приложении на следующих выходных, два дня спустя после официальной премьеры «Молчаливого гения» в Лондоне. Фильм получил хорошие рецензии. Некоторые критики особо отметили роль Тедди Смайт.

Джастин сходил с Роз на несколько свиданий, однако из этого ничего не вышло.

Лишь несколько недель спустя закончилась пленка в камере, и только через три недели после этого Джастин освободил вечер для проявки. Увидев негативы, вспомнил о тайне студийного

портрета, висевшего у Тедди в гостиной, увеличил лучший из двух сделанных снимков и положил в сумку. А некоторое время спустя зашел по делу в библиотеку Британского института кино и решил заодно попытать счастья в поисках неизвестного актера. Перелопатив гору журналов и книг, он наткнулся на ту самую фотографию в сборнике «Звезды немого кино».

Актера звали Рой Таллис. В энциклопедиях о нем писали скупо: в 1920-е годы снялся в нескольких немых фильмах, успешно перешел в звуковое кино, сыграл всего в двух картинах, в 1931 и 1932 году, а в 1933 году скончался. В одной энциклопедии говорилось, что причина неизвестна, в другой утверждалось, что в последние годы жизни Таллис страдал алкоголизмом и покончил с собой.

Джастин плохо знал ранний период истории кинематографа и имел смутное представление о большинстве фильмов той эпохи, не считая картин с Жанетт Маршан и некоторыми другими крупными звездами. Он запомнил информацию о Рое Таллисе и позже написал Тедди Смайт о том, чей портрет, оказывается, висит у нее на стене.

Несколько месяцев спустя Джастин наткнулся на статью о Рое Таллисе в американской энцик-

лопедии довоенного кино. Настоящее его имя было Борис Михайлович Морозов. Он родился в Чикаго в 1901 году в семье русских эмигрантов, а повзрослев, сменил имя и переехал в Калифорнию в поисках славы. Таллис снялся в шести немых фильмах на второплановых ролях и в 1926 году получил первую главную роль — как раз тогда, когда студии начали переходить на звуковое кино. После этого Таллис снялся еще в нескольких фильмах, но звездой уже не считался. У него был долгосрочный контракт со студией «Ар-Кей-Оу Радио Пикчерз».

Большинство звуковых фильмов Таллиса вышли до введения Кодекса Хейса, в тот краткий период между появлением звука и 1934 годом, когда кинематограф сковала строгая цензура. После 1934 года студиям приходилось работать в жестких моральных рамках, заданных Кодексом, и это касалось не только новых фильмов, но и старых. Большинство картин, вышедших до появления Кодекса, отправились на полку — по новым нормам они считались аморальными, рискованными или по другим причинам сомнительными. Кодекс Хейса привил Голливуду обостренную чувствительность не только к сексуальным сценам, но также к изображению азартных игр,

алкоголизма, наркотиков, гомосексуальности, к религиозным темам и расовым стереотипам. Безопасными оставались лишь романтика, мюзиклы и фильмы о гангстерах. Иногда студии намеренно уничтожали или прятали фильмы, снятые до появления Кодекса. Многие картины той эпохи оказались утеряны безвозвратно, и в их числе — фильмы с Роем Таллисом.

В заключение биографической справки вкратце упоминалось о личной жизни Таллиса. Он был первым мужем Жанетт Маршан — с 1928 года и до самоубийства в 1933-м. У них родилась дочь по имени Наташа.

Глава 12

Романтика и реальность:
возвращение в Касабланку

Джастин Фармер, корреспондент художественного отдела

В этом году сороковой юбилей отмечает «Касабланка» — одна из величайших и наиболее влиятельных картин Голливуда, пользующаяся невероятной популярностью. Уже четыре десятилетия она собирает полные кинозалы по всему миру и оставила в культуре неизгладимый след — от фраз и образов до настроений. Персонажи Хамфри Богарта, Ингрид Бергман и Клода Рейнса стали культовыми.

Хотя сюжет фильма хорошо известен, приведем краткий пересказ. Действие разворачивается в марокканском городе Касабланка во времена Второй мировой войны. Страна находится под властью марионеточного вишистского правительства Франции. Американский эмигрант по имени Ричард Блейн, или просто Рик (Хамфри Богарт), держит ночной клуб-казино на одной из узких улочек Касабланки неподалеку от аэропор-

та. Бывший наемник и контрабандист, два года назад он пережил в Париже любовную драму, оставившую в душе неизгладимый след, и скрывает боль под личиной уклончивого равнодушия. Его прибыльное заведение под названием «Американское кафе Рика» зарабатывает на беженцах, которые через Касабланку пытаются попасть в одну из нейтральных стран или в США.

Переправка и эксплуатация беженцев — основной источник дохода Рика, и его теневой бизнес способствует росту подпольной экономики города. Рик мало чем отличается от обычного рэкетира, и все же за внешним цинизмом скрывается смелая натура, способная к состраданию. Этой моральной дилеммой пользуется коррумпированный шеф местной жандармерии, капитан Луи Ренар (Клод Рейнс). В политике Рик не участвует, отговариваясь тем, что он — всего лишь владелец салуна.

Привычное течение жизни и хрупкое душевное равновесие Рика нарушается, когда однажды вечером в клуб заходит его бывшая парижская возлюбленная Ильза Лунд (Ингрид Бергман) в сопровождении харизматичного борца Сопротивления по имени Виктор Лазло (Пол Хенрейд). Рик и Ильза по-прежнему страстно влюблены

друг в друга и тщетно борются с чувствами. Ильза признается, что Лазло — ее муж, которого она считала погибшим, когда встретила Рика. У Рика есть официальные документы, по которым Лазло и Ильза могут улететь в нейтральный Лиссабон, однако отдать их — значит потерять Ильзу навсегда.

Кульминация фильма — последняя встреча в аэропорту, после того как Рик пообещал Ильзе улететь вместе с ней. В последнюю минуту он отказывается от эгоистического невмешательства и, проникшись идеалами Лазло, отдает документы. Лазло и Ильза садятся в самолет и улетают навстречу свободе.

Этот прекрасный фильм пропитан духом непостоянства и ощущением близости смерти. Все герои бегут — от прошлого, от ужасов настоящего или в поисках лучшей жизни. Многие хотят исчезнуть и действительно исчезают — или сбежав в другую страну, или попав в руки полиции.

Клуб Рика — центральный пункт, терминал, через который проходят все персонажи. Он находится так близко к аэропорту, что заходящие на посадку самолеты пролетают прямо над крышей, символизируя одновременно и свободу, и опасность. В одном из первых кадров фильма

пассажирский самолет проносится в опасной близости над входом. Каждую ночь по улицам города гуляет луч прожектора на диспетчерской вышке аэропорта и заглядывает в окна клуба.

Аэропорт — единственный выход из Касабланки. Виктор Лазло и Ильза Лунд прилетают самолетом, равно как и нацистский майор (Конрад Фейдт), посланный схватить Лазло. Капитан Ренар получает взятки прежде всего за выдачу дорогих выездных виз, и молодые женщины обычно расплачиваются натурой. Визы пригодны лишь в аэропорту и имеют весьма сомнительную ценность: хотя с их помощью можно вылететь из Касабланки, нет никакой гарантии благополучно въехать в другую страну. Другое дело документы Рика — они гарантируют свободный въезд в страны союзников.

Интрига разворачивается в микрокосме политического и эмоционального напряжения. Обычных людей, живущих в Касабланке, мы почти не видим. Так и в современном аэропорту пассажир находится в своего рода чистилище, отрезанный от обычаев и свобод повседневной жизни. Все вынуждены ждать.

«Касабланка» — полностью вымышленная история. Пока в Голливуде снимался фильм, в

реальном мире союзники атаковали Северную Африку с атлантического побережья, освободили Касабланку и другие города Марокко и оттеснили немцев на восток, к Алжиру и Тунису. Обстановка на фронте складывалась столь удачно, что к середине января 1943 года, когда фильм вышел в прокат, в Касабланке проходила конференция союзников, на которой Черчилль, Рузвельт и де Голль обсуждали дальнейшую стратегию.

Так что в художественной истории, которую рассказывает «Касабланка», нет ничего, кроме вымысла. Впрочем, это совершенно неважно — великие художественные фильмы запоминаются не правдоподобностью событий, а мечтами, которые исполняют, надеждами, которые внушают, и любовью, которую мы питаем к персонажам на экране. Даже сегодня «Касабланка» берет за душу картиной моральной битвы Рика, столь блестяще сыгранной Хамфри Богартом, и теплой верностью Ильзы — одной из лучших ролей Ингрид Бергман, в которой раскрылась ее способность великолепно отыгрывать романтическую страсть, определившая дальнейшую карьеру.

Зритель не догадывается об условиях, в которых велись съемки. В фильме показано сборище людей разных национальностей, стремящихся

пробить через Касабланку путь к свободе. Мы слышим о тех, кто пока не может вырваться и вынужден «ждать в Касабланке, ждать, ждать и ждать…». Это отражает реальную ситуацию в Голливуде того времени: из семидесяти с лишним актеров, снявшихся в фильме, только трое являлись «настоящими» американцами: Хамфри Богарт, Дули Уилсон (в роли пианиста Сэма) и Джой Пейдж (в роли болгарской беженки Анниы Брандель). Остальные недавно эмигрировали в Америку, многие — спасаясь от гитлеровского режима. Большинство из них были евреями, даже те, кто играл нацистов. Некоторые исполнители эпизодических ролей у себя на родине считались крупными звездами. И хотя события фильма полностью вымышлены, это стирание грани между реальными и экранными обстоятельствами жизни актеров добавляет сюжету убедительности. В память врезается эпизод, где все посетители клуба поют «Марсельезу», — одна из самых эмоционально заряженных и запоминающихся сцен в истории кино. В заключение крупным планом показывают заплаканное лицо Мадлен Лебо — французской кинозвезды, бежавшей из Парижа. Она восклицает: «Да здравствует Франция!»

Что касается Хамфри Богарта, то ходят слухи,

будто изначально на роль Рика рассматривались другие актеры. Часто упоминают нынешнего президента США Рональда Рейгана и звезду гангстерских фильмов Джорджа Рафта. Сейчас трудно представить, что кто-либо из них сумел бы придать «Касабланке» ту эмоциональную выразительность, которой добился Богарт. В действительности слухи лишены оснований: он планировался на роль Рика с самого начала. Тем не менее один актер все же мимолетно рассматривался на эту роль и оказал любопытное влияние на съемки фильма. Речь о Лесли Говарде, кинозвезде времен раннего Голливуда до появления Кодекса Хейса. Британец по происхождению, Говард слыл воплощением британского обаяния и скромности. Он быстро сделал карьеру в Голливуде и снялся в нескольких успешных картинах. В 1930–1933 годах играл с такими знаменитыми актрисами, как Норма Ширер, Мэрион Дэвис, Энн Хардинг, Жанетт Маршан, Кончита Монтенегро и Мэри Пикфорд, а позднее снялся в роли Эшли Уилкса в «Унесенных ветром».

С трудом верится, что Лесли Говард мог бы сыграть Рика Блейна столь же убедительно, как Богарт. Впрочем, его кандидатура не рассматривалась всерьез. Именно Говард, как старший

товарищ и состоявшийся актер Голливуда, помогал своему давнему другу Богарту добиваться ролей и признания, которых тот, по его мнению, заслуживал. Когда он заподозрил, что Хэл Б. Уоллис, продюсер «Касабланки», сомневается насчет Богарта, то горячо выступил в его защиту и объяснил, что Богарт уникально подходит для этой роли. Так и вышло.

Между Лесли Говардом и «Касабланкой» существует еще одна связь, на этот раз трагическая. Вскоре после выхода фильма Говард прилетел из Великобритании в Лиссабон, чтобы представить картину «История истребителя “Спитфайр”»[11], в которой выступал не только актером, но и режиссером. С этой целью он отправился на предварительный показ в Португалию и между делом посетил Мадрид, где его заметили с Кончитой Монтенегро, партнершей по одному из предыдущих фильмов.

Визит загадочный: Кончита Монтенегро была напрямую связана с генералиссимусом Франко, испанским диктатором, и не исключено, что Говард прилетел с неофициальной диплома-

---

[11] Примечания: 11

«История истребителя “Спитфайр”» (1942 г.) — историческая драма о создании легендарного истребителя, снятая при поддержке Уинстона Черчилля. Съемки велись в районе боевых действий.

тической, а может быть, и разведывательной миссией. Выяснить это уже не представляется возможным, хотя существует немало теорий о том, что он делал в Мадриде, и некоторые полагают, что произошедшее впоследствии объясняется подозрениями в шпионаже.

В Мадриде Говард провел всего два дня, а затем вернулся в Лиссабон и вылетел из аэропорта Портела в Великобританию.

В те времена гражданские самолеты «Британской корпорации трансокеанских воздушных сообщений» (БОАК[12]) летали между Лиссабоном и Великобританией три-четыре раза в неделю. Услугами именно этой авиакомпании воспользовались бы те, кто летел из вымышленной Касабланки: Ильза Лунд и Виктор Лазло, добравшись до Лиссабона, скорее всего, отправились бы в Великобританию, а оттуда в США, и летели бы рейсом БОАК.

На протяжении Второй мировой войны истребители люфтваффе почти никогда всерьез не атаковали эти самолеты, поскольку в них регулярно транспортировали дипломатическую почту и письма военнопленных, как немецких,

---

[12] Примечания: 12
British Overseas Airways Corporation.

так и британских, а кроме того, на борту присутствовали пассажиры — чиновники, журналисты, дипломаты с семьями и прочие гражданские лица. Негласная договоренность о ненападении была выгодна обеим сторонам конфликта. Однако именно в тот день, когда Лесли Говард возвращался в Великобританию, летчики люфтваффе решили напасть. Самолет разбился, и все пассажиры погибли.

Если связывать романтический фильм с суровой военной реальностью, то судьба Лесли Говарда и других пассажиров подчеркивает риск, которому подвергались киногерои.

Прощание Рика с Ильзой в аэропорту Касабланки весьма эмоционально. Хотя оба знают о рисках полетов в военное время, Рик не упоминает об этом ни словом. Проблемы влюбленных совсем иного рода, они неразрешимы и причиняют куда более мучительную боль, чем страх гибели. Слезы, страдание, преданность и надежда в глазах Ингрид Бергман словно намекают, что будущее героев еще не предрешено. Фильм заканчивается, а магия «Касабланки», вечной драмы о бегстве и полете, продолжается.

Джастин Фармер

Художественное приложение «Сандей таймс»,

21 ноября 1982 года

Глава 13

После долгих раздумий, отчего-то волнуясь, Джастин написал Августу Энгелю письмо.

«Уважаемый мистер Энгель!

Ваш адрес мне дала коллега, Андреа Конноли. Насколько я понимаю, она работала с вами как сценарный консультант по приключенческому сериалу “Внутренняя угроза” от студии “Йоркшир ТВ”, для которого вы сняли три серии. В прошлом году сериал вновь показывали по телевизору, и я посмотрел его с большим удовольствием. Мисс Конноли упомянула, что у нас с вами есть общие интересы, и я был бы очень рад их обсудить, хотя, разумеется, пойму, если вы откажетесь.

Я написал и издал несколько книг о кино, а в прошлом году работал над сборником “Богини серебряного экрана” — фотоальбомом молодых голливудских актрис, прославившихся в начале 1930-х. Книга предназначена для массового читателя и вышла накануне рождественских праздников в прошлом году. Мне поручили написать связующий текст и подписи к фотографиям. Поскольку я был наемным работником компании

по подготовке книг, мое имя не упоминается на обложке, и я не имел права голоса при подборе фотографий. Тем не менее подборка получилась отличная, и книга издана качественно. Правда, уже через несколько месяцев она пропала из продажи.

Одна из молодых звезд в этом сборнике — Жанетт Маршан, всегда вызывавшая у меня особый интерес и восхищение. Сейчас я работаю над куда более серьезной и тщательно проработанной книгой, посвященной голливудскому кинематографу накануне введения Кодекса Хейса. В тот период мисс Маршан находилась на пике своей красоты и карьеры, поэтому мне хотелось бы написать о ней как можно более благожелательно и информативно.

Насколько я понимаю, вы тоже питаете особый интерес к карьере мисс Маршан. По словам одной из читательниц журнала "Картинка и звук", вы, возможно, имеете о ней особые сведения или знали ее лично. Позволите ли вы задать вам несколько вопросов при личной встрече?

Надеюсь, эта просьба не доставит вам затруднений. Буду благодарен, если вы найдете минутку, чтобы ответить на мое письмо.

Искренне ваш,

Джастин Фармер»

Связь Джастина с Августом Энгелем была весьма условна, равно как и право причислять Андреа Конноли к коллегам: Джастин услышал о ней от ее подруги Матильды Линден, которую знал немногим лучше.

Матильда была профессиональным биографом и специализировалась на кино. Через несколько дней после выхода интервью с Тедди Смайт в «Обзервере» она написала Джастину и попросила о встрече, поскольку планировала писать о Тедди книгу и хотела узнать подробности их разговора. Имя Джастин знал: Матильда Линден написала книгу о Хьюго Маршале Тернбулле, режиссере «Смерти в Оверни», которую он читал при подготовке биографической статьи о Тедди.

Они встретились за обедом в пабе — ненадолго, потому что у обоих были другие дела. Джастин пересказал все, что знал о Тедди, и описал атмосферу легкой тайны, которой актриса себя окружила. В разговоре всплыло имя Андреа — та работала на студии «Йоркшир ТВ», которая пригласила Тедди Смайт на роль в детском телеспектакле. Позже Джастин узнал, что Андреа работала и с Энгелем. По его просьбе Матильда связалась с подругой и выяснила адрес Энгеля — в

Сент-Олбансе, недалеко от киностудии в Элстри, где снимали телесериал.

Написав письмо, Джастин решил, что перед отправкой стоит позвонить Матильде. Он зачитал письмо, и та ответила:

— По-моему, все нормально. Андреа возражать не будет. В худшем случае он просто откажет. Смело отправляйте!

— Андреа ничего вам о нем не говорила?

— Как-то упоминала, что работает с режиссером, приехавшим в Великобританию из Германии. Наверное, называла имя, но я забыла. Думаю, это и есть Энгель.

Джастин отправил письмо, а потом перезвонил Матильде и сообщил, что на следующей неделе снова будет в Вест-Энде.

— Как насчет выпить или более обстоятельно пообедать вместе?

— Всю следующую неделю меня не будет в городе, — ответила она. — Не думайте, что я пытаюсь от вас отделаться! Давайте через неделю? Я позвоню, когда вернусь.

— Договорились, — откликнулся Джастин, подозревая, что Матильда все-таки хочет от него отделаться.

— Только зовите меня Мэтти, и давайте на

«ты», — предложила она. Возможно, подозрения были напрасны.

Через неделю пришел написанный от руки ответ Августа Энгеля — краткий и по существу, хотя не такой, на какой надеялся Джастин.

«Уважаемый мистер Фармер!

Я уже отошел от дел. Вас может заинтересовать приложенный документ. Это фотокопия — если захотите, можете оставить себе.

Ваш

Август Энгель»

К письму прилагался аккуратно сложенный вчетверо лист бумаги А4. Копию сделали с листа меньшего размера и из-за низкого качества печати бумага выглядела постаревшей. Документ представлял собой письмо от 10 мая 1933 года. Вверху страницы красовалась надпись «Ар-Кей-Оу Радио Пикчерз, Инк.», а рядом знакомый логотип глобуса с мачтой, испускающей радиосигналы.

«Уважаемый мистер Энгель!

От всего сердца благодарю вас за любезное и увлекательное письмо из Манчестера, что в Англии. Я очень счастлива в Калифорнии — спасибо, что интересуетесь! Следующий фильм со мной

под названием “Дьявол требует” выйдет в конце нынешнего года. Я снялась в нем с Адольфом Менжу. Надеюсь, вам понравится.

Искренне ваша, Жанетт Маршан»

Джастин с десяток раз перечитал письмо и долго рассматривал подпись внизу страницы — раньше он никогда не видел подписи Жанетт Маршан.

Две недели спустя от Энгеля пришла еще одна записка:

«Мистер Фармер, в следующий вторник примерно с 12:00 я буду в пабе “Касл энд Кинг” на Уордор-стрит. Если пожелаете встретиться, я с удовольствием отвечу на ваши вопросы о Жанетт Маршан.

Август Энгель»

Глава 14

Небольшой паб находился недалеко от пересечения Уордор-стрит и Оксфорд-стрит. Джастин часто бывал в Сохо на кинопоказах, в том числе в двух кинозалах на Уордор-стрит, тем не менее в этот паб не заходил ни разу.

Он пришел заранее, аккуратно протиснулся мимо посетителей, толпившихся у барной стойки, и заказал пинту биттера. Пока он ждал, сзади кто-то тронул его за локоть. Джастин оглянулся. За ним стоял худой и рослый седовласый мужчина.

— Полагаю, вы мистер Фармер? — спросил тот.

— Да. А вы, стало быть, Август Энгель. — Стиснутый очередью, Джастин все же извернулся, чтобы пожать ему руку. Рукопожатие вышло неожиданно крепким. — Позвольте вас чем-нибудь угостить.

— Холодный крепкий лагер, пожалуйста. Я займу нам место.

Расплатившись, Джастин отнес обе кружки за столик, где еще не убрали посуду и следы разлитого пива после предыдущих посетителей. Энгель уже держал в руках наполовину выпитую

кружку. Они с Джастином выпили и некоторое время молча рассматривали друг друга.

Энгель выглядел здоровым, хотя и старым — лет восьмидесяти на вид. Поредевшие волосы на макушке были слегка зачесаны набок, белая борода тщательно пострижена. Голубые глаза немного слезились. На спинке стула висела трость.

— Спасибо, что согласились встретиться! — сказал Джастин, перекрикивая шум в зале.

— Рад знакомству, — откликнулся Энгель и отпил еще несколько глотков из начатой кружки. — Как поживаете?

— Хорошо, спасибо. Насколько я понимаю, вы сняли несколько фильмов?

— Только один, и увидеть его можно было лишь в Германии. Фильм не лучший — при съемках мы столкнулись с трудностями. В Великобритании и Америке его, насколько я знаю, не показывали. Другое дело телевидение… Впрочем, вы вряд ли знакомы с германским телевидением.

— Увы, нет.

— Вы тоже снимаете фильмы?

— Нет, я критик, обозреватель, историк кино.

— Ах да, вы упоминали, что пишете о Кодексе Хейса. Дело далекого прошлого.

— Кодекс отрицательно влиял на кинематограф

в течение тридцати лет. Многие фильмы из-за него так и не были сняты, многие другие пропали, а остальные оказались загнаны в строгие рамки. Почти все, кто связан с кино, слышали о Кодексе и считают его разновидностью цензуры, только дело обстояло еще хуже.

— И вы написали об этом книгу?

— Я сейчас над ней работаю.

Вновь повисло молчание.

— Вы хотели задать мне несколько вопросов, — наконец проговорил Энгель. — Буду рад ответить по мере сил.

— Списка вопросов у меня нет, — ответил Джастин, чувствуя, что разговор складывается не так, как он ожидал. — Мне хотелось с вами встретиться главным образом из-за Жанетт Маршан.

— Да, конечно. Увлекательная тема для нас обоих. Пожалуй, более интересная, чем Кодекс Хейса.

— Вы прислали мне копию письма, которое она вам написала. С тех пор прошло много лет. Вы тогда ответили, узнали что-нибудь о ней?

— Нет, не ответил.

— Она писала в ответ на ваше письмо?

— Верно. Я был молод, воображал, что влюбился, и написал ей письмо, а она ответила.

— Но ведь этим не кончилось?

— Что?

— Ваше знакомство с Жанетт Маршан.

— Нет, потом я узнал ее ближе. Много лет спустя.

Энгель допил первую кружку и принялся за вторую. Джастин едва отпил от своей.

— Похоже, вы не очень хотите об этом рассказывать — и не обязаны, конечно, — заметил он.

— Вы задаете не те вопросы. Впрочем, как иначе — ведь мы с вами друг о друге ничего не знаем, не считая общего интереса к Жанетт Маршан. Я буду рад поговорить о ней с вами, только наше знакомство — долгая и сложная история. Я ведь немец, как вы знаете, и одновременно британец, о чем вам, вероятно, неизвестно. Я прожил трудную жизнь. Большую часть правления Гитлера провел в Германии, втихую мечтая об Америке, об Англии, о побеге от всего происходящего. Обожал великих американских кинозвезд, таких как Жанетт Маршан, а моя страна затеяла войну, и я очутился в ловушке.

— Вы воевали? Служили в немецкой армии?

— Нет, нет, в этом я не участвовал.

Джастин вспомнил, что Флоренс Роубсон рассказывала об интервью Энгеля по телевизору.

— Насколько я понимаю, вы были знакомы с Лени Рифеншталь?

Энгель взглянул на него с удивлением.

— Да. Мы несколько лет работали вместе. Именно благодаря ей я и попал в кино.

— Она ведь снимала пропагандистские фильмы для Гитлера.

— Так все тогда говорили и до сих пор думают. Однако Рифеншталь не была нацисткой и никогда не состояла в партии. Ее интересовало только кино, и она нашла способ работать в условиях режима.

Джастин промолчал. Энгель бросил взгляд вглубь зала.

— Вы хотите поговорить о Рифеншталь или о Жанетт Маршан? — спросил он.

— Меня интересует кино. И Жанетт, и Рифеншталь были с ним связаны. Существовала ли между ними еще какая-нибудь связь?

— Только я. Одна женщина привела меня к другой — правда, какая к кому, я и сам не понимаю. Все сложно.

У Джастина сложилось впечатление, будто они с Энгелем фехтуют. Тот явно занял оборонительную позицию и чего-то недоговаривал.

— Я расскажу, как все было, — помолчав, про-

говорил Энгель. — Но это долгая история. Вы спешите?

Джастин глянул на часы.

— Меньше чем через час я должен быть на показе недалеко отсюда.

Энгель встал.

— Хорошо. Но сначала особые нужды — подождите немного. — И, опираясь на трость, он нетвердым шагом двинулся к туалету.

Джастин попросил проходившую мимо работницу убрать пустые кружки и вытряхнуть пепельницу, а потом выложил на вытертый стол фотокопию письма, написанного, когда многих из ныне живущих еще не было на свете.

Вернувшись, Энгель отпил из своей кружки и начал рассказ, который обещал привести к истории знакомства с Жанетт Маршан.

Энгель был сиротой. Он родился в 1912-м — в один год с Жанетт Маршан. Его отец, солдат германской армии, участвовал в Первой мировой войне и погиб во Франции в 1916 году, а мать умерла в 1918-м от испанки. Отца Август почти не помнил — тот побывал дома всего один раз, чужак в грязной форме и с перебинтованной головой. А вот мать, Стефани, мальчик помнил очень хорошо.

Других родственников у него не было, поэтому после смерти матери Августа поместили в берлинский детский дом. Из-за огромных потерь Германии в войне детдом был переполнен, и воспитанникам приходилось несладко.

Вскоре после окончания войны, в 1919 году, детский дом посетили представители британской благотворительной организации. Стремясь решить острый социальный кризис, германское правительство позволило семейным парам из других европейских стран усыновлять немецких детей, и Август попал в число избранных. Ему выдали письменные свидетельства об обстоятельствах смерти родителей, однако в семь лет он еще плохо читал и лишь намного позже узнал подробности о своем прошлом.

Тогда он уже жил на севере Англии с новыми родителями — Гарри и Элси Уинсон, чей родной восемнадцатилетний сын Тони погиб в битве на Сомме — той самой, что унесла жизнь отца Августа, хотя это выяснилось не сразу. Уинсоны усыновили Августа и подарили ему безопасный любящий дом. Здесь он взрослел, осваивал английский язык, узнавал свою новую семью, глубину их горя по погибшему сыну и робкую, с каждым днем крепнущую любовь к нему самому.

Они жили в грязном промышленном пригороде на севере Манчестера — в тесном домишке, который снимали у владельца фабрики. Наружные стены почернели от копоти, внутри гуляли сквозняки, ванной комнаты не было, а туалет находился на улице. Элси работала ткачихой на фабрике, Гарри — механиком на железной дороге.

— Полагаю, вы тоже выходец с севера Англии? — заметил Энгель. — Слышу знакомый акцент.

— Да, я родился в окрестностях Манчестера, — признался Джастин с легким смущением. О произношении в его семье не заботились, поэтому после переезда в Лондон он много лет боролся с манчестерским акцентом и воображал, что к нынешнему времени полностью от него избавился. — Мы жили на юге, на окраине Чешира, в Филд-Грин.

— А, слышал-слышал. Говорят, воздух там чистый и аэропорт недалеко.

— Да, основная воздушная трасса пролегает прямо над деревней.

— Этот район Манчестера мне был тогда незнаком.

На отложенные карманные деньги Август ку-

пил простую ручную фотокамеру и научился хорошо снимать. К двенадцати годам он считал себя в большей степени британцем, чем немцем, и все же внимательно следил за тем, что творилось в Германии после прихода Гитлера к власти. Тогда ему попалась газетная статья о том, что кинорежиссер Лени Рифеншталь собирается снимать фильм об Олимпийских играх 1936 года в Берлине и хочет привлечь к этому грандиозному проекту кинотехников со всего мира. Она приглашает желающих в Германию работать под своим началом и планирует организовать академию для начинающих кинорежиссеров, которые будут стажироваться на съемках фильма.

Хотя Август раньше не слышал о Рифеншталь, он тут же написал по указанному адресу, приложив примеры своих фотографий. Вскоре из Берлина сообщили, что он принят в академию, получит компенсацию проезда и небольшую стипендию. Так Август вернулся в Германию.

— Но вы ведь наверняка понимали, что будете работать на Гитлера, — заметил Джастин.

— Лени Рифеншталь занимала в нацистской иерархии особое положение, — негромко ответил Энгель, наклоняясь поближе. — О таком нелегко рассказывать даже сегодня. Теперь я

понимаю, какую репутацию она имела здесь и в США, а тогда ничего не знал. Для меня она была человеком, планирующим снимать большое кино. Рифеншталь приходилось демонстрировать лояльность к нацистам. Они финансировали проект, но в дело не вмешивались. Гитлеру она нравилась. Впрочем, об этом мы с ней не разговаривали.

Августу пришлось устроиться на работу в Имперскую палату кинематографии под началом Йозефа Геббельса.

— В те времена в Германии ничего не делалось без участия нацистской партии, и Рифеншталь убеждала всех, кто с ней работал, воспринимать это как досадную формальность, — объяснил он, пожав плечами.

— Значит, вы работали на Геббельса?

— В те времена все было иначе — я не считал это работой на Геббельса. Меня, как и Рифеншталь, захватило стремление делать большое кино.

За разговором они допили пиво, и Энгель хотел встать, чтобы заказать еще, но Джастин его опередил. Вернувшись, он сказал:

— Олимпийские игры проходили в 1936 году. А когда вы присоединились к Рифеншталь?

— В начале 1935-го.

— После окончания Олимпиады вы уехали?

— Нет, остался.

— На всю войну?

— Нет, до 1939 года. Уехал незадолго до того, как Великобритания объявила Германии войну. Слушайте дальше.

Август осиротел во второй раз, когда умерла сначала Элси, а потом и Гарри. Оба страдали хроническими заболеваниями из-за тяжелых условий труда и загрязнения воздуха. Сам Август тоже болел астмой, сопровождавшей его на протяжении всей жизни. После смерти приемных родителей его ничто не связывало с Англией. Из дома его выселили, политикой он не интересовался — все мысли занимали фотография и кино. Поэтому, когда через месяц после похорон отца пришло приглашение от Рифеншталь, он отправился в Германию не задумываясь.

С самого начала Рифеншталь ставила перед своими молодыми учениками сложные задачи. Они учились на самом современном оборудовании с объективами и пленкой высочайшего немецкого и швейцарского качества. Олимпийские игры задавали жесткие временны́е рамки, и сразу после прибытия Август погрузился в напряженную работу. Благодаря знанию немецкого он имел

некоторое преимущество перед другими иностранными учениками, и все же большинство из них были намного опытнее. Август осваивал технику работы с камерой, сначала как ассистент оператора по фокусу, потом выучился на оператора, узнал о тонкостях работы с освещением и звуком, а позже заинтересовался монтажом.

Ближе к Олимпиаде Рифеншталь разделила волонтеров на двенадцать команд, каждой из которых поручила снимать определенные мероприятия. Она разработала множество технических инноваций: подводную и замедленную съемку для соревнований по плаванию, операторские ямы вдоль беговых маршрутов.

— Вы видели фильм? — спросил Энгель.

— Я видел все фильмы Рифеншталь — в прошлом году их показывали в НКТ.

— Вам, похоже, не особенно понравилось?

— Да.

Джастин тогда решил обязательно посмотреть фильмы, промучился целый день и вышел из кинозала совершенно опустошенным.

— С технической точки зрения «Олимпия» — блестящий фильм, — заметил Энгель.

— Согласен, — откликнулся Джастин, а про себя добавил: «Только не в этом суть». Тем не менее

он не чувствовал себя вправе осуждать Энгеля, особенно после того, как сам к нему обратился. — Сотни представителей немецкого кинематографа бежали от Гитлера в Голливуд, а обычных людей еще больше. Разве Рифеншталь не понимала, что ее будут считать сторонницей нацистов?

— Сомневаюсь, — покачал головой Энгель. — По крайней мере, не тогда. Хотя лично мне после окончания Олимпиады не терпелось уехать. До нас доходили слухи о людях, которым удалось бежать во Францию, Америку или Великобританию, но для этого требовалась помощь извне. Нацисты не разрешали ничего вывезти из страны — ни денег, ни ценностей, которые можно было бы продать.

— Что же вы делали?

— Сам я ничего поделать не мог. Мне помогла Рифеншталь.

Объяснить подробнее Энгель не захотел, сказав лишь, что в конце концов у него не осталось иного выбора, кроме как вернуться в Великобританию, где его арестовали прямо в Дувре. Несколько дней он провел под замком в служебном здании, а потом его перевезли на остров Мэн, где он оставался до конца войны вместе с сотнями других немцев.

— Вы собирались рассказать, как познакомились с Жанетт, — напомнил Джастин, желая уйти от разговора о нацистах и Лени Рифеншталь.

— Я хорошо ее знал.

— Вы уже говорили.

— Это правда — мне довелось близко с ней познакомиться.

— Насколько близко?

— Дело было давно — вспоминать уже не больно, да и секрета тут нет: я был в нее влюблен и жил в ее доме. Хотя мы провели вместе немного времени, всего два или три месяца, для меня это важные отношения, перевернувшие мою жизнь.

— И вы были с ней в 1949 году, когда она отправилась в Великобританию?

— Да.

— Вы летели вместе с ней?

— Да.

— Но высадились в Ирландии.

— Нет. Самолет не садился в Ирландии — его перенаправили в Прествик, в Шотландию. Там я и сошел.

— А в «Пан-Американ» мне сообщили другое, — возразил Джастин. — По их словам, посадка была в Шанноне.

— Вы даже обращались в «Пан-Ам»? — поразил-

ся Энгель. — Вижу, вы серьезно заинтересованы.

— Я пытался понять, что произошло с Жанетт Маршан после этого полета. Именно в «Пан-Ам» меня навели на вас. У них есть данные о каждом рейсе, я видел расписание, а одна из бортпроводниц сообщила мне, что в самолете находился еще один пассажир первого класса, который затем высадился в Шанноне. Она работала на том рейсе и помнила Жанетт. Значит, с ней летели именно вы?

— Да, но высадился я в Шотландии. Те, кто сказали вам про Ирландию, просто перепутали. Может, и другие подробности тоже. А потом эти же люди утверждали, будто видели, как Жанетт сошла с самолета. Вы им верите?

— По-вашему, они этого не видели?

— Не берусь обвинять их во лжи, и все же я не верю их словам. Человек не может просто взять и исчезнуть. С их показаниями что-то не так.

— А зачем им лгать?

— Может быть, они просто ошиблись.

— Я видел расписание рейсов «Пан-Ам». Документально засвидетельствовано, что самолет приземлился в Ирландии.

— По плану самолет действительно должен был там сесть для дозаправки, но из-за плохой

погоды его в последнюю минуту перенаправили. Ситуация была не чрезвычайная, и все же мы не долетели бы до Лондона без дозаправки, как объяснил нам капитан. Я совершенно точно сошел с самолета в Шотландии и своими глазами видел, как он вылетел в Лондон.

— Хорошо, но почему же вы сошли?

— Так захотела Жанетт.

— Вы помните почему?

— Смутно, — покачал головой Энгель. — Слишком много воды утекло. У Жанетт были личные проблемы, и, хотя я ее обожал, находиться рядом порой было нелегко. В первую очередь из-за этих проблем она и решила лететь в Англию.

— Что за проблемы?

— Не могу сказать точно. Поймите, Жанетт мне далеко не все рассказывала. Думаю, хотя бы недолго она действительно меня ценила, однако годы в киноиндустрии научили ее никому не доверять. Естественно, была проблема с ее бывшим мужем, бейсболистом, который после развода счел себя обманутым и пытался отсудить у нее большие деньги. Но я знаю, что имелись и другие причины, о которых она никому не рассказывала. Как-то раз ее домработница упомянула о девочке по имени Наташа, которая умерла, а Жанетт

мне об этом никогда не говорила. Она заявила, что хочет прибыть в Лондон одна, и велела мне прилететь два дня спустя. Назвала отель, в котором забронировала номер, и пообещала, что мы встретимся там.

— И вы согласились?

— После ссоры. Обычно я во всем с ней соглашался, понимая, что спорить бессмысленно, если Жанетт уже решила.

— После того как вы сошли с самолета, вы больше ее не видели?

— Никогда.

— Знаете ли вы, что с ней произошло после посадки в Лондоне?

— Нет.

— Она еще жива?

— Не знаю. Надеюсь. Как только я не пробовал ее отыскать! Но она будто сквозь землю провалилась — вы и сами знаете.

— У вас есть предположения, что с ней стало?

— Что угодно! Полвека прошло, она моя ровесница, а мне уже за восемьдесят, так что подумайте сами. Все что угодно могло случиться. Хочу верить, что она жива, и желаю ей счастья. Я много времени потратил на поиски, расспрашивал людей, которые могли знать, куда она пошла, только

так и не сумел найти ни одной зацепки. Не нашла ее ни полиция, ни частный детектив, посланный лос-анджелесской студией. Много месяцев я был одержим желанием разыскать Жанетт, однако в конце концов принял решение жить дальше.

Когда Энгель прилетел в Лондон, ни в отеле, ни в аэропорту, ни в авиакомпании, ни в полиции ему не могли ответить, где Жанетт. Вскоре он осознал, что без ее финансовой поддержки не выживет, и попытался найти работу в Лондоне, однако в послевоенные годы в Великобритании всем пришлось затянуть пояса. В конце концов примерно два года спустя после приезда Энгель вернулся в Германию, чтобы найти там работу кинотехником.

— Расскажите мне о Жанетт, — попросил Джастин. — Как вы вообще с ней познакомились? Вы говорили, что после расставания с Рифеншталь очутились в Великобритании.

— Меня арестовали и поместили в лагерь для интернированных немцев в Дугласе на острове Мэн. Там я провел всю войну. После освобождения податься было некуда. Мне выдали британский паспорт, однако мои приемные родители умерли, а других родственников в Великобритании или Германии я не имел. Нам дали немного де-

нег в компенсацию за задержание, и я решил потратить их на билет до США. Рифеншталь предупреждала, что немцу не найти работы в Голливуде, однако война закончилась, и я надеялся, что в Америке у меня будет больше шансов. Разумеется, я ошибался.

Все деньги ушли на билет, поэтому в Нью-Йорке, чтобы выжить, Энгель брался за любую работу — дворником, водителем уборочной техники, маляром, а в первую, страшно холодную зиму торговал на улице бургерами и хот-догами. Жил он в хостеле Молодежной христианской организации. Следующей весной Энгель отправился на запад, в каждом новом городе находил временную работу, а через некоторое время двигался дальше. К лету 1948 года наконец добрался до Лос-Анджелеса и устроился работником в бургерную. Мало кто из коллег знал, откуда он, а те, кто знал, ни о чем не расспрашивали. Большинство из них тоже мечтали добиться успеха в Голливуде — актерами, каскадерами, сценаристами или певцами.

У Энгеля, в отличие от многих, имелись практические навыки — Рифеншталь выучила его на кинематографиста и монтажера. Он зарегистрировался в нескольких агентствах, которые предлагали киностудиям технических работни-

ков, и побывал на нескольких собеседованиях — безрезультатно. То работа была неподходящая, то — чаще — он не подходил. Энгель представлялся британцем, и у него был британский паспорт, однако немецкое имя и прочие документы выдавали истинное происхождение.

В конце концов он устроился водителем в частную компанию, которая предоставляла лимузины напрокат крупным голливудским киностудиям. Униформу пришлось покупать за свой счет, зато платили лучше, чем в бургерной. В первые дни Энгеля сопровождал один из опытных водителей, который проинструктировал его насчет протоколов и предупредил, что заговаривать с клиентами строго запрещено, если они сами не начнут разговор. Пользоваться голосовой связью с пассажирским салоном разрешалось только в ответ на вызов клиента. Старший коллега объяснил, за какие проступки могут уволить, предупредил, что чаевых не полагается, и посоветовал не рассчитывать на знакомство со звездами: от водителя требуется лишь молча везти клиента до пункта назначения.

Они вместе проехались самыми частыми маршрутами, водитель показал Энгелю короткие пути, дал адреса модных ресторанов, баров и

клубов, объяснил, как въезжать на территорию киностудий и еще раз предупредил: одна жалоба от клиента — и его тут же уволят: в этом городе звезды Голливуда решают все.

Предоставленный сам себе, Энгель освоился быстро. Конечно, без ошибок не обошлось, дважды он на несколько минут опоздал, тем не менее уже вскоре был на хорошем счету. В каждой машине имелась большая карта города, на которой предыдущие водители отмечали адреса, куда чаще всего ездят клиенты. Иногда на картах были подписаны карандашом имена знаменитостей.

Большинству клиентов было безразлично, как Энгель ведет и каким путем едет. С ним не заговаривали, и чаще всего он даже не видел их лиц. Они выходили из дома, со студии или из ночного клуба в большой шляпе или шарфе, закрывающем половину лица, и обязательно в темных очках, даже ночью. Как только Энгель открывал дверь, они проскальзывали внутрь, а у него не было даже зеркала заднего вида, и приходилось ориентироваться по боковым зеркалам. Оглядываться запрещалось. По прибытии клиент или клиентка быстро выходили из машины и спешили внутрь, часто в сопровождении личной охраны или работников студии.

В большинстве случаев Энгель не знал, кого везет, и возможность развозить по домам неизвестных кинозвезд скоро перестала казаться волнующей.

Как-то днем его отправили за клиентом по незнакомому адресу в бедном районе Лос-Анджелеса. Он припарковался на улице у большого здания, и вокруг сияющего лимузина сразу собралась толпа любопытных детишек.

На карте не было подписано название места назначения, а теперь Энгель увидел, что это детский дом — довольно мрачный, несмотря на яркие картинки на окнах. Примерно через пятнадцать минут из дома вышла невысокая стройная женщина с конским хвостом, в неприметельном повседневном платье и больших солнечных очках. Догадавшись, что это клиентка, Энгель поспешил открыть пассажирскую дверцу. Женщина, даже не взглянув на него, молча скользнула внутрь, и они поехали.

Время от времени он украдкой сверялся с картой, на которой был обведен кружком нужный адрес. Рядом виднелись карандашные подписи, и на светофоре Энгель поднес карту к глазам. Каково же было его изумление, когда он прочел фамилии «Макферсон» и… «Маршан»!

Он сразу понял, кто его пассажирка.

— Я уже давно не вспоминал о Жанетт Маршан и все же хранил ее письмо, — признался Энгель. — Оно было при мне в Германии, потом в лагере, а теперь в США. Я почти не помнил его содержания и все же везде возил с собой. В юности, в Англии, оно значило для меня очень много и теперь напоминало о тех временах, когда я очутился сиротой в чужой стране, в семье добрых незнакомцев. К большинству голливудских звезд я был равнодушен, но Жанетт — другое дело.

— Когда это было? Вы приехали в Лос-Анджелес в 1948 году? — спросил Джастин, припоминая, в каких фильмах Маршан тогда снималась. — Она играла в паре сериалов студии «Репаблик», верно?

— Один для «Репаблик», другой для «Ар-Кей-Оу», — поправил Энгель. — Жанетт сама мне потом рассказала.

— Значит, она уже не была большой звездой.

— Жанетт всегда оставалась звездой, — возразил Энгель. — В журналах описывали каждый ее шаг. Просто она старалась жить как можно более закрыто, поэтому шумихи вокруг нее было меньше, чем вокруг многих других звезд, а студии больше не снимали романтических комедий, на

которых она сделала себе имя.

— Она стала приглашенной актрисой — так называют известных актеров, которые по-прежнему знамениты, но уже не делают большую кассу, — пояснил Джастин.

До места назначения оставалось меньше двух километров, и Энгель почти не разбирал дороги. Жанетт Маршан в его машине! В полуметре от него! Самая любимая его звезда!

Они поднялись на холм, свернули на подъездную дорожку и остановились у глухих железных ворот. Энгель уже потянулся за трубкой внутренней связи, когда ворота медленно отворились, и он поехал извилистой дорожкой между деревьями. Ворота захлопнулись, впереди показался большой особняк.

Остановившись у крыльца, Энгель взял в руки трубку. Говорить с клиентом строго-настрого запрещалось под страхом немедленного увольнения, и все же он не мог упустить шанс — быть может, единственный! — обменяться хоть парой слов с женщиной, которая, сама того не зная, пробудила в нем страсть к кино.

Однако трубка неожиданно сама ожила у него в руках.

— Водитель, посмотрите на меня. Я хочу вас

видеть, — донесся до него приглушенный голос.

Энгель неловко повернулся на тесном сиденье, не выпуская трубку из рук. Жанетт Маршан забилась в уголок на просторном пассажирском сиденье. Волосы рассыпались по щекам, очки она сняла, и Энгель увидел потеки туши на ее щеках. Жанетт выглядела маленькой, беспомощной и напуганной.

— Вы когда-нибудь меня уже подвозили? — спросила она, пристально глядя на Энгеля.

— Нет, мэм, я новенький…

— Никому не рассказывайте, что видели!

Он видел перед собой всего лишь несчастную уязвимую женщину.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Она открыла рот, оборвала себя на полуслове и отвернулась, потом проговорила:

— Подождите, пожалуйста, несколько минут. Я не могу вернуться домой в таком виде.

Жанетт достала из сумочки ручное зеркальце и, послюнявив платок, принялась оттирать глаза и щеки, поначалу размазывая тушь еще больше. Дверь особняка тем временем отворилась, и на пороге появился крупный мускулистый мужчина в черных брюках и белой рубашке. Он уставился на машину.

— Мне поговорить с тем человеком?

— Нет! Это Энрико, мой охранник. Просто подождите. Не заставляйте меня выходить! — испуганно воскликнула Жанетт.

Энгель терялся в догадках.

— Мэм, то место, откуда я вас забрал, — это… детдом? — спросил он, споткнувшись на жестоком слове.

Жанетт разрыдалась так горько, что слышно было даже сквозь разделявшее их стекло.

Энгель закусил губу и отвел глаза. В мыслях всплыла вывеска заведения: «Детский дом Святой Анны». Он поставил машину на ручник и заглушил мотор.

— Мэм, не знаю, станет ли вам легче, но в шесть лет я потерял обоих родителей и попал в детский дом, — проговорил он.

В салоне повисла тишина, а потом в трубке прозвучал слабый голос:

— Простите, что вы сказали?

— Я хотел сказать, что отчасти понимаю ваши чувства. Я сам был сиротой и жил в таком месте.

Жанетт выпрямилась, откашлялась, и голос в трубке зазвучал громче:

— Вы говорите с акцентом. Вы британец?

— В общем да.

— Мне нравится британский акцент. Всю жизнь мечтала побывать в Лондоне, там показывают мои фильмы. Вы выросли в Англии?

— Я родился в Германии, а потом меня усыновила английская семья.

— Давайте выйдем из машины, я хочу как следует вас рассмотреть.

Она завязала волосы лентой, надела солнечные очки и открыла дверцу. Энгель тоже вышел из машины. Завидев его, Энрико сделал шаг вперед, готовый вмешаться, но Жанетт махнула ему рукой. Тот кивнул, вернулся в дом и закрыл за собой дверь. Мгновение спустя дверь вновь отворилась, и навстречу хозяйке выбежали два веселых щенка лабрадора. Она наклонилась их погладить, и собаки отчаянно завиляли хвостами.

— Что ж, дайте я на вас посмотрю. — Жанетт сняла очки, и в ярких лучах солнца глазам Энгеля предстало красивое, почти без следов слез, лицо, о котором он столько мечтал. — Вы говорили, как вас зовут?

— Нет. Я Август, мисс Маршан, Август Энгель.

— Это что, британское имя?

— Мне дали его в Германии при рождении, но вырос я в Англии и оттуда приехал.

— И давно ли вы в США?

Жанетт оказалась меньше и стройнее, чем представлял Энгель, а вот лицо было точно такое, каким он помнил, — с большими глазами, высоким лбом и идеально очерченными губами, уголки которых в покое слегка опускались. Без макияжа она выглядела более зрелой и все же потрясающе красивой. Когда Жанетт говорила — с характерным для нее суховатым остроумием и легкой ехидцей, — ее черты оживлялись и один уголок рта полз вниз. Именно эта манера речи придавала живости персонажам, которых она играла.

От ее близости у Энгеля перехватило дыхание и кровь прилила к лицу. Жанетт была одета обыкновенно — в таком виде женщины ходили по магазинам, гуляли с собаками, обедали в кафе. Однако под заурядным нарядом скрывалась далеко не заурядная личность.

— На следующий день меня уволили. Жанетт обратилась к руководству с просьбой назначить меня ее постоянным шофером, и на том моя работа закончилась, — объяснил Энгель. — Я знал, что так будет, и потому не возражал. Она ошибочно считала себя клиенткой, а на самом деле клиентами являлись студии, которые нанимали и оплачивали лимузины. Актеры порой об этом

забывали, хотя Жанетт вовсе не страдала звездной болезнью, несмотря на свою известность. Позже, когда мы познакомились ближе, она сама говорила, что больше не звезда и смирилась с этим. Когда мы встретились, ей было за тридцать, и она прекрасно сознавала, что подросло новое поколение молодых актрис, к которым уходят роли, до войны доставававшиеся ей. При мне она снималась в сериале для студии «Репаблик» под названием «Ракетчики атакуют!», где играла девушку, вечно нуждающуюся в спасении. Жанетт трезво оценивала свои возможности. Хотя в Голливуде тогда экономили, она прилично зарабатывала. Не всем актерам это удавалось.

— Что произошло после того, как вас уволили? — спросил Джастин.

— Жанетт предложила мне работу. Привела в порядок пылившийся в гараже автомобиль, я нацепил шоферскую кепку и стал ее возить. Жил в гостевом доме на территории особняка. Некоторое время просто водил машину, но чувствовал, что этим не ограничится. Она страдала от тревоги и одиночества, а я, хотя ничего собой не представлял, был молод и симпатичен. Думаю, ей нравилось проводить время с человеком, который не имел на нее никакого влияния, ничего не

требовал и готов был ради нее на все. Скоро мы стали близки. Я жил лишь ради ночей, которые мы проводили вместе, а наутро снова превращался в шофера. Другие работники понимали, что происходит, и затаили на меня злобу.

— Моя юношеская очарованность кинозвездой прошла — я перестал быть ее поклонником едва ли не с первого же дня, — продолжал Энгель. — Мои чувства изменились — а как иначе, если мы стали любовниками? Я обожал в Жанетт успешность и славу, но кроме того, она мне нравилась по-человечески, я восхищался ею и скоро влюбился по уши. Месяц или два мы были блаженно счастливы вместе. Я ушел в отношения с головой и не считал дней — знаю лишь, что роман вышел бурный и краткий. Потом все изменилось. Однажды на студию пришел человек в деловом костюме, представлявший лондонскую кинокомпанию, у которой был контракт на распространение с «Ар-Кей-Оу».

— Вы не помните, как его звали? — спросил Джастин. — Я могу поискать информацию.

— Нет, слишком давно это было. Да и неважно — не в нем дело. Он рассказал, что британское правительство на протяжении войны делало пропагандистское кино, а теперь та же команда

снимает полнометражные фильмы и зовет в Лондон американских актеров. Американцы в те времена считались залогом кассового успеха. Им обычно давали главные роли, хотя зарплата была меньше голливудской — по крайней мере, поначалу. Жанетт заявила, что деньги ее не волнуют и она хочет попробовать.

— Думаете, именно поэтому она засобиралась в Лондон?

— Знаю только, что побег в Англию виделся ей решением всех проблем. Жанетт отчаянно хотела начать жизнь с чистого листа. Ее тревожила меркнущая слава в Голливуде и конкуренция со стороны молодых актрис, а второй муж, Стэн Макферсон, после развода преследовал ее в суде. Мысль поработать в Великобритании возникла случайно. Как и многие в Голливуде, Жанетт, скорее всего, не задумывалась о том, что где-то еще в этом мире снимают кино. Тем не менее это дало ей толчок.

К тому времени Энгель уже знал много неприглядного о Макферсоне, звездном питчере Главной лиги бейсбола. В 1947 году тот являлся, пожалуй, даже большей знаменитостью, чем Жанетт. Имя звездного игрока «Лос-Анджелес Доджерс», который два сезона подряд добивался

лучших страйк-аутов, было у всех на устах. Увы, в свободное от игры время он много пил, употреблял наркотики и безжалостно манипулировал Жанетт. Во время их недолгого брака Макферсон сделался главой семьи и постоянно высмеивал и унижал Жанетт перед ее друзьями и коллегами — попрекал недостаточной заботой о внешности, дразнил за незначительные роли и, самое главное, обвинял в том, что она плохая жена и мать. Наверняка и бил не раз, хотя в этом она Энгелю не призналась.

Брак развалился стремительно, как и многие другие звездные союзы Голливуда. В 1948 году, после восемнадцати месяцев ада, Жанетт наняла дорогого адвоката и развелась с Макферсоном. Теперь оскорбленный бейсболист требовал денег, которые она ему якобы задолжала.

Издевательства Макферсона по поводу ее первого брака разбудили в Жанетт давнее чувство глубокой вины, в особенности по поводу смерти дочери, подробностей о которой Энгель не знал. Она искренне любила первого мужа, Роя, но, когда ее карьера пошла на взлет, дни его славы, напротив, миновали, и Жанетт не догадывалась, насколько сильно это его подкосило. Рой стал пить, играть в азартные игры, почти не работал

и в 1933 году покончил с собой, пока Жанетт без конца пропадала на съемках по контракту. Чтобы справиться с горем, она ушла в работу с головой.

Поскольку в отношении Жанетт действовали ограничительные распоряжения суда, уезжать из Америки пришлось тайком, и это оказалось непросто. В одном из фанатских журналов появился «эксклюзивный материал» о том, что с Жанетт живет неизвестный мужчина, по слухам — актер Дерк Холлидей. Тот снимался с ней в двух фильмах, и слухи об их романе ходили уже не один год, хотя Жанетт настаивала, что в них нет ни грамма правды, и Энгель ей верил: пока они были вместе, она никак не пересекалась с Холлидеем.

Решив бежать в Англию, Жанетт уехала из дома как обычно, предупредив домашний персонал, что вернется через одну-две недели. До аэропорта она добиралась на такси, а Энгель — на ее машине с огромным багажом. В аэропорту Лос-Анджелеса их никто не заметил. Они взяли билеты на ночной рейс «Пан-Американ» в Нью-Йорк, Ла-Гуардия, с поздней посадкой и ранним прибытием, а журналисты и актеры обычно избегали таких рейсов. Летели первым классом, но, по настоянию Жанетт, на разных местах. Энгель

сидел позади и почти весь полет проспал.

— Когда вы прилетели в Нью-Йорк, что-нибудь произошло? — спросил Джастин.

— Например, что?

— Что-то, из-за чего она исчезла в Лондоне. Ваши планы никак не изменились? Рейса в Лондон пришлось ждать несколько часов. Вы провели это время в аэропорту?

— В отеле. Жанетт предпочитала держаться подальше от аэропорта на случай, если там дежурят журналисты.

— А они там были — я видел газетные вырезки с описанием вашего вылета.

— Мы где-то перекусили и все время ждали в отеле, пока из «Пан-Американ» не сообщили, что посадка начнется через полчаса. Тогда мы порознь вернулись в аэропорт.

— В самолете были другие пассажиры?

— Нет, в первом классе мы находились одни. Жанетт хотела, чтобы я сидел отдельно, но одна из бортпроводниц сообщила, что других пассажиров в первом классе не будет, поэтому я занял место рядом. Жанетт была напряжена и не желала разговаривать.

— Она боялась лететь?

— Не знаю. Она не отвечала на мои расспросы, и

через некоторое время я пересел на другое место.

Помолчав, Энгель признался:

— Долгое время я винил себя в том, что произошло в Лондоне, считал, что подвел ее. Думал, что несу ответственность — ведь она полностью на меня положилась. Я мог бы сделать для нее гораздо больше, да только влюбленный мужчина верит, что любовь — ответ на все вопросы. Я ошибался. После исчезновения Жанетт я много лет мучился виной и даже сейчас думаю о том, что мог бы сделать и не сделал. Для нее я стал еще одной проблемой, а вовсе не решением, как тогда воображал. Сидя у нее за спиной на протяжении мучительно долгого перелета через Атлантику, я догадывался, что ее лучше оставить в покое. Когда самолет сел в Шотландии, стало понятно, что Жанетт считает меня очередной проблемой, причем такой, которую легко решить. Она меня бросила. Долго я не хотел этого понимать, а когда осознал, было больно. Прошло полвека, я уже не надеюсь с ней увидеться, и все же она много для меня значит.

Глава 15

Выдержка из книги Джастина Фармера «Конец творческой свободы. Кодекс Хейса, 1930–1934 годы»

Глава 2. Фэй Рэй и «Кинг-Конг»

В мутных водах кинематографа, забурливших после принятия Кодекса Хейса, зародился один из самых примечательных фильмов эпохи — «Кинг-Конг». Эта революционная инновационная лента хорошо иллюстрирует требования Кодекса и то, как их обходили или игнорировали. Именно она стала одной из причин, по которым в 1934 году Кодекс ужесточили и строго следили за его соблюдением вплоть до конца 1960-х.

«Кинг-Конг» — самый дорогой на тот момент фильм «Ар-Кей-Оу Радио Пикчерз», тогда самой маленькой из голливудских киностудий. Съемки обошлись в полмиллиона долларов. Сразу же после выхода картина немедленно сделалась хитом и принесла студии огромную прибыль, став первым голливудским фильмом, выпущенным в повторный прокат. За этим последовали десятки сиквелов, в том числе косвенных, а ги-

гантская горилла по имени Конг стала культовым персонажем, породив бесконечное множество подражаний, пародий, спин-оффов, книг и комиксов.

Для Кодекса Хейса фильм стал настоящим испытанием.

Особое влияние «Кинг-Конга» объясняется тремя факторами: образом и личностью Фэй Рэй, обстоятельствами написания сценария, экономическим, социальным и моральным климатом, в котором снимался и продвигался фильм.

Фэй Рэй (полное имя Вина Фэй Рэй), главная звезда «Кинг-Конга», очутилась в Калифорнии в 1919 году еще ребенком. Родилась она в 1907 году в канадской провинции Альберта, а потом отец перевез семью в США в поисках работы, обосновавшись сначала в Аризоне, затем в Солт-Лейк-Сити. Школьницей Фэй начала работать в Голливуде и к девятнадцати годам снялась более чем в двадцати комедийных короткометражках — в эпизодических ролях и массовке.

В 1926 году она добилась полугодового контракта со студией Хэла Роуча, просто явившись к нему в офис с просьбой о работе. Нахальство молодой актрисы скорее позабавило, чем разозлило Роуча, и он взял ее в серию короткометражных коме-

дийных вестернов. За время работы с Роучем Фэй Рэй довела до совершенства воплощение героини, вечно нуждающейся в спасении, что в эпоху немого кино неизбежно становилось амплуа многих молодых актрис. По меньшей мере в двух фильмах с ее участием сценаристом и режиссером был молодой, никому тогда не известный Стэн Лорел.

Прорыв в карьере Фэй Рэй произошел, когда Эрих фон Штрогейм, режиссер немецкого происхождения, заметил ее и пригласил на главную роль в серьезную драму «Свадебный марш» — одну из последних знаковых лент немого кино. Рэй было всего девятнадцать лет. Штрогейм тогда провидчески сказал: «В Фэй есть не только одухотворенность, но и истинная сексуальная привлекательность, очаровывающая мужчин».

«Свадебный марш» вышел в 1928 году. Главную мужскую роль — австрийского князя — исполнил сам Штрогейм, а Фэй играла Мици, хромую венскую арфистку, влюбленную в князя. Тот отвечает ей взаимностью, однако Мици заставляют выйти замуж за богатого развратного мясника, который обращается с ней очень жестоко. Вечная история «красавицы и чудовища» во все времена пользовалась популярностью в Голливуде, и в

«Свадебном марше» Фэй Рэй впервые вступила в эти воды. О фильме можно было бы даже не упоминать, если бы потом она не снялась в «Кинг-Конге».

Рэй — одна из немногих актрис немого кино, которой удалось перешагнуть в новую звуковую эру не просто благополучно, а с блеском. Яркая особенность «Кинг-Конга» — оглушительные вопли главной героини. Фэй Рэй снялась в целом ряде острых триллеров (термина «фильм ужасов» тогда еще не существовало), так что имела массу возможностей отработать отчаянные крики беззащитной девушки в беде. По меньшей мере два из этих триллеров появились до выхода «Кинг-Конга» — «Доктор Икс» Майкла Кертица и «Самая опасная игра» Эрнеста Б. Шодсака, оба в 1932 году. В «Опасной игре» Фэй Рэй и ее партнер Джоэл Маккри спасаются от преследователей в джунглях, и те же декорации использовались для похожих сцен в «Кинг-Конге».

Рэй быстро сделалась одной из самых востребованных голливудских актрис: за три года, предшествовавших выходу «Кинг-Конга», она снялась в двадцати пяти фильмах, и везде — в главных ролях. С таким багажом она подошла к своей самой знаменитой картине.

Рэй стала звездой, слыла красавицей и отлично зарекомендовала себя в амплуа девушки, нуждающейся в спасении. В конце концов ее заметил кинорежиссер Мэриан К. Купер и заявил, как потом многократно цитировалось в различных источниках, что хочет снять ее в паре с «самым высоким и мрачным героем Голливуда». Рэй подумала, что речь идет о Кларке Гейбле или набиравшем тогда популярность Кэри Гранте, а Купер, конечно же, имел в виду сорокапятисантиметровую модель гигантской гориллы из стали, резины, хлопка и кроличьего меха. Что сказала актриса, когда увидела «высокого и мрачного героя» в реальности, история умалчивает, хотя есть все основания подозревать, что поначалу она была разочарована.

Фэй Рэй не могла предвидеть, как органично на ее актерский опыт ляжет образ Энн Дэрроу, жертвы зверской любви Конга. На роль рассматривались и другие актрисы; одних сочли неподходящими, другие отказались сами. В их числе — Джин Харлоу, Жанетт Маршан, Фрэнсис Ли, Джинджер Роджерс и Дороти Джордан.

Главным сценаристом «Кинг-Конга» считается Эдгар Уоллес, плодовитый британский сочинитель триллеров, которого продюсеры наняли,

чтобы поднять престиж проекта. Однако Уоллес умер через несколько дней после начала работы, и каков его вклад в окончательный вариант сценария, неизвестно — со всей вероятностью, нулевой. Изменилось даже название — Уоллес начинал писать для фильма «Зверь».

С самого начала проект был детищем Купера, одного из двух режиссеров (вторым стал Эрнест Шодсак). Изначально Купер планировал использовать отретушированные кадры с реальными животными, но, увидев покадровую анимацию Уиллиса О'Брайена, понял, что такая техника куда больше подходит для его задумки. К работе привлекли еще одного сценариста — Рут Роуз, жену Шодсака, и именно ее текст лег в основу фильма.

В тот период Голливуд переходил с немного кино на звуковое, а над страной сгущались тучи Великой депрессии. В 1932 году, когда велась сценарная работа над «Кинг-Конгом», необходимость снять кассовый фильм имела решающее значение.

Голливудские картины той поры, естественно, не идут ни в какое сравнение с современными. Хотя в те времена уже существовал институт звезд и на многие фильмы выделялись огромные

бюджеты, сценарии оставались весьма консервативными. Многие сценаристы, выросшие на шаблонных рассказах для бульварных журналов, в поисках творческого роста ехали в Голливуд — работать в тесных офисах киностудий. Задачи спускались сверху, и часто сценаристам приходилось доделывать работу за других, а их собственные проекты передавали кому-то третьему. В итоге они нередко работали сразу над тремя и более сценариями. При этом их имена не указывали в титрах и уж конечно не выплачивали сценаристам процент с выручки.

Хотя все это не касается непосредственно «Кинг-Конга» (какой режиссер согласится, чтобы его жена корпела над текстом в тесном студийном офисе?), общая атмосфера не могла не повлиять на сценарий. Сюжеты той эпохи незамысловаты и прямолинейны, в них преобладает экшен и действуют стереотипные герои. В «Кинг-Конге» нет побочных сюжетных линий, тонких мотивов и неожиданных поворотов — сценарий представляет собой последовательное изложение одной идеи.

Фильм открывается сценой на корабле «Венчур», который вскоре должен отплыть в поисках острова, где, по слухам, обитает Конг. На борт под-

нимается театральный агент Уэстон и сообщает Карлу Дэнхему, кинорежиссеру и руководителю экспедиции, что не сумел найти девушку на главную роль в задуманном фильме. Кто-то (вероятно, спонсоры) сказал Дэнхему, что в новой картине обязательно должна быть любовная линия, и он нехотя поручил Уэстону найти актрису.

Вот их диалог в фильме.

УЭСТОН: Не выйдет, Дэнхем.

ДЭНХЕМ: Что значит «не выйдет»? Должно выйти! (*Уэстон молча качает головой.*) Послушай, Уэстон, кто-то вмешивается в мои переговоры с каждой девушкой. От меня отвернулись все агенты города, кроме тебя. Ты знаешь, я человек честный…

В этом диалоге раскрываются подозрения насчет Дэнхема: во-первых, что он собирается подвергнуть девушку опасности, а во-вторых, что ей грозит сексуальная эксплуатация — ведь она окажется единственной женщиной на корабле в компании сильных сексуально озабоченных мужчин. Дэнхем, естественно, все отрицает и настаивает, что актриса будет в полной безопасности. Под конец диалога он решает, что эту задачу нельзя никому поручить и отправляется на поиски актрисы сам. «Я найду себе

девушку для фильма, даже если придется на ней жениться!» — заявляет Дэнхем, уходя, и это вновь намекает на то, что его интерес имеет сексуальную подоплеку, немыслимую в случае, если бы он искал актера-мужчину.

В сценарии Рут Роуз диалог между Уэстоном и Дэнхемом несколько отличается и содержит интересную подробность. Вот он.

УЭСТОН: Не выйдет, Дэнхем.

ДЭНХЕМ: Что значит «не выйдет»? Должно выйти! (*Уэстон молча качает головой.*) Послушай, Уэстон, актерская ассоциация и банда Хейса вмешиваются в мои переговоры с каждой девушкой. От меня отвернулись все агенты города, кроме тебя. Ты знаешь, я человек честный…

При сравнении любого сценария с готовым фильмом почти неизбежно обнаруживаются десятки мелких текстуальных различий — режиссер или актеры выбрасывают непонравившиеся строки, импровизируют или просто забывают текст. На это не обращает внимание никто, кроме, надо полагать, самого сценариста. Однако в этом случае опущение довольно значительное и, вероятно, объясняется осознанным решением режиссера или киностудии, а не сиюминутной импровизацией.

«Актерская ассоциация» — явная отсылка к актерскому профсоюзу, который тогда, как и сейчас, имел огромное влияние в Голливуде. Если бы Дэнхем и его проект существовали в реальности, Актерская ассоциация за справедливость, несомненно, весьма отрицательно отнеслась бы к его намерению увезти молодую актрису в компании мужчин на край света для съемки авантюрного фильма без внятного сценария. Еще меньше им понравилось бы то, что Дэнхем собирается взять девушку с улицы без опыта актерской игры и дать ей главную роль.

Впрочем, маловероятно, что упоминание о профсоюзе могло кого-нибудь смутить. Другое дело — «банда Хейса», прямо отсылающая к Ассоциации кинокомпаний и дистрибьюторов, известной как «Офис Хейса». Для киностудий того времени это была спорная тема, и неудивительно, что ремарку, способную вызвать бурю гнева, тихо убрали из фильма.

После ряда скандалов, прогремевших в Голливуде начала 1920-х годов, киностудии объединились и создали Ассоциацию кинокомпаний и дистрибьюторов, позже переименованную в Ассоциацию кинокомпаний Америки. Поначалу это была имиджевая акция, нацеленная на

формирование положительного образа киноиндустрии в глазах общественности. Ассоциацию возглавлял Уильям Хейс, в прошлом — руководитель избирательной кампании республиканского президента Гардинга.

В тот период большинство американских кинотеатров принадлежало киностудиям, однако в силу их рассеянности по стране законодательные нормы, которым требовалось следовать, различались от штата к штату. Варьировалась и приемлемость (или предполагаемая приемлемость) содержимого в разных регионах из-за большой пестроты моральных и религиозных представлений американцев. Часто киноленты возвращали дистрибьюторам с как попало вырезанными сценами.

Вопросы цензуры в тот период становились все актуальнее в самых разных сферах общественной жизни США. Чем больше люди ходили в кино, тем больше моралисты — религиозные группы, образовательные учреждения и прочие — воспринимали кино как угрозу своим ценностям. В ряде штатов на законодателей давили с целью принятия законов, строго ограничивающих содержимое кинолент.

Разумеется, цензурирование разных аспектов

фильма в разных штатах сделало бы дистрибуцию практически невозможной. Опираясь на ресурсы Ассоциации и собственные связи с Республиканской партией, Хейс провел в нескольких штатах тщательно спланированную кампанию, и, когда по результатам референдума в штате Массачусетс новое законодательство отвергли с соотношением голосов два к одному, битва была выиграна.

Несколько лет после этой победы Хейс вел двойную игру — с одной стороны, защищал киноиндустрию от непрестанных жалоб моралистов, а с другой, пытался навязать Голливуду собственную мораль. Время от времени он публиковал для студий списки рекомендаций и запретов, на которые, впрочем, никто не обращал внимания.

В 1930 году появление звукового кино вызвало новую волну претензий по поводу нравственности, и Хейс опубликовал первый из своих печально знаменитых кодексов производства фильмов, оставшийся в истории как Кодекс Хейса. Поначалу тот оказал прямо противоположный эффект. Кодекс не имел силы закона; единственное, чем он мог оперировать, — страх перед тем, что может случиться без него, и большинство участников отрасли это не слишком тревожило.

Разгоралась Депрессия, и студии отчаянно искали рецепт верного заработка. Ответом стали две вечные темы: секс и насилие.

К 1934 году в Ассоциации кинокомпаний Америки осознали необходимость ужесточения Кодекса. Свод правил обновили, и теперь для выпуска фильма требовалось прокатное удостоверение. Руководителем новой Администрации производственного кодекса назначили Джозефа Брина, под чьим контролем Кодекс соблюдался неукоснительно.

«Кинг-Конг» вышел в конце 1933 года и относится к эпохе до Кодекса Хейса. Точнее, Кодекс образца 1930 года уже существовал, только почти никто ему не следовал. Эпоха до Кодекса Хейса охватывает примерно четыре года — с момента создания и до принудительного внедрения, которое спровоцировали некоторые фильмы того периода. Пожалуй, самый известный из них — «Тарзан и его подруга» 1934 года. В этом фильме Морин О'Салливан почти все время разгуливает в наряде, весьма условно прикрывающем ее соблазнительные формы, а в первой версии присутствовала четырехминутная сцена обнаженного плавания, в которой на самом деле снялась дублерша — золотая медалистка

Олимпиады 1928 года Джозефин Макким. По современным меркам фильм довольно безобиден — невольно задаешься вопросом, к чему было столько шума (как и во многих других случаях). Немецкий фильм «Экстаз» 1932 года содержал столь же невинную сцену обнажения Хеди Ламарр, но так и не попал на американские экраны — его конфисковали на таможне. Моралистов привел в неистовство сам факт его существования.

А потом появился «Кинг-Конг».

Роль Фэй Рэй в «Кинг-Конге» весьма показательна с точки зрения Кодекса Хейса. Полезно уяснить масштабы нарушений, которые позволили себе Купер и Шодсак. Перечислим актуальные пункты Кодекса 1930 года с описанием соответствующих сцен фильма и их вероятной интерпретацией.

Статья II. Секс:

2. b. Сцены страсти. Запрещается изображение чрезмерно страстных поцелуев, чувственных объятий, а также поз и жестов, намекающих на секс. Энн Дэрроу дважды показывают в такой позе — раскинувшейся навзничь от страха или усталости.

4. Запрещается изображение сексуальных

извращений или любых намеков на них. Скотоложство (половые сношения между человеком и животным) явно относятся к сексуальным извращениям. В сцене, где Конг срывает с Энн Дэрроу одежду, особо показано, как он после этого нюхает свои пальцы, что подчеркивает его зверскую природу.

5. *Запрещается изображение белых рабов.* Хотя в «Кинг-Конге» нет сцен с «белыми рабами» в том смысле, который подразумевался в 1930-е годы, фильм тем не менее содержит множество намеков: хрупкая девушка из цивилизованной страны оказывается во власти чуждого неуправляемого существа, которое намеревается использовать ее в своих целях.

Статья VI. Костюмы:

2. Запрещаются сцены раздевания, кроме случаев, когда это абсолютно необходимо по сюжету. Хотя Энн Дэрроу не раздевается намеренно, Конг срывает с нее большую часть одежды, и почти всю вторую половину фильма ее тело едва прикрыто.

3. *Запрещается непристойное или чрезмерное обнажение. См. выше.* После того как Конг срывает с Энн Дэрроу одежду, она остается полуобнаженной, и во время плавания, бега и прочей

активности в кадре мелькает ее оголенное тело. А в начале фильма есть сцена, когда она пробуется перед камерой в полупрозрачном платье. Члены экипажа пожирают девушку глазами, что только подчеркивает сексуальность этого наряда.

Статья VIII. Религия:

3. *Следует проявлять должную осторожность и уважение при изображении церемоний любой определенной религии.* Обитатели Острова Черепа выстроили вокруг Конга некую тотемическую религию: призывают его ударами в гигантский гонг, исполняют ритуальные танцы с целью умилостивить его, приносят ему человеческие жертвы и так далее. Неясно, можно ли это считать «определенной» религией, тем не менее ритуалы явно занимают в жизни племени центральное место и показаны без уважения. Туземцев изображают бескультурными дикарями, которые только тем и спасаются от Конга, что швыряют в него копья или убегают.

Статья XII. Отталкивающие сцены:

5. Очевидная жестокость по отношению к детям или животным. В сцене, где Конг буйствует в деревне, показан по меньшей мере один ребенок в опасности. Что до жестокости по отношению к

животным, то весь фильм, по сути, посвящен обнаружению крупного дикого животного, которое преследуют, забрасывают копьями, отстреливают из винтовки, оглушают газовыми бомбами, заковывают в кандалы и выставляют на потребу публике, а в конце убивают из авиапулемета.

6. *Торговля женщинами или продажа девственности.* Энн Дэрроу похищают, уводят грубой силой и предлагают в жертву Конгу.

Вторая половина Кодекса Хейса 1930 года содержит, пожалуй, самые противоречивые положения — в ней разъясняются основания для запретов путем рассуждения на различные темы, в том числе о смысле и влиянии искусства, о мотивах художника, семейных ценностях, уважении к полиции, о реакции взрослых людей на кино, сексуальном отклике зрителей на те или иные сцены, безусловной необходимости серьезно относиться к религии и многом другом. Среди этой ханжеской чепухи встречается еще ряд положений, нарушенных «Кинг-Конгом».

Запрещается представлять нечистую любовь как нечто красивое и привлекательное. Сюжет «Кинг-Конга», по сути, сводится к тому, что гигантский зверь влюбляется в Энн Дэрроу и ее красота приводит его к гибели. Об этом говорится

в эпиграфе перед началом фильма, и та же мысль повторяется в конце безэмоциональным голосом Карла Дэнхема. Конг — гигантское животное, не способное оценить человеческую красоту в понятной человеку форме, а следовательно, это нечистая любовь. Между тем в фильме она явно подается как нечто красивое и привлекательное.

Запрещается представлять ее таким образом, который может вызвать страсть или нездоровое любопытство аудитории. Поскольку фильм задуман как развлечение, а не серьезное размышление о скотоложстве, действия Конга по отношению к Энн Дэрроу интерпретируются зрителями с антропоцентрической точки зрения. Другими словами, когда Конг срывает с нее одежду, зритель испытывает возбуждение: привлекательную девушку обнажают против ее воли, что отражает мужскую фантазию о насилии. Создатели фильма явно стремятся «вызвать страсть или нездоровое любопытство аудитории».

Использование наготы или полуобнаженной натуры с целью придать картине пикантности аморально по своему воздействию на среднестатистического зрителя… Недопустимо делать наготу необходимым условием развития сюжета. Если в кадре присутствует полуобнаженная

натура, недопустимо чрезмерное или непристойное обнажение. Энн Дэрроу полуобнажена почти всю вторую половину фильма, и в некоторых эпизодах ее тело показано довольно откровенно. Этому нет никакого сюжетного обоснования, не считая стремления возбудить аудиторию.

После премьеры «Кинг-Конг» справедливо подвергся критике моралистов и тем не менее снискал огромный успех у публики, который длится и по сей день. В прокатных экземплярах, выпущенных после 1934 года, сделали кое-какие купюры — явно в связи с пожеланиями «Офиса Хейса» по поводу описанных выше нарушений. В частности, вырезали сцену, в которой Конг срывает одежду с Энн Дэрроу, а также кадры буйства Конга в деревне. Не так давно их восстановили, и на DVD-дисках продается, судя по всему, полный фильм в оригинальной редакции.

«Тарзана и его подругу» постигла та же судьба. Вскоре после завершения съемок сцену с обнаженным купанием полностью вырезали и отсняли новый материал на замену самым откровенным эпизодам с Морин О'Салливан. Недавно оригинальные кадры восстановили, и охотники до сенсаций будут крайне разочарованы неуклюжей невинностью фильма.

Роль Энн Дэрроу сделала Фэй Рэй настоящей звездой — или, по крайней мере, звездой «Кинг-Конга». Несмотря на мировую славу, ни одна ее последующая роль не сравнится с этой.

А сам фильм продолжает жить благодаря тому, что занимает уникальную нишу в истории кино. Это первая лента с большими спецэффектами, инновациями и пикантной для своего времени историей. Хотя местами анимация в фильме смотрится грубо, она все же представляет собой большое техническое достижение. Интерес публики к «Кинг-Конгу» сохранился и в последующие десятилетия, несмотря на то что анимация, аниматроника и прочие спецэффекты с тех пор шагнули далеко вперед. Разумеется, этот фильм — детище своей эпохи, тем не менее даже сегодня он остается занятным и увлекательным.

Успех «Кинг-Конга» никак нельзя приписать актерским талантам Фэй Рэй. Ее игра неубедительна, и другие актеры не лучше. В фильме, пожалуй, есть всего один драматический эпизод, не напичканный спецэффектами: Карл Дэнхем (Армстронг) приглашает Энн Дэрроу на ужин, чтобы объяснить, чего от нее хочет. Наблюдать за их диалогом мучительно. Когда Дэнхем представляется и самодовольно спрашивает, знает ли Энн,

кто он такой, та отвечает: «Да-да, вы снимаете кино в джунглях или типа того». Текст, и без того не блестящий, Фэй Рэй произносит так, будто зачитывает список покупок. Армстронг не лучше: его игра на протяжении фильма неубедительна, не поднимается выше любительского уровня и вызывает неловкость.

Но когда нужно бегать по джунглям, прятаться за поваленными стволами, лежать в путах на жертвенном камне, висеть безвольным грузом, кричать, плавать и обнажаться, Рэй не уступает в профессионализме любой молодой актрисе той эпохи. Белизна ее кожи и умеренно травмированная ушибами и ссадинами красота усиливают ореол хрупкости и уязвимости, создаваемый сюжетом, хотя ничуть не улучшают актерскую игру.

Впрочем, для Фэй Рэй сценарий вышел выигрышным по сравнению с другими актерами. Поскольку сюжет недалеко ушел от содержимого бульварных журналов, ей требовалось всего лишь играть привычную роль девушки в беде. История Кинг-Конга излагается прямо и бесхитростно, без какого бы то ни было развития сюжета и попыток разработать характеры персонажей. Очарование простоты усиливается

тем, как беспринципно создатели нарушают все правила Кодекса Хейса, и Фэй Рэй справляется с этим прекрасно.

Автобиография Рэй, вышедшая в 1990 году, открывается письмом к Конгу, в котором актриса говорит о взаимопонимании, не требующем слов. «Я восхищаюсь тобой», — пишет она и с грустью добавляет, что снялась почти в восьмидесяти фильмах, а он лишь в одном — том, который сделал ее знаменитой.

Глава 16

Как-то поздним утром Матильда Линден позвонила Джастину и пригласила на прогулку в свой любимый парк на севере Лондона, неподалеку от ее дома. Джастин удивился — ведь после первой встречи она так и не перезвонила.

Хотя ему нравилась Матильда, а он, видимо, нравился ей, за время поспешного обеда в пабе они не успели заинтересоваться друг другом всерьез. И все же Джастин втайне надеялся увидеться с ней вновь, а пока перечитал ее книгу о режиссере Хьюго Тернбулле, повстречался с Августом Энгелем и после не один вечер посвятил проверке фактов. Он не сомневался в словах Энгеля, однако все, что связано с исчезновением Жанетт Маршан, представляло для него столь большой интерес, что он решил перепроверить.

То, что Энгель рассказал об академии Лени Рифеншталь для начинающих кинорежиссеров, было чистой правдой, хотя это не афишировалось ни в те времена, ни впоследствии. О том, что во время Второй мировой немцев в Великобритании интернировали, Джастин узнал впервые.

Подтвердилось и то, что в послевоенные годы Голливуд закрыл двери перед киноработниками немецкого происхождения.

Матильда объяснила, что днем ей не пишется, поэтому она предпочитает немного прогуляться. Ей хотелось вновь поговорить о Тедди Смайт: сейчас Матильда работала над биографией британского кинематографиста, культового режиссера фильмов ужасов Кейта «Чорри» Чористона, однако в перспективе все-таки планировала написать книгу или большую статью о Тедди.

Хотя приглашение стало для Джастина неожиданностью, по удачному стечению обстоятельств он был относительно свободен, поэтому охотно отложил все дела и отправился на другой конец Лондона, не забыв прихватить с собой книгу о Хьюго Тернбулле «Час убийства». В 1950-х Тернбулл снял для «Эллайд Стьюдиоз» пять часовых фильмов, которые предполагалось показывать перед основной картиной. Это были любопытные работы с участием тогда еще неизвестных молодых актеров, почти все из которых впоследствии прославились. Наибольший интерес представляла, конечно же, «Смерть в Оверни». Джастин купил «Час убийства» несколько лет назад, ничего не зная об авторе и мало о Тернбулле, — ему

просто нравилось собирать книги о кино. За чтение он принялся лишь после интервью с Тедди Смайт, а несколько месяцев спустя круг неожиданно замкнулся, когда Матильда, прочитав о Джастине в «Обзервере», связалась с ним, чтобы расспросить о Тедди.

На кладбище Эбни-парк Джастин ни разу не бывал. Покосившееся объявление местного совета на столбе у входа увещевало посетителей не протаптывать на кладбище тропинки, не мусорить и не портить памятники.

Матильда уже ждала. На плече у нее висела сумка, набитая бумагами, как и у Джастина. Они посмеялись над тем, что оба боятся потерять недописанные материалы и таскают их повсюду с собой. Джастин обычно держал в сумке распечатки последних записей из своей базы данных, чтобы в дороге проверять и редактировать, а Матильда — кипу исследовательских материалов и черновик большой книги о Кейте Чористоне. Она показала Джастину несколько страниц и фотографий, которые хотела включить в биографию. Это был большой проект, над которым предстояло еще много работы.

— После нашей последней встречи я связалась с Тедди, — сообщила Матильда. — Она заве-

рила, что будет рада со мной познакомиться, поэтому я съездила в Сифорд. Напилась чаю с булочками и вареньем, узнала массу интересных подробностей о ее котах и ни слова — о ее жизни. Тедди назвала точные даты выхода некоторых фильмов, рассказала о знакомых актерах — и ни намека на прошлое. Настаивает, что ее работа до прихода в кино не интересна никому и прежде всего ей самой.

— Мне она сказала примерно то же самое, — заметил Джастин.

За кладбищем Эбни-парк много лет не ухаживали; старые памятники заросли травой и постепенно рассыпались. Но некоторое время назад парк признали заповедным, и теперь его охраняли местный совет и волонтеры. Несмотря на солнечную погоду, в тени деревьев стояла прохлада. Джастин и Матильда с удовольствием бродили по неровным дорожкам в тишине — кроме пары собачников, в парке не было ни души.

— Ей, может, и неинтересно, а я зарабатываю тем, что рассказываю подробности о жизни известных людей, — продолжила Матильда. — На первый взгляд, Тедди Смайт представляет собой именно то, что мы видим: хара́ктерная актриса на пенсии, сыграла множество хороших ролей, не

прославилась, не разбогатела, приятная пожилая леди, живущая на побережье. Все так, однако она с таким упорством скрывает свое прошлое, что я почти уверена — это неспроста!

— И что же она, по-твоему, утаивает?

— Это я и пытаюсь выяснить. Мне интересны любые биографии. Невозможно дожить до сорока, ничем не занимаясь. Тедди утверждает, что так и было, а я настаиваю: она что-то скрывает. Может, это связано с войной и до сих пор засекречено? Она ведь из того поколения. Ее родной Лейтон-Баззард находится недалеко от Блетчли-парка[13]. Может, Тедди, как и многие девушки той поры, взламывала шифры? Все работники Блетчли-парка в обязательном порядке подписывали соглашение о неразглашении по закону о государственной тайне и до сих пор молчат. Их трудно обнаружить. Я спросила об этом Тедди, а та с улыбкой покачала головой и ответила, что в ее жизни не случалось ничего интересного. Она в курсе, что такое Блетчли-парк, однако не разбирается в шифрах. Тогда я спросила, работала

[13] Примечания: 13

Блетчли-парк — особняк, где в годы Второй мировой войны располагалась Правительственная школа кодов и шифров Великобритании. Ее сотрудники взламывали шифры гитлеровской Германии и ее союзников.

ли она во время войны в офисе или на заводе. Тедди заявила, что все это было слишком давно — в другой жизни. Я думала спросить, не была ли она разведчицей, только легко догадаться, каким будет ответ. Впрочем, кое о чем Тедди все-таки проболталась. В разговоре с тобой она упоминала, что была замужем?

— Нет. Я встречал упоминание о муже в старых газетных заметках. Сейчас Тедди явно живет одна — или развелась, или муж умер. Ты же не думаешь, что она все еще тайно замужем?

— Нет, ее муж умер. Брак военного времени — познакомились, пока он был в увольнительной, и спонтанно поженились. Он вернулся в армию, участвовал в высадке в Нормандии и не вернулся. Через месяц Тедди получила от адъютанта полка письмо о том, что ее муж погиб при исполнении.

— Тебе удалось найти свидетельство о браке?

— Нет, конечно, — ни единой зацепки. Как я потом узнала, в то время Тедди носила другую фамилию, а фамилию мужа она не назвала, так что мне не удалось ничего выяснить. Его звали Билл — вот все, что мне известно.

— Значит, Тедди сменила фамилию? Я не знал. Она тогда и стала Смайт?

— Нет. До замужества у нее была другая фа-

милия, неизвестно какая. Записей о рождении Тедди Смайт не существует — по крайней мере, в Лейтон-Баззарде, да и в других местах наверняка тоже. Не уверена, что она вообще именно там родилась. Лейтон-Баззард впервые всплыл в колонке сплетен в фанатском журнале о кино — сомнительный источник. Думаю, после свадьбы Тедди взяла фамилию мужа, а псевдоним Смайт придумала, когда начала сниматься в кино в 1950-х. Теперь это ее официальная фамилия.

— Нельзя выяснить в Сомерсет-хаусе[14]?

— Там на нее ничего нет — я целый день провела в архиве. Потом поговорила со знакомым юристом, и он подкинул мысль, которая не приходила мне в голову. Для смены фамилии люди обычно подают одностороннее обязательство — либо через юриста, либо напрямую через Сомерсет-хаус. Но это не единственный способ — можно еще сделать официальное заявление в присутствии судьи на открытом судебном заседании. Если Тедди выбрала этот вариант, то обязана была под присягой назвать свое настоящее имя, а значит, все, кто присутствовал на заседании,

[14] Примечания: 14

Сомерсет-хаус — здание, где до 1970 года хранились записи актов гражданского состояния по Англии и Уэльсу. В настоящее время является музеем.

знают, кто она такая. Правда, обычно на таких заседаниях никого нет, особенно под конец рабочего дня, и именно тогда люди предпочитают делать официальные заявления. Засекреченное дело хранится судебными администраторами, и они обязаны уведомлять о смене имени Сомерсет-хаус, только, по словам моего знакомого, не всегда это делают — человеческий фактор. После окончания войны заявления о смене фамилии шли валом, и до сих пор архивариусы в Сомерсет-хаусе находят старые документы, как следует не зарегистрированные или в спешке сунутые не в ту папку. Так что после войны многие формальные акты регистрировались как попало. Не исключено даже, что дело Тедди по-прежнему в суде, только найти его нет никакой надежды, даже знай я, в каком именно суде искать. А если бы Тедди подавала одностороннее обязательство через юриста, оно хранилось бы в Сомерсет-хаусе в свободном доступе.

— Что же она скрывает? — задумался Джастин. — Такое впечатление, будто после войны она планомерно создавала себе новую личность.

— Это ее личное дело. Сейчас нам остается только принять Тедди такой, какая она есть или пытается казаться.

— А как же твоя биография?

— В ближайшем будущем все равно займусь, а пока я поглощена Чорри Чористоном. Тедди немолода, все мы смертны, и заниматься биографическими исследованиями после смерти человека на самом деле даже проще. Сейчас у меня нет на это времени.

Дорожка вывела на лужайку. Джастин и Матильда сели на скамью, наслаждаясь спокойствием и красотой природы, притаившейся в самом сердце Лондона. Пели птицы, жужжали насекомые.

Джастин вынул из сумки «Час убийства».

— Пока не забыл — можешь подписать мне свою книгу?

Книжка была в отличном состоянии, хотя с момента ее публикации прошло десять лет. В руках у Матильды она раскрылась на главе «Смерть в Оверни», заложенной листком бумаги. Матильда открыла титульный лист, выудила из сумки ручку и после минутного раздумья принялась писать, закрываясь от Джастина обложкой и распущенными волосами.

— Мне понравилось твое наблюдение о сходстве

между Тернбуллом и Клодом Шабролем[15], — заметил Джастин. — Хотя Тернбулл умер за несколько лет до появления «Мясника» Шаброля, его влияние очевидно.

— Не просто влияние. — Матильда убрала ручку и протянула Джастину закрытую книгу. — Пока не смотри!.. Я переписывалась с Шабролем по этому поводу, и он прямо сказал, что сознательно вдохновлялся «Овернью», а не просто подпал под ее влияние. Во Франции этот фильм видели многие — он стал своего рода классикой. А до того Шаброль снял картину о серийном убийце Анри Ландрю — тема, близкая Хьюго Тернбуллу. Тот много лет пытался добыть деньги на фильм о Ландрю в Великобритании и Америке, но умер, не дождавшись. Все циклично — люди мыслят одинаково. Совпадений не бывает, только связи.

— Ты правда так думаешь?

— Временами.

— Что тогда насчет Роя Таллиса? Разве это не совпадение?

— В чем?

---

[15] Примечания: 15

Клод Шаброль (1930–2010) — французский режиссер, значимый представитель направления новой волны. Фильм «Мясник» (1969 г.) представляет собой триллер о жестоких убийствах и сложных отношениях главной героини с подозреваемым.

— В том, что Таллис — первый муж Жанетт Маршан, а у Тедди в гостиной висит его фото. Ты ее об этом не спрашивала?

— Спрашивала. Для нее это забавная случайность. Тедди сказала, что до твоего письма даже не слышала такого имени, хотя догадывалась, что это какой-то актер, возможно, снятый на заре своей карьеры. По-моему, она расстроилась, что он не знаменит. Фотография по-прежнему висит на стене. Мне Тедди тоже сказала, что ей просто понравилось лицо. Уж не знаю, верить или нет.

— Странный повод вешать на стену старую фотографию в рамке. Таких снимков полно в фототеках. И не совпадение ли, что это муж Жанетт Маршан?

— Совпадение с чем? В Голливуде все без конца женятся и разводятся. За каждой звездой тянется шлейф из бывших мужей. Жа-Жа Габор…

— Знаю-знаю, была замужем девять раз.

— Однако Тедди утверждает, что даже не слышала о Таллисе, пока ты ей не сообщил.

— А ведь ей примерно столько же лет, сколько было бы Жанетт Маршан. Возможны ли такие совпадения? Обе актрисы, обе связаны с Роем Таллисом, и Тедди явно что-то скрывает.

— На что ты намекаешь? — спросила Мэтти,

и Джастин замер. Он не обдумывал свои слова — мысль родилась в ходе разговора. Не слишком ли он увлекся?

— Во всяком случае, я не имел в виду того, что чуть не сказал, — помолчав, ответил Джастин. — Не будем терять связи с реальностью. Скорее всего, это просто совпадение. Я многократно перепроверил всю доступную информацию о Жанетт и ее исчезновении. Она почти наверняка умерла или была убита вскоре после того, как сошла с самолета или покинула аэропорт. Не представляю, как ей удалось уйти, куда она отправилась и как вообще все это можно объяснить. От нее не осталось ни следа. Ее упорно разыскивали, но тела не обнаружили. Сама она больше нигде не появлялась, иначе ее обязательно заметили бы — ведь Жанетт была мировой знаменитостью. В конце концов ее объявили мертвой. И все же, почему у Тедди на стене висит фотография Роя Таллиса?

— А рядом — фото Ричарда Аттенборо.

— И что это доказывает?

— Ничего. Может, лицо Аттенборо ей тоже понравилось.

Посидев еще немного, они не спеша прогулялись до выхода из парка, откуда Мэтти было

рукой подать до дома, договорились снова встретиться и распрощались, неловко пожав друг другу руки и обменявшись поцелуями в щеку.

Джастин шел к метро, размышляя по дороге о Мэтти, Тедди и Жанетт, о совпадениях и связях. Ему уже за пятьдесят, Мэтти, скорее всего, столько же. Как мало они друг друга знают! Есть ли у нее кто-нибудь, была ли она замужем? А может, и сейчас живет с мужем? Меняла ли она фамилию в браке, существует ли мистер Линден? Вместе ли они? Джастин надеялся, что нет.

Трясясь в вагоне, он открыл книгу про Тернбулла. Мэтти нарисовала на титульном листе большой круг, разделенный на три части маленькими двунаправленными стрелочками. Каждая часть был подписана: *«Тедди»*, *«Мэтти»*, *«Джастин»*, а в центре круга — *«До скорой встречи? Мэтти Линден xx»*

Глава 17

Накануне обратного перелета в Лондон Джастин остановился переночевать в Балтиморе, в большом мотеле — современном, чистом и совершенно безликом филиале гостиничной сети. Впервые за всю американскую поездку мотель внушал чувство безопасности, уединенности и анонимности, словно кроме Джастина здесь никого нет и в этом номере никто никогда не останавливался. Помимо клерка в здании администрации он не встретил ни души — ни сотрудников, ни постояльцев, хотя на парковке было полно машин, а неподалеку пролегала одна из главных трасс к аэропорту Балтимор-Вашингтон. Мотель построили специально для обслуживания аэропорта — прямо за его территорией и менее чем в двух километрах от въезда.

На протяжении поездки Джастин постоянно переписывался с Мэтти по СМС и электронной почте. С тех пор как они стали жить вместе, он еще не уезжал так далеко и надолго — максимум на один день, — и после недели в США не терпелось к ней вернуться.

В Америку Джастин приехал на очередной кинофестиваль. Несмотря на интересную программу, зрителей собралось немного, и хотя Джастина пригласили в жюри конкурса, он быстро понял, что победители уже определены кем-то из организаторов. Это его раздосадовало: знал бы заранее, не поехал бы.

Впрочем, поездка оправдала себя: Джастин хотел встретиться с одним человеком, Чарльзом Андревоном, а тот жил как раз в окрестностях Балтимора, в двух часах езды от Гаррисберга. Встреча вышла плодотворная, и, заселившись в мотель, Джастин сразу рассказал Мэтти о разговоре.

Вечером он прогулялся до ресторана и поужинал стейком. Возвращаться в прохладу мотельного номера не хотелось — теплая и влажная вечерняя погода была Джастину в новинку. Разогретый за день уличный воздух пах выхлопными газами, бензином и едва уловимым запахом аэропорта, который он не раз замечал во время своих поездок.

Джастин прогулялся по краю огромной площади, ныряя из темноты в озера фонарного света. Добравшись до полосы деревьев вдоль дороги, по которой медленным непрерывным потоком

текли автомобили, Джастин остановился, утомленный жарой. С небольшого холма, где он стоял, были частично видны две взлетно-посадочных полосы аэропорта; ближняя пустовала, а по дальней один за другим двигались самолеты. Джастин наблюдал, как они с шумом ускоряются, скрываются за зданиями аэропорта и вновь появляются в поле зрения уже на взлете. Рев двигателей и мигание сигнальных огней нарушали ночной покой.

Небо затянуло тучами, и в тяжелом давящем воздухе чувствовалась грядущая гроза. Где-то вдалеке рокотал гром, время от времени вспыхивали зарницы. Почти все взлетающие самолеты набирали высоту, двигаясь кругами в сторону, чтобы избежать сдвига ветра, который мог возникнуть из-за больших туч. Одни пролетали у Джастина над головой, другие исчезали на западе, покрывая континент паутиной воздушных маршрутов, по которым во всех направлениях целенаправленно двигались люди. Вот зачем мучения в терминале аэропорта — чтобы сбежать от рутины, отправиться в путешествие, подняться в воздух, оторваться от дома. Сколько времени пассажиры, улетавшие теперь из Балтимора сквозь грозовую турбулентность, провели в терминале, ощущая

свою ничтожность в атмосфере бесконечного ожидания? Джастин, как это часто бывало в окрестностях аэропорта, задумался об исчезновении Жанетт Маршан, которое по-прежнему его интриговало. В глубине души он будто понимал ее и чувствовал с ней некую мистическую связь.

«Боинг-747» авиакомпании «Дельта» пошел на снижение и приземлился на ближайшей полосе. Промелькнули и исчезли слепящие навигационные огни, длинный ряд иллюминаторов, сияющий металлический фюзеляж. Самолет с шумом промчался по полосе и скрылся из виду под рокот двигателей.

После этого Джастин вернулся в свой прохладный номер и отправился в душ.

За несколько недель до этой поездки Мэтти совершила неожиданную находку. При переезде на квартиру, в которой они с Джастином теперь жили вдвоем, она наткнулась на книгу, купленную много лет назад и давно позабытую. Это была потрепанная недорогая книжка в мягкой обложке на пожелтевшей бумаге, из тех, что покупают спонтанно. Называлась она «Шеф-повар звезд Голливуда» и изобиловала рецептами, занимательными историями и воспоминаниями об экстравагантных пиршествах кинозвезд.

Общение с Джастином пробудило в Мэтти давно забытый интерес к ранней эпохе Голливуда, поэтому она с любопытством пролистала книгу. Автор, частный шеф-повар, в 1940-х — 1950-х годах зарабатывал на жизнь обслуживанием домов и особняков лос-анджелесских знаменитостей. Хотя речь шла в первую очередь о кулинарии и подаче блюд, он бессовестно сыпал именами голливудских звезд чуть ли не на каждой странице, и среди них время от времени упоминалась Жанетт Маршан.

Мэтти торжественно вручила книгу Джастину, и он с интересом прочел главу об ужине, который шеф-повар как-то раз приготовил для Жанетт и ее гостей. Это был шикарный прием с участием известных актеров, чьи имена автор перечислял, захлебываясь от восторга. О самих звездах он ничего не рассказал, зато подробно перечислил, что они ели и пили.

Джастин написал автору письмо на самый последний из известных адресов издательства, ни на что особенно не рассчитывая — ведь книга вышла лет сорок — пятьдесят назад. Тем не менее через четыре недели, когда он уже и думать забыл о письме, пришел ответ. Автор книги, Чарльз Андревон (называвший себя «Чаком»), был еще

жив, отошел от дел и теперь обитал в Лансдауне, пригороде Балтимора. Джастин написал ему, что интересуется Жанетт Маршан, и спросил, помнит ли Чак что-нибудь о ней.

Как раз тогда поступило приглашение поучаствовать в кинофестивале в Гаррисберге, откуда до Балтимора было рукой подать, и Джастин предложил Чаку встретиться после фестиваля. Тот согласился и уточнил, что не помнит ничего о Жанетт Макдональд, но расспросит свою жену Хетти, которая иногда помогала ему в организации ужинов. Джастин не стал указывать на ошибку, решив дождаться личной встречи.

Как выяснилось, Чак очень даже помнил Жанетт Маршан и при встрече неловко пошутил насчет путаницы в именах, сославшись на стариковскую память. Собственный экземпляр книги он давно потерял и с удовольствием пролистал привезенный Джастином.

У Чака и Хетти было трое детей и десять внуков, а вскорости ожидался первый правнук. Старики жили в уютном загородном доме с огромным садом, небольшим бассейном и целой стаей собак. Чак с Джастином устроились на затененной террасе, попивая чай со льдом; время от времени Чак отходил проверить, как там жена и не нужна

ли ей помощь.

Времена, описанные в книге, были для Чака золотым веком, однако эмоциональное напряжение и требовательная работа в конце концов вымотали его, да и частные шеф-повара вышли из моды. К середине 1950-х его услуги заказывали все реже и притом не спешили оплачивать работу. Когда Хетти забеременела, Андревоны решили, что пора остепениться. Чак устроился шеф-поваром в крупный ресторан, и лет десять они прожили в Чикаго, потом переехали и в конце концов осели здесь, потому что двое их старших детей работали в Балтиморе.

Книга вызвала у Чака живые воспоминания о Жанетт Маршан. Ужин в ее доме вышел незабываемым — увы, не в хорошем смысле слова.

После получения заказа Чак обычно приходил домой к клиенту за день-два до мероприятия в сопровождении су-шефа и ассистента. Они осматривали кухню и оборудование, согласовывали список блюд и заказывали необходимые продукты. В день ужина команда Чака начинала готовить прямо с утра и оставалась до вечера, а на следующее утро приходили уборщики.

В первый визит Чака и его коллег принимала Жанетт со своей домработницей Фрэн Гулден (о

которой тоже упоминалось в книге). В доме имелась большая кухня, просторная столовая и даже небольшая площадка для танцев. Кругом царили покой и порядок — ничто не предвещало беды.

— Да только в Голливуде тех дней нельзя было предугадать, что может произойти вечером, — вздохнул Чак.

Гостей принимали Жанетт и ее муж Стэнли. Всего было приглашено пятнадцать человек, включая Барбару Стэнвик и Роберта Тейлора, Кэри Гранта, Хамфри Богарта и Лорен Бэколл, а также Ди-Ди Каллена из руководства студии «Уорнер». Для обслуживающего персонала, включая Фрэн Гулден, приготовили отдельный стол. Все эти имена упоминались в книге — о чем там не было упомянуто, так это о скандале, разразившемся за ужином.

— Ночка вышла памятная! — покачал головой Чак. Они с Хетти своими глазами видели почти все, что произошло.

Стэн, муж Жанетт, еще до прихода гостей напился и за ужином принялся критиковать жену, заявляя, что она не в состоянии сама получить нормальную роль, но теперь он, как ее менеджер, собственноручно возродит ее славу и богатство. Он также во всеуслышание объявил, что Жанетт

не следит за собой, что она наркоманка, алкоголичка и бросила родную дочь.

Жанетт была глубоко унижена, гости — смущены, и когда хозяйка разрыдалась, вечеринке пришел конец. Грант, Богарт и Бэколл под разными предлогами откланялись. Стэн Макферсон орал и бил посуду, Жанетт кричала от гнева и унижения. Барбара Стэнвик осталась и увела ее в другую комнату.

— И вы все это слышали? — спросил Джастин.

— А куда нам было деваться? — откликнулся Чак. — Я работал на кухне вместе с остальными, а Хетти прислуживала за столом и видела все своими глазами.

— Что потом стало с Жанетт?

— Я больше ее не видел. Наверное, ушла к себе. Следующим утром я вернулся проконтролировать уборку. Бардак мы убрали, только разбитую посуду было не вернуть. Встретила нас одна домработница, Фрэн Гулден.

По словам Чака, Фрэн тревожил разлад в семье, грозивший ей утратой места. Она много лет работала на Жанетт и боялась того, что еще может вытворить Макферсон.

— Интересно, что случилось с дочерью Жанетт. По-моему, ее звали Наташа. Вы ничего не слыша-

ли про нее? — спросил Джастин.

— Я мало что помню. Фрэн говорила, что Жанетт особенно тяжело переносила нападки Макферсона по поводу дочери. По-моему, это был ее ребенок от первого мужа.

— Роя Таллиса?

— Я не знал его имени. Он умер, оставив Жанетт с маленькой дочерью на руках. Кажется, для него это был второй брак. Все это произошло в тридцатые годы, задолго до того, как я начал работать. Фрэн говорила, что Жанетт очень любила дочь, но, когда муж покончил с собой, находилась на пике карьеры и едва справлялась с хаосом, разразившимся после его смерти. Кто-то настоял, что за девочкой нужен профессиональный присмотр, и ее отправили в благотворительный приют в Лос-Анджелесе, которому Жанетт сделала большое пожертвование. Предполагалось, что это ненадолго, однако произошел какой-то несчастный случай — если Фрэн и рассказывала, то я забыл, давняя история. Словом, Наташа умерла вскоре после помещения в детский дом.

— Насколько мне известно, Жанетт и после поддерживала этот детдом, — заметил Джастин, вспомнив об обстоятельствах ее встречи с Энгелем.

— Помню, тем вечером Фрэн сказала, что Жанетт преследует чувство вины и она хотела бы повернуть время вспять.

На следующее утро (в полдень по лондонскому времени), прежде чем ехать в аэропорт, Джастин позвонил Мэтти из мотеля, сообщил ей номер рейса и время прибытия — к вечеру, если ничего не помешает. На долгий разговор времени не было, тем не менее он признался:

— Думаю, я теперь понимаю Жанетт Маршан. Она всегда меня интересовала, но только теперь я ее понял.

— После всего, что ты рассказал, мне ее жаль.

— Мне тоже. Ясно, почему она тогда сбежала в Великобританию. Не понимаю только, как ей удалось пройти через Лондонский аэропорт неузнанной.

Глава 18

Путешествие в Болгарию, в Варну, стало небольшой передышкой в серии командировок, которую Джастин при поддержке Мэтти готовил несколько недель, в шутку называя «мировым турне». Он планировал встретиться и пообщаться со всевозможными представителями киноиндустрии за пределами Великобритании, многие из которых уже давно звали его приехать, а также посетить с лекциями ряд киношкол и дать интервью нескольким журналам и газетам.

Многие из этих мероприятий Джастин давно откладывал и вот наконец решил совершить одну грандиозную поездку, растянув ее на несколько недель, чтобы не только выполнить свои обещания, но и собрать кое-какой исследовательский материал. Заблаговременная покупка серии авиабилетов давала хорошую экономию и возможность быстро скорректировать планы в случае необходимости. К тому же так Джастин мог в перерывах между мероприятиями посещать интересующие его места. Например, в Париже задержался на три дня, потому что давно

хотел в свое удовольствие побродить по городу и посмотреть новые французские фильмы. Менее удачным вышло двухдневное пребывание в Венеции: на улице стоял мороз, а все кинотеатры закрылись из-за забастовки. В Киеве Джастину не понравилось, зато в Барселоне он прекрасно отдохнул.

Мысль слетать в Варну возникла спонтанно. У Джастина не предвиделось там ни встреч, ни исследовательских дел — в Варну его привел интерес к происшествию, связанному с одним личным проектом.

В июле предыдущего года четыре молодых человека из Ильцена, что в Нижней Саксонии, прилетели из аэропорта Берлин-Тегель в Варну и остановились на курорте «Золотые пески» на побережье Черного моря, недалеко от города. Под конец своего отдыха они отправились в бар и весь вечер пили там пиво. Все четверо были пламенными фанатами бременской футбольной команды «Вердер», а в баре им встретились соотечественники, болевшие за мюнхенскую «Баварию». Естественно, очень скоро разногласия достигли пика и разгорелся яростный спор. Не желая доводить дело до драки, молодые люди из Ильцена покинули бар и отправились в отель.

Тем не менее один из группы, двадцативосьмилетний Хайнц Циглер, отстал от товарищей и вернулся.

Наутро трое друзей обнаружили Хайнца в очень плохом состоянии: жестоко избитым, с расцарапанным лицом и синяком под глазом. По его словам, фанаты «Баварии» подговорили группу местных его побить. Хайнца толкнули на пол и били ногами по спине и голове. Теперь он жаловался, что нижняя челюсть сломана или вывихнута, а в левом ухе лопнула барабанная перепонка.

Друзья отвели его к местному врачу, которая подтвердила повреждение барабанной перепонки и заверила, что челюсть пройдет сама по себе, равно как и прочие мелкие травмы и ушибы. Врач предупредила, что лететь самолетом Хайнцу будет опасно, и выписала цефпрозил, антибиотик для ушных инфекций.

Друзья собрались домой, однако из-за предостережений врача Хайнц побоялся лететь вместе с ними. Они предлагали рискнуть — ведь лететь всего два с половиной часа. Тем не менее Хайнц решил остаться в Варне на день-два, пока ему не станет лучше. Заверил друзей, что не пропадет, и те уехали, а Хайнц снял номер в недорогой

гостинице в черте города.

Позже, когда началось расследование, сотрудники гостиницы показали, что он провел там всего одну ночь и вел себя странно: громко разговаривал сам с собой, бродил по комнате, врезаясь в стены и мебель, расхаживал по коридорам. На записях с камеры видеонаблюдения, установленной за стойкой администратора, видно, что Хайнц несколько раз спускался в фойе, держась то испуганно, то агрессивно. Наружу не выходил, лишь многократно выглядывал сквозь высокие стеклянные двери.

Из своего номера Хайнц совершил один телефонный звонок — среди ночи позвонил матери, разбудив ее. Та переживала, не дождавшись сына из Болгарии; рассказ друзей о том, что произошло в баре, ее напугал. Хайнц не ответил на ее расспросы, громким шепотом сообщил, что четыре человека хотят его убить, и попросил мать аннулировать все его кредитные карты.

На следующее утро он с багажом отправился в аэропорт Варны, некоторое время бродил по территории, зашел в медпункт, где провел всего несколько минут, посреди консультации неожиданно встал и вышел. То недолгое время, что Хайнц провел в терминале, было зафиксировано

на записях с камер видеонаблюдения. Их тщательно изучила полиция, а потом они попали в интернет, где на них наткнулся Джастин.

Поначалу Хайнц вел себя нормально и ничем не отличался от других путешественников. На спине у него висел рюкзак, в руке большая дорожная сумка. Он о чем-то спокойно спросил женщину, стоявшую отдельно от других пассажиров; та, кивнув, махнула рукой — видимо, указала направление. Хайнц отошел и пропал из объектива камеры.

В следующий раз он появился на записи с той же камеры через неустановленный промежуток времени — отметок на видео не было, так что могло пройти и пять минут, и полчаса. Оставив где-то свой багаж, Хайнц стремительно бежал к выходу — не просто спешил, а несся со всех ног, словно убегая от кого-то.

Другие камеры засняли, как он выбежал из дверей и, немного замедлившись, побежал через парковку, а потом вдоль стены терминала до одной из подъездных дорог. Последняя камера зафиксировала его вдали, уже за пределами аэропорта. Хайнц шел через поле подсолнухов; когда он перелазил через изгородь, его на мгновение накрыла тень самолета — как позже установили,

это был пассажирский авиалайнер, заходивший на посадку. Потом Хайнц Циглер скрылся из вида, и больше его никто не видел.

Происходящему, естественно, имелось логическое объяснение. Видимо, молодой человек получил в уличной драке серьезные травмы головы, а медицинский осмотр был поверхностным и касался только повреждений уха и челюсти. Хайнц мог заработать как минимум сотрясение, а то и критическую травму мозга. Известно, что в отсутствие экстренного лечения такие травмы могут вызывать прогрессирующую дезориентацию, амнезию и психоз. Кроме того, он мог впасть в состояние диссоциативной фуги[16], что объясняет его странное поведение и блуждания.

Почти за два года, прошедших с момента пропажи, Хайнц нигде не объявился и не вышел на связь с родными в Ильцене, что ненормально, поскольку он жил с родителями и поддерживал с ними очень близкие отношения. Он пропал в незнакомой стране, без знания языка, без друзей и личных связей, имея при себе совсем немного наличных денег, и никаких операций по кредит-

[16] Примечания: 16

Диссоциативная фуга — психическое расстройство, при котором человек теряет память, переезжает, обретает новую личность и окружение, а очнувшись, не помнит, как оказался в этом месте.

ным картам (которые мать, вопреки просьбе, не закрыла) после его исчезновения не было.

Скорее всего, Хайнц Циглер скончался от травм, полученных в драке, однако тело не нашли, несмотря на интенсивные поиски — сначала силами полиции и волонтеров, затем на вертолете с помощью сложной системы сканирования с воздуха, которую профинансировала страховая компания. В аэропорту никаких следов не обнаружилось. Территорию под маршрутом самолета, пролетавшего у Хайнца над головой, систематически обыскали и ничего не нашли.

Когда историю обнародовали в интернете, начались обширные неофициальные поиски. Немецкая полиция стала опрашивать полных тезок-ровесников Хайнца Циглера, которых в Германии обнаружилось немало. Стали поступать сообщения о людях, похожих на пропавшего. Большинство из них на поверку не оправдалось, хотя одно из сообщений подало надежду: на пляже греческого острова Наксос заметили похожего мужчину подходящего возраста в грязной одежде, с неухоженными волосами, глухого на одно ухо и говорящего только по-немецки. Тем не менее после интенсивного допроса греческая полиция установила, что это не Хайнц.

В исчезновении Хайнца было много необъяснимого. Почему, например, он бежал через терминал, словно спасаясь от кого-то? Многим пассажирам не терпится как можно скорее покинуть аэропорт, и все же не до такой степени, чтобы бежать. Куда делся его багаж? На записях видно, что Хайнц явился в аэропорт с сумкой и рюкзаком, а впоследствии передвигался уже без них. Его вещей не нашли ни в камере хранения, ни где-либо еще на территории терминала. Не исключено, впрочем, что сумки обнаружили вскоре после бегства Хайнца, но до того, как стало известно о его исчезновении, и отправили в хранилище аэропорта, где они до сих пор лежат неопознанные и невостребованные. А может быть, Хайнц просто бросил свой багаж, и кто-то его украл.

Для Джастина главной загадкой в этой истории были последние несколько секунд видео, когда над Хайнцем проносится тень самолета, заходящего на посадку. Эта история заинтересовала его своим сходством с исчезновением Жанетт Маршан. Та, как и Хайнц, пропала в аэропорту; оба исчезли без предупреждения и сколько-нибудь правдоподобного объяснения.

Чем больше Джастин изучал исчезновение

Хайнца, тем чаще ему попадались другие похожие истории. Люди исчезали из аэропортов, зачастую бесследно. Жанетт не могла скрыться от своей славы, а Хайнц — от камер видеонаблюдения, однако большинство исчезновений в аэропорту происходило тихо и незаметно. Многие пропавшие позднее объявлялись с извинениями, оправданиями и объяснениями, но Джастина больше всего интересовал момент исчезновения. Некоторые пропадали за несколько дней до длительного авиаперелета, даже не добравшись до аэропорта, другие — вскоре после возвращения.

Изучая информацию об исчезновениях деловых представителей и руководителей компаний, Джастин поражался тому, сколько времени они проводят в воздухе: большинство из них пролетают десятки тысяч километров и долгие часы находятся в аэропорту.

Нередко причиной трагического исчезновения становились денежные затруднения или проблемы на работе, но главное, что объединяло все эти случаи, — аэропорты. Люди пропадали в аэропортах или после их посещения так часто, что Джастину виделось в этом нечто зловещее.

Среди тех, кто пропал из собственного дома, было немало людей, живших поблизости от

крупного аэропорта. Статистически вероятность исчезновения человека в окрестностях аэропорта оказалась в пять раз выше, чем для обитателей более отдаленных районов. Тех, кто регулярно останавливался в гостиницах при аэропортах или поблизости от них, объединяли схожие тенденции, только выразить их количественно было сложнее.

Джастин регулярно следил за новостями на сайтах, где сообщалось о пропавших людях. Он открыл для себя эти ресурсы в пору широкого распространения интернета, когда искал информацию о Жанетт Маршан. Цифры поражали: каждый год в Великобритании и Европе пропадали тысячи людей, многие из них — младше двадцати одного года. А по всему миру количество таких исчезновений, должно быть, исчислялось сотнями тысяч.

Немногие из этих историй становились достоянием общественности, поскольку часто были связаны с семейными неурядицами и заканчивались счастливым воссоединением. В прессу и на телевидение попадали лишь исключительные случаи — странные, необъяснимые, связанные со знаменитостями или с жестокими убийствами. Многие из пропавших были не устроены в жиз-

ни: если город достаточно крупный, чтобы иметь аэропорт, туда неизбежно стекаются приезжие, бездомные, поденные рабочие, многие — с тяжелым прошлым, без родных и друзей.

Люди исчезали по разным причинам: и мужчины, и женщины бежали от жестоких властных партнеров; дети убегали из неблагополучных семей, прятались или попадали в лапы к похитителям; подростки уходили из дома; любовники расставались. Некоторые пытались покончить с собой, у многих имелись проблемы с психикой, в том числе деменция. Кто-то пытался скрыться от властей или преследования по политическим мотивам. С некоторыми происходили несчастные случаи вдали от дома, как, например, с Хайнцем Циглером.

Почти во всех таких ситуациях тяжелее всего приходилось родным и близким пропавшего. Они винили себя в том, что недостаточно любили и заботились, были слишком критичны, бесчувственны и раздражительны. Чувство вины переполняло их, отодвигая на задний план воспоминания о мелких признаках и симптомах, которые они могли заметить еще до исчезновения. Многие признавались: самое тяжелое — не знать, что делать, куда бежать и что они сделали

не так, а самое страшное — не представлять, где теперь пропавший человек и каким опасностям он может подвергаться.

За два года, прошедших с момента исчезновения Хайнца Циглера в Варне, Джастин узнал истории еще одиннадцати никак не связанных между собой молодых людей, сбежавших из дома в Великобритании. Об одних вкратце рассказывали в прессе или по телевизору, о других в интернете. Все они жили в Лондоне, непосредственно под воздушными маршрутами аэропорта Хитроу или поблизости от них. Одиннадцать исчезновений в среднем разделяло около месяца. Большинство пропавших позднее нашлись или вернулись домой; лишь один погиб при трагических обстоятельствах.

Похожее скопление случаев исчезновения людей наблюдалось и вокруг кластеров воздушных путей других крупных аэропортов в Великобритании, однако данных не хватало для окончательных выводов. Аэропорт Хитроу выделялся особо, поскольку с трех сторон его окружали густонаселенные пригороды. Попалось и несколько случаев исчезновения в окрестностях Рингвея. Аэропорт Рингвей в Манчестере изначально строился в сельской местности

графства Чешир, но из-за послевоенного строительства жилой и коммерческой недвижимости город подползал все ближе к аэропорту, а тот, расширяясь, к городу.

Другие британские аэропорты — Гатвик, Станстед, Бристольский, Бирмингемский, аэропорт Глазго — находились в стороне от городских агломераций, как и большинство аэропортов в мире, хотя появление аэропорта неизбежно влекло за собой строительство бизнес-центров, отелей, ресторанов, парковок, трасс и тому подобного, а за ними вскоре следовали жилые дома. Аэропорты нуждались в персонале — например, Хитроу являлся крупнейшим работодателем в Лондоне.

Существовали, конечно, и другие крупные аэропорты в жилых районах. Например, аэропорт Портела в Лиссабоне располагался недалеко от центра города, в окружении жилых кварталов и бизнес-центров, так что при заходе на посадку, как Джастин недавно убедился на личном опыте, самолеты пролетали пугающе низко над крышами высотных зданий. Посадка в гонконгском аэропорту Кайтак тоже была не для слабонервных: самолет разворачивался между двумя высотками, а потом резко снижался. Наверняка существовали и другие похожие места,

но поскольку общее количество аэропортов в мире превышало сорок тысяч, составить полную картину не представлялось возможным. Тем не менее Джастин чувствовал, что даже та скромная статистика, которую ему удалось собрать, явно указывает на некую связь.

В некоторых городах, например в Париже и Нью-Йорке, полеты пассажирских самолетов над территорией городов запрещались, и там люди пропадали реже — по крайней мере, на территориях, над которыми пролегали воздушные маршруты. Там аэропорты создавали другую проблему: в них стекались бездомные, люди, скрывающиеся от властей, или те, кому некуда пойти по иным причинам. Аэропорт гарантировал анонимность, тепло, место для отдыха, магазины и рестораны для подкрепления сил. Служба безопасности регулярно выявляла и выставляла таких людей, тем не менее уже вскоре они возвращались или им на смену приходили новые. Такова неотъемлемая особенность ничьих пространств, созданных вечно спешащим обществом.

Джастин прилетел из Вены в Варну в первой половине дня. Прошел паспортный контроль, таможню и оставил багаж в камере хранения,

чтобы перемещаться налегке. Варна — провинциальный город, поэтому аэропорт, хоть и международный, занимал небольшую территорию и располагал всего одним терминалом, который смотрелся обветшалым, несмотря на относительную новизну.

В терминале стоял неумолчный шум: где-то шла стройка, полня воздух стуком молотков, жужжанием дрели, гулом генераторов. Вдоль одной из наружных стен тянулись леса, и всюду сновали рабочие. У окон и дверных проемов, где работали строители в масках, клубилась пыль, которую не сдерживал развешанный повсюду брезент. Черно-желтая разметка на плиточном полу, металлические заграждения и предупредительные таблички с надписями на кириллице и латинице направляли посетителей аэропорта в обход стройки. Под ногами хрустел мелкий строительный мусор.

Джастин, естественно, очутился в зоне для прибывающих, в то время как Хайнц на видеозаписях бродил по зоне для улетающих. Из одной в другую теоретически можно было пройти, только указатели устарели и вели прямиком в тупик, где рабочие возводили стену. Обстановка сильно отличалась от того, что Джастин видел на

камерах наблюдения.

Через главный выход он выбрался наружу, с облегчением оставив грязный терминал позади. Глаза слезились, на зубах скрипела пыль.

Хотя лето еще только начиналось, на улице было тепло и влажно. В воздухе отчетливо пахло незнакомым местом — Джастин часто замечал, что в новых местах все пахнет особо: растения, раскаленный на солнце асфальт, сама земля, нотки промышленных запахов. Этот необычный коктейль почему-то особенно ощутим в аэропорту. Со временем перестаешь обращать на него внимание, а местные так к нему привыкли, что даже не замечают.

В поисках другого входа Джастин прошелся мимо автомобилей, маленьких грузовичков и выстроившихся в ряд такси. Снаружи, как и внутри, вовсю шла реконструкция. Подрядчики как попало побросали свои автомобили, кипы строительных материалов и незакрепленное оборудование, так что вдоль здания было не пройти. Пришлось по диагонали пересечь парковку, пробраться сквозь декоративные кусты и вернуться короткой пешеходной дорожкой, чтобы вновь выйти к терминалу. Припекало.

Джастин шел по тем местам, где бежал Хайнц,

и совсем их не узнавал — не только из-за стройки. На записях с камер наблюдения парковка пустовала, да и кустов Джастин не помнил, хотя выглядели они так, будто посажены несколько лет назад. Не то он запамятовал, не то съемка велась с другого ракурса — уже не понять.

У входа было особенно жарко из-за полузеркальных дверей, отражавших солнечные лучи. В этом направлении двигался непрерывный поток машин: они высаживали пассажиров с багажом и уезжали, их сменяли другие, тут и там на асфальте громоздились рюкзаки, свернутые спальные мешки и чемоданы на колесиках.

В терминале было ощутимо прохладнее. Тут тоже шли строительные работы, хотя не такие шумные и пыльные.

Попав внутрь, Джастин понял, что из-за реконструкции многое изменилось. Он рассчитывал определить вероятное расположение камер видеонаблюдения и по ним узнать место, которое видел на записях, однако территория оказалась меньше, чем на видео. С одной стороны громоздился ресторан «Макдоналдс», рядом аптека, газетный киоск и несколько магазинов, закрытых на реконструкцию. В видеозаписях ничего этого не было, хотя с тех пор прошло не так много

времени.

Джастин давно наблюдал феномен постоянной реконструкции аэропортов. Здания и территории без конца перестраивали и реорганизовывали — по крайней мере в тех аэропортах, где ему приходилось бывать чаще всего: лондонских Хитроу и Гатвике. Реконструкция никогда не кончалась. Объяснялось ли это необходимостью расширения из-за роста количества пассажиров? Или потребностью создания новых коммерческих площадей? А может быть, целью было ограничить свободу передвижения посетителей аэропорта по соображениям безопасности?

Во всяком случае, улучшений с пассажирской точки зрения не происходило. Усиление безопасности только увеличивало время ожидания. В ответ на тревоги по поводу иммиграции и терроризма ужесточался паспортный контроль, из-за чего в аэропортах образовывались длинные очереди. Но даже эти неизбежные спутники путешествия не оставались неизменными: правила и процедуры менялись при каждом посещении аэропорта. Не наблюдалось постоянства и в коммерческих зонах: при каждом посещении Джастин обнаруживал в магазинах, барах и ресторанах новые товары, блюда, вывески и пер-

сонал — маленькие, но неинтересные сюрпризы. В том ли было дело, что аэропорты действительно бесконечно меняются, или просто в невнимательности Джастина?

В последнее время он регулярно куда-то летал и в аэропорту всегда испытывал измененное состояние сознания. Уже на подходе к зданию терминала Джастин ощущал, как размывается его «я», и полагал, что это знакомо многим: другие путешественники выглядели апатичными, покорными и утомленными, а те, кто ждал пересадки, — неестественно напряженными. Долгое время Джастин приписывал это страху перед полетами, однако в последние годы стал сомневаться.

Люди в аэропорту обычно избегают смотреть друг другу в глаза — бездумно листают журналы, многие спят или притворяются спящими. Почти все держат в руках мобильные телефоны и почти никто по ним не звонит, а те, кто все-таки разговаривает, напряженно отдают последние распоряжения или сообщают о внезапной смене планов. Пассажиры стараются держаться поближе к табло с информацией о рейсах. Объявления, часто на нескольких языках, перегружают сознание. Люди бродят туда-сюда, изнывая от желания

скорее покинуть терминал и сесть в самолет или отправиться на такси домой.

Все это создает злокачественную атмосферу. За обманчивым гостеприимством, обещаниями вкусной еды, приятных напитков, семейного отдыха, комфорта и расслабления скрывается прямо противоположная реальность. Пребывание в аэропорту вызывает подспудное напряжение и тревогу, отнюдь не располагая задержаться подольше. Еда готовится с прицелом на удобство и скорость, а не качество; ее употребляют впопыхах, а пьют стоя или опираясь на неудобные барные стулья. Приятная беседа невозможна из-за повсеместного шума — объявлений, музыки, гула голосов. При пересадках приходится изо всех сил спешить, чтобы попасть на рейс, и нередко пассажиры опаздывают или, наоборот, вынуждены подолгу дожидаться посадки.

Единственная стабильность — в постоянном движении. Аэропорт воплощает в себе стазис временности, транзитное небытие.

Джастин осмотрелся в поисках камер видеонаблюдения, зафиксировавших недолгое пребывание Хайнца в аэропорту, и насчитал четыре темных полусферы, установленных высоко на стенах в разных точках терминала: одна над

входом, сразу за ней вторая (которая, видимо, и засняла Хайнца, когда тот появился в терминале с рюкзаком за плечами и дорожной сумкой в руке). Еще одна камера располагалась дальше на той же стене и, должно быть, давала более дальний обзор под другим углом. Джастин встал под ней.

Отсюда просматривался тот участок терминала, где Хайнц говорил о чем-то с женщиной; теперь на этом месте располагался газетный киоск, которого почти наверняка не было на записи, хотя утверждать с точностью Джастин не мог. Потом Хайнц прошел туда, где теперь находился «Макдоналдс», и нырнул в арку или проем в стене справа.

Джастин двинулся в этом направлении. По показаниям нескольких свидетелей, включая сотрудников аэропорта, опрошенных полицией, Хайнц зашел в медпункт. Консультацию вскоре прервали — в операционную неожиданно вошел человек в рабочей униформе. Врач велел ему уйти, однако Хайнц уже в испуге выбежал из кабинета.

Медпункта Джастин не нашел — проем в стене вел в широкий коридор, увешанный живописными рекламными плакатами «Золотых песков». За ним обнаружились два небольших коммер-

ческих помещения, заколоченных досками, и общественные туалеты. Джастин дошел до конца коридора и повернул обратно.

Он осмотрел все доступные участки терминала, за исключением транзитной зоны, куда можно было попасть только с посадочным талоном, пройдя контроль безопасности и паспортный контроль. Хотя у Джастина имелся билет на обратный рейс, он пока не хотел приковывать себя к залу ожидания. Прошел в зону регистрации, где стояли длинные очереди, осмотрел все бары и газетные киоски, поднялся на второй этаж, где стройка велась не так активно, и заглянул в ресторан. На входе висели большие плакаты с меню на болгарском, турецком, английском и испанском языках, снабженные цветными фотографиями блюд. Цены были указаны в болгарских левах и долларах США.

Большое окно в конце зала выходило на зону предполетного обслуживания, где стояли три крупных пассажирских авиалайнера с подсоединенными трапами в окружении багажных тележек и автоцистерн. Пока Джастин смотрел, с запада зашел на посадку самолет Болгарских авиалиний — белый с красно-зелено-белым хвостовым стабилизатором. Легкое напряжение,

которое Джастин испытывал с тех пор, как вошел в терминал, слегка отпустило — может быть, потому что взлет и посадка крупных авиалайнеров оправдывали существование аэропорта, являясь необходимым инструментом социальной функции бегства.

Он сфотографировал вид за окном, потом интерьеры второго этажа, а внизу — зону, через которую, по его прикидкам, бежал Хайнц, хотя теперь уже не сомневался, что все здесь перестроили и перестроят еще не раз. Предстоящий рейс не предусматривал питания на борту, поэтому Джастин вернулся на второй этаж, соблазнившись цветными фотографиями блюд международной кухни, хотя опыт говорил, что на вкусную пищу в аэропорту рассчитывать не приходится. Реальность, как всегда, не оправдала ожиданий — все та же безвкусная и дорогая еда, из международного в которой лишь описания на нескольких языках.

Два часа спустя Джастин забрал багаж из камеры хранения и сел в самолет, чтобы лететь обратно в Вену. Там ему предстояло взять интервью у режиссера-документалиста Йоахима Мессера, который, отойдя от дел, поселился в родной Австрии. В 1960-х Мессер был знаковой

фигурой нового немецкого кинематографа и стоял в одном ряду с такими знаменитостями, как Вернер Херцог, Райнер Вернер Фасбиндер, Вим Вендерс и Фолькер Шлендорф, а кроме того, работал с Лени Рифеншталь. Как кинорежиссер Мессер снял лишь один полнометражный фильм, как монтажер поучаствовал в работе еще над несколькими картинами, а потом основал собственную продюсерскую компанию, которая выпускала популярные документальные фильмы для немецкого телевидения и необычные экспериментальные короткометражки.

После интервью в Вене Джастину предстояло модерировать жюри на фестивале фэнтезийных фильмов в Ингольштадте, а потом ехать куда-то еще. Он не всегда помнил подробности своего напряженного расписания, составленного несколько недель назад, — благо оно хранилось на ноутбуке. Джастин знал, что через десять дней летит в Торонто, но не мог вспомнить зачем. Кроме того, планировался конвент где-то в Нидерландах.

Все эти приглашения он принял за последние несколько месяцев — отчасти из интереса, отчасти из любви к путешествиям и не в последнюю очередь ради денег. Два или три мероприятия

хорошо оплачивались, а остальные предлагали привлекательные бонусы. Джастин и Мэтти подобрали приглашения так, чтобы они укладывались в расписание.

Предполагалось, что он пробудет в разъездах шесть недель с перерывами на отдых. Тогда план казался удачным, тем не менее после двух недель непрерывных перелетов Джастин начал жалеть, что ввязался в эту авантюру. Не терпелось вернуться домой и наверстать все упущенные премьеры. Впечатления слились в утомительную мешанину аэропортов, самолетов и отелей, дальних поездок и перелетов, долгого ожидания, языковых барьеров и проблем с валютой, городов, осмотренных на бегу, и мельком увиденных достопримечательностей, а также увлекательных и все же выматывающих киномероприятий по всему миру.

Когда самолет оторвался от земли, в иллюминаторе мелькнуло то самое поле, на котором Хайнца Циглера видели в последний раз. Тогда оно было засажено подсолнухами, а теперь пустовало, и тень самолета бежала по голой земле. Потом самолет заложил вираж, и в иллюминаторе осталось только небо.

Большую часть перелета до Вены Джастин

проспал.

Глава 19

Несмешная комедия
«Время развлечений» Жака Тати, 1967
Рецензия Джастина Фармера

Главная картина Жака Тати после долгого ожидания и целого ряда непредвиденных трудностей, возникших на съемках, наконец прибыла в Великобританию и уже снискала славу шедевра.

Фильм снят на 70-миллиметровую пленку в пастельных тонах и приглушенных оттенках серого. Действие разворачивается на модернистской съемочной площадке, выстроенной на окраине Парижа специально для этого проекта. Большинство сцен снято в грандиозном здании, которое стало главной достопримечательностью фильма, а несколько коротких эпизодов — на узких улочках, забитых автомобилями. Площадку со всех сторон окружают безликие зеркальные небоскребы, благодаря которым действие чудесным образом переносится в центр Парижа: в них отражается то Эйфелева башня, то базилика Сакре-Кер, то другие виды.

В визуальном отношении фильм, несомненно,

уникален. При этом два с половиной часа проходят без связного сюжета. Диалоги персонажей (как ни странно, на английском языке) тонут в фоновом шуме. Нет главного героя, преступлений и автомобильных погонь (машины ползут медленнее пешеходов); есть мимолетный флирт, но нет секса и любви; нет саспенса, никто не размахивает пистолетом и, что самое главное, нет шуток.

Это самый дорогой французский фильм и единственный в своем роде — последователей у него не будет. Выражаясь в терминах французского кинематографа недавней поры, это последний широкоэкранный вздох новой волны — впечатляющее ничто.

Действие начинается в аэропорту Орли. В переполненном автобусе прибывает группа американских туристок, которые, словно кордебалет, проходят почти через все сцены фильма, неразлучные и безымянные. Среди них выделяется женщина в исполнении Барбары Деннек, к которой иногда обращаются по имени («Барбара»). У нее единственной из всех есть хоть какая-то роль. Женщины высаживаются из автобуса и заходят в здание, напоминающее терминал с зонами отправления и прибытия. За одним из больших

окон пролетает самолет, и это напоминает нам, что действие происходит в аэропорту Орли, хотя место совсем не похоже на настоящий аэропорт, а вскоре его назначение становится и вовсе непонятным. В здании почти никого нет. По залу прогуливается мужчина в военной форме, в ряду кресел сидит пациент, в тревоге ожидающий приема врача, проходит мимо уборщик с метлой, появляется медсестра, идут в ногу две монахини, двери открываются и закрываются. Может быть, это больница?.. Полупустое помещение сияет стеклами и кафелем, создавая у зрителя инертное, пассивное настроение.

То тут, то там мелькает знаковый персонаж Тати, месье Юло, однако это не очередная комедия про Юло — в каком бы смысле ни употреблялось слово «комедия», будь то драма со счастливым концом или смешная история. Хотя это, несомненно, фильм Тати, Юло здесь — персонаж эпизодический. Он проходит мимо, появляется на заднем плане, чего-то ждет или непонимающе наблюдает за происходящим.

На самом деле, главный герой фильма — съемочная площадка. То, что мы поначалу принимаем за терминал или больницу, последовательно превращается в бесконечное офисное здание,

отель, выставочный зал, многоквартирный дом. Все они излучают жутковатую атмосферу серой анонимности, переменчивости и бездушия. В них нет логики, уюта и приватности. Туристки, пойманные в ловушку непостоянства, проходят через все трансформации, беспомощные, как пассажиры в ожидании запаздывающего трансатлантического рейса.

Действие второй половины фильма разворачивается в первоклассном ресторане, открывшемся до завершения строительных работ. В кадре появляются строители, полчище официантов, деспотичный метрдотель, измотанный шеф-повар, не меньше сотни состоятельных посетителей (туристки — в вечерних нарядах), люди на танцполе, латиноамериканский музыкальный ансамбль и, наконец, зажигательный джаз-банд. Поначалу все это греет душу после ледяной нейтральности модернистских помещений, однако затем происходит серия комических происшествий — причем комических лишь условно.

Хотя Тати явно снимал комедию, в действительности фильм абсолютно не смешной и лишь время от времени вызывает кривую усмешку своими попытками рассмешить зрителя. Тати безмерно веселят стулья с подушками-пер-

душками, падающие на головы куски потолка, комнаты, которые оказываются лифтами, официанты, рвущие штаны об острые металлические спинки стульев, офисные работники, случайно запертые в кабинетах, люди, роняющие зонтики, падающие с барных стульев и врезающиеся в стеклянные двери.

Главной звездой на протяжении всего фильма остается необыкновенная съемочная площадка, которая за долгие месяцы съемок получила у парижан прозвище «Тативиль». В некоторых кадрах используются детализированные миниатюры, снятые в особой перспективе, а в ряде эпизодов фонами служат картонные задники, тем не менее сюрреалистический урбанистический хоррор Тати смотрится весьма натурально.

В полном соответствии с принципами модернизма парижские власти, которым этот последний широкоэкранный вздох «новой волны» явно не доставил удовольствия, сразу после окончания съемок с мрачной решимостью снесли все постройки бульдозером и закатали в асфальт под автомобильную развязку. Одна пустота сменилась другой.

Джастин Фармер,
«Таймаут» (Лондон),

15 сентября 1967 года

Глава 20

Из Варны Джастин вернулся в Вену, побывал в каталонском Сиджесе, затем провел сутки в Париже, вылетел в Торонто, а оттуда — куда-то еще, посетил Афины, Интерлакен, Женеву и другие города, горько раскаиваясь в своей затее и скучая по дому.

Теперь он проснулся в очередном новом месте и, переворачиваясь на бок, ощутил, как ускользают из памяти остатки сновидения. Он редко запоминал сны и часто об этом жалел — ему нравились смутные приятные воспоминания. Увы, и сегодняшний сон растворился без следа.

Джастин лежал с закрытыми глазами, надеясь подремать еще с полчасика на мягком матрасе в уютных объятиях одеяла. В комнате было темно, во всем здании стояла тишина — лежи себе да наслаждайся мимолетной роскошью отдыха. Тем не менее уже вскоре его охватило смутное беспокойство, словно он о чем-то позабыл или должен что-то сделать. Наверняка надо с кем-нибудь встретиться или посмотреть какой-нибудь фильм, провести интервью и не опоздать на

самолет.

Напряжение окончательно развеяло дремоту. Мысленно пробежавшись по своему расписанию, Джастин, однако, не вспомнил ничего срочного. Лететь предстояло лишь следующим утром, а куда — можно посмотреть позже.

Он потянулся, чувствуя, как натягивается одеяло, заправленное под матрас. Значит, он в гостиничном номере — дома одеяло вечно сбивается, а отельная аккуратность необорима. Итак, очередной отель. Лежа в темноте, Джастин силился представить себе комнату, где заснул накануне вечером. Номера, в которых он побывал за последнее время, перемешались в памяти — примерно одинаковые, но с мелкими различиями, никогда не идентичные и все же незапоминающиеся. Джастин попытался восстановить последовательность мест, в которых останавливался: Лондон, дальше Бордо, а потом?..

И ведь кроме отелей были еще кинотеатры и фильмы, интервью и фестивали; режиссеры, сценаристы, операторы, монтажеры и, конечно, актеры; разные страны, визы и неизбежные проблемы с билетами. А еще — самолеты и аэропорты, длинная цепочка пассажирских терминалов с огромными залами ожидания, сияющими пли-

точными полами, жесткими креслами, рекламой дорогих товаров, пронумерованными выходами на посадку, безвкусной музыкой, очередями, документами, справочными бюро, запретами и обязательствами.

Джастин довольно быстро понял, что отправляться в такую долгую поездку было безумием. Он не рассчитал силы и в какой-то момент (после разочаровавшего мероприятия в Торонто, а может быть, в Кельне) серьезно обдумывал возможность все бросить и вернуться домой ближайшим рейсом. Тем не менее Джастин находил время и желание вести заметки и в дни, свободные или почти свободные от перелетов, встреч и фестивалей, усердно пополнял свою онлайн-базу данных, готовился к очередному интервью или круглому столу и смотрел по меньшей мере один новый фильм в день.

Он не поддался слабости и продолжил путешествие. Теперь за плечами у него были десятки тысяч километров в воздухе и много часов диктофонных записей. Джастин свел знакомство со множеством режиссеров и других работников кино. Одни, знаменитые и влиятельные, снисходили до него неохотно, другие, еще не достигшие пика своей карьеры, без труда находили время

для встречи, третьи, ушедшие из кино по возрасту, собственному желанию или из-за отсутствия работы, имели сколько угодно досуга. Большинство собеседников, независимо от своего уровня, питали оптимизм по поводу своего будущего: следующий фильм, сценарий или роль непременно станут настоящим прорывом! В некоторых случаях это было вероятно или хотя бы теоретически возможно, чаще всего — недостижимо.

Хотя Джастин старался выработать распорядок дня, придерживаться его получалось редко — то и дело приходилось перекусывать на бегу, откладывать или вовсе пропускать обед. Во рту все время пересыхало из-за скудного выбора напитков — или чересчур крепких, или слишком сладких, — поэтому Джастин везде носил с собой бутылочку воды. Часто он был вынужден в спешке добираться до аэропорта, нестись сломя голову из одного конца незнакомого душного терминала в другой, чтобы не пропустить пересадку, или, наоборот, часами просиживать в зале ожидания. Время от времени случались накладки с бронированием мест, погода стояла плохая, в аэропортах было шумно и многолюдно. Перелеты выматывали. Иногда Джастин обнаруживал себя уставшим уже в середине пути и всегда — после

приземления.

И вот он проснулся в очередном отеле.

В комнате было темно. Маленькие светящиеся часы на прикроватном столике показывали 08:17 — значит, не ночь. Джастин сел в кровати, и шторы на окне сами собой медленно разошлись в стороны. Комнату залил солнечный свет — стояло ясное утро. Густой тюль размывал очертания, мешая разглядеть, что за окном. Джастин сунул руки в рукава отельного банного халата, который, видимо, надевал перед сном. Сколько же с тех пор прошло времени?.. Он не помнил, во сколько лег. Наручные часы показывали 11:18 вечера — видимо, забыл отрегулировать их после очередного перелета или еще раньше.

Откуда прилетел, Джастин тоже не знал — сохранились лишь смутные воспоминания о вчерашнем аэропорте: стандартные указатели, разметка очередей на полу, бетонные стены, ковролин в коридорах, бесконечно длинный эскалатор, забитый пассажирами и ручной кладью. Снаружи стояли убийственная жара и влажность, голова кружилась, случайное прикосновение к металлическому фюзеляжу самолета обожгло пальцы. При взлете все шторки иллюминаторов были закрыты. Пилот объявил по рации, что

впереди ожидается тропический шторм. Вскоре наступила ночь. Полет продолжался несколько часов, а теперь Джастин проснулся в незнакомой комнате. Очередной перелет, очередная остановка.

В номере ничто не указывало на название отеля или хотя бы на город. На письменном столе лежала чистая бумага — ни логотипа, ни адреса, а на шариковой ручке не было даже бренда производителя. В вазе стояли незнакомые срезанные цветы. На банном халате надписей и логотипов тоже не нашлось. Удивляло, как Джастин вообще попал в такой шикарный номер — таких денег у него не водилось.

Хотелось лечь обратно в постель, уснуть и отложить поиск ответов на все эти вопросы.

На стене рядом с кроватью располагался ряд никак не обозначенных выключателей — многовато для управления освещением. Джастин наугад нажал один, и кровать с тихим гудением завибрировала, попробовал другой, и над письменным столом загорелся свет. После нажатия на третий выключатель головной конец кровати поехал вверх, причем только с одной стороны. Джастин нажал кнопку еще раз, и кровать тихо осела на место.

Он отправился в туалет, оглядываясь в поисках логотипов или надписей. Босые стопы утопали в густом ворсе ковра — непривычная роскошь. По дороге Джастин заглянул в большой мини-бар, где обнаружил большой выбор знакомых марок: виски (два очень известных бленда и один солодовый виски из Шотландии), джин (двух марок), водку (одну польскую, одну российскую), бутылку какого-то готового коктейля, вино (маленькие бутылочки белого и красного), апельсиновый и яблочный соки, колу, содовую, пиво (обычное и безалкогольное, в больших и маленьких банках), орешки, шоколадные батончики и формочки для льда. Можно было заказать и другие вина. В прайс-листе название отеля тоже не фигурировало — только марки на английском и цены в долларах США.

Как только Джастин открыл дверь ванной, внутри зажегся свет и ожил вытяжной вентилятор. Здесь тоже не нашлось никаких указаний на отель и город. Может быть, его по ошибке поселили в дорогом отеле бизнес-класса, или он сам несколько месяцев назад нечаянно забронировал не тот номер?..

Джастин сходил в туалет, принял душ с густым сладким ароматом розовой воды и, надев нижнее

белье, подошел к окну, чтобы узнать, по какой погоде одеваться. Густой тюль, прочно закрепленный на металлических прутьях сверху и снизу, пропускал лишь солнечный свет, не давая в подробностях рассмотреть, что за окном. Сдвинуть его не удалось. Тогда, отогнув краешек, Джастин выглянул наружу.

С безоблачно-синего неба лился яркий солнечный свет. На улице, казалось, стояла жара.

Через дорогу высились коммерческие здания, какие встречаются по всему миру: бетон, зеркальные стекла, минимум архитектурных изысков. Здание напротив было выше других, но даже если в нем располагались офисы компаний, их вывески и логотипы находились намного ниже или выше поля зрения Джастина — на уровне улицы или под облаками.

Преодолевая упорное сопротивление тюля, он вытянул шею в надежде увидеть на горизонте море или горы — хоть какое-нибудь указание на то, что это за страна. Вправо и влево от отеля тянулась дорога с правосторонним движением. По ней медленно ползли автомобили. Пешеходов на узких тротуарах не наблюдалось. На обочинах высились снежные сугробы. Снег! Похоже, Джастин попал в холодный, хотя солнечный климат.

Рейкьявик? Канада? Точно не Россия — туда он не собирался. Яснее не стало.

В паре сотен метров от отеля виднелся просвет между монолитами высоток — небольшой парк, а в глубине — изогнутая крыша пагоды под снегом.

Итак, он на Востоке. В Китае? В Японии?

Вполне возможно — еще давно Джастин пытался организовать интервью со сценаристом по фамилии Кондо в Осаке. Правда, найти переводчика на нужные даты не удалось, а потом съемки фильма по сценарию Кондо неожиданно отложили на год, и журнал в Лондоне, заказавший интервью, потерял к нему интерес. Значит, не Япония.

А может быть, Вьетнам? Или Таиланд? Нет, в этих странах Джастин никаких встреч не планировал, да и откуда там взяться снегу? Возможно, Тайбэй — в планах была статья об успешном тайваньском кино. Правда, ехать ради этого на Тайвань он вроде бы не собирался.

В памяти всплыло имя: Ким Су-Бон, молодой корейский режиссер, чей полнометражный триллер невероятной жестокости и неожиданной красоты нашумел на прошлогоднем Берлинском кинофестивале. Режиссер согласился дать интер-

вью на студии в Сеуле, где снимал новый фильм.

Тут же все прояснилось и встало на свои места, Джастин обрел память, личность, осознанность и смысл.

Вынув из чемодана теплые вещи, он продолжил одеваться.

После интервью с Ким Су-Боном (который просил называть себя просто Хэп) Джастин провел в Сеуле еще три дня — отъедался, отсыпался, смотрел кино и расшифровывал диктофонные записи, пока помнил неформальные подробности разговора. Интервью требовалось к дате выхода фильма, а он уже и так отстал от графика. Помимо этого, Джастин составил подробные заметки для ряда теоретических статей о структуре фильмов, которые планировал когда-нибудь выпустить сборником. И все это время его не покидало ощущение дезориентации и потерянности.

Сначала он думал остановиться в Сеуле на два дня, потом продлил срок до трех. Люксовый номер в отеле оказался недорогим — изначально Джастин бронировал номер в другом месте, а месяц назад там случился пожар или какой-то еще форс-мажор, и компания перенесла все брони в другие отели сети. Ему нравился комфортный номер с автоматикой и батареей выключателей,

поэтому он позволил себе остаться на день дольше и потратил два часа на перебронирование и согласование новых дат для дальнейших встреч. При обмене билетов Джастин взял единственный из доступных рейсов без пересадок до Бомбея — от «Сингапур Эйр».

Разобравшись с организационными вопросами, он отправился в кино, стремясь отсмотреть как можно больше фильмов. Хэп рекомендовал ознакомиться с новыми работами молодых южнокорейских режиссеров, которые еще не показывали за границей, и Джастин последовал совету. Фильмы, естественно, шли на корейском без английского перевода. Два из них показывали с французскими субтитрами, и Джастин в общих чертах понял сюжет, хотя наверняка упустил все нюансы и юмор, а вот в остальных с трудом улавливал суть происходящего. Для полноценного просмотра следовало дождаться американского или британского релиза.

На вторую ночь, мучаясь бессонницей, он бесцельно переключал телеканалы и с изумлением наткнулся на «Касабланку» 1942 года — на английском с опциональными корейскими субтитрами. Обрадовался фильму, как родному, и посмотрел его от начала до конца, со стыдливым

наслаждением раскинувшись в своем люксовом кресле.

На третий день Джастин выписался из отеля, вызвал такси и отправился в аэропорт, чтобы лететь в Бомбей.

Глава 21

Сеульский аэропорт — Международный аэропорт Кимпхо — располагался примерно в пятнадцати километрах от центра города, ближе к границе с Северной Кореей. Хэп удивился, что Джастин вылетает оттуда: для дальних перелетов в последнее время использовался преимущественно новый аэропорт в Инчхоне. Джастин на всякий случай перезвонил в авиакомпанию, чтобы уточнить. Там, в свою очередь, удивились его вопросу, и заверили, что Кимпхо — по-прежнему аэропорт номер один.

В последний день люксовый номер стал угнетать Джастина. Всю ночь он почти не спал, думая о предстоящих поездках, в самый мрачный час принял окончательное решение их отменить, но наутро понял, что не в силах преодолеть массу организационных сложностей, которые это за собой повлечет, а значит, придется продолжить путешествие. После бессонной ночи все мышцы и суставы болели. Физическая усталость странным образом контрастировала с болезненной бодростью ума, который бесцельно перескакивал

с одной мысли на другую.

В такси Джастин всю дорогу сидел выпрямившись, хотя глаза закрывались, а мысли с трудом фиксировались на настоящем моменте. Земля была покрыта снегом, небо затянуто тяжелыми тучами, и водитель переживал, что не сможет вернуться в город, если начнется обещанная метель.

А Джастин думал о том, как следующие два часа будет мучиться в аэропорту, зато после сможет хоть немного отдохнуть в течение долгого перелета. Он уже летал самолетами «Сингапур Эйр», и ему запомнилось безупречное, чуткое обслуживание на борту.

На месте Джастин сразу прошел в зону вылета, чтобы зарегистрироваться на рейс. В терминале было людно, обогреватели из-за мороза жарили в полную силу. Рейс в Бомбей на табло вылетов отсутствовал, хотя накануне, выясняя, из какого аэропорта лететь, Джастин также уточнил номер рейса и своего места.

За окном уже вовсю валил снег.

Волоча за собой тяжелый чемодан на колесиках, Джастин подошел к стойке информации и узнал от вежливой девушки в униформе аэропорта, что его рейс перенесен в спутниковый

терминал, откуда теперь вылетают все рейсы в Индию. Не переставая улыбаться, девушка посоветовала ему пройти регистрацию в спутниковом терминале, уточнив, что при желании можно зарегистрироваться прямо здесь и сдать багаж, который доставят куда нужно. Джастин, которому уже случалось терять багаж, предложением не соблазнился и ответил, что предпочитает пройти регистрацию в спутниковом терминале. Девушка с улыбкой заметила, что это очень хорошая идея, и вручила ему буклет с купоном на бесплатный напиток в любом из множества баров аэропорта.

Джастин спросил, как попасть в спутниковый терминал. Девушка заверила, что это недалеко, разложила перед ним небольшую карту и принялась водить по ней специальной указкой. Спутниковый терминал располагался в большом круглом здании в стороне от главного терминала. Чтобы туда попасть, требовалось сесть в лифт на противоположном конце зала, спуститься на один этаж и следовать указателям. «Очень просто, никаких проблем», — пообещала девушка. Выходить наружу не придется — в спутниковый терминал можно попасть прямо отсюда. До терминала регулярно ходит автобус, но приятнее пройтись пешком.

Джастин горячо поблагодарил девушку и покатил свой тяжелый чемодан прочь. Позднее он не раз припомнил ее слова.

Ни один из лифтов вниз не шел. Изучив надписи на кнопках, Джастин наугад поднялся на этаж выше, потом на следующий. Указателей, ведущих в спутниковый терминал, на обоих этажах не обнаружилось.

Тогда он вернулся к стойке информации, чтобы переспросить. Там уже собралась очередь, а девушку, с которой он говорил, сменили две других, тоже невероятно улыбчивых. Джастин решил подождать, но очередь застопорилась на двух по-деловому одетых американцах, которые весьма напористо требовали какого-то возврата. Одна из девушек, не переставая улыбаться американцам, говорила по телефону. В свободной руке она держала специальную указку.

Оглядевшись, Джастин понял, что таксист высадил его у терминала, который обслуживает рейсы только в Северную Америку. Длинные очереди выстроились у стоек регистрации авиакомпаний «Юнайтед», «Дельта», «Американ», «Эйр Канада», «Кореан Эйр», «Бритиш Эйрвейз» и «Куантас».

Времени до вылета оставалось еще полно, так что он не спеша отправился в противоположный

конец зала, волоча за собой тяжелый чемодан. Там располагался другой ряд лифтов, идущих исключительно вниз. Перед одним из них стоял указатель: «Зал прибытия в спутниковом терминале, этаж 0». Джастин решил, что главное — добраться до спутникового терминала, а там он без труда перейдет из зоны прибытия в зону вылета.

Он спустился на лифте и, следуя указателям, двинулся в зону прибытия по прямому ярко освещенному коридору. Было довольно людно. Почти все шли в противоположном направлении, некоторые спешили и ныряли то вправо, то влево, стараясь обогнать идущих впереди.

На стенах через равные интервалы висели светящиеся баннеры с рекламой курортов на Бали и Карибах, в Индонезии и Швейцарских Альпах со слоганами на нескольких языках. От наэлектризованного ковролина волоски на руках у Джастина стояли дыбом. Безумно яркий зигзагообразный узор приковывал к себе взгляд, вызывая головокружение. Коридор казался бесконечным, колесики тяжелого чемодана утопали в жестком ворсе, и Джастин еле тащился вперед, время от времени перекладывая ручку из одной ладони в другую.

Наконец он вышел в другой терминал, который поначалу принял за спутниковый. Выяснилось, что это пункт промежуточного контроля безопасности и для прохода требуется посадочный талон. Хотя Джастин еще не прошел регистрацию, он все же присоединился к огромной толпе ожидающих. Когда наконец подошла очередь, его не пропустили, в то время как свой чемодан он уже поставил на конвейер рентгеновского контроля, и тот уехал на противоположную сторону.

Лишившись багажа, Джастин почувствовал первые признаки тревоги. Чемодан беспомощно лежал за разделительным барьером, и людям приходилось тянуться через него, чтобы забрать свои вещи. Один мужчина раздраженно отпихнул его в сторону, другой небрежно столкнул на пол, и теперь все вынуждены были обходить валяющийся на боку чемодан.

Джастин попытался объяснить ситуацию сотрудникам службы безопасности. Те или не понимали, или не желали понять. Чей-то ребенок вскарабкался на чемодан, отец снял его и парой пинков оттолкнул чемодан в сторону.

Наконец одна из сотрудниц в униформе выслушала взволнованную просьбу Джастина.

— Ваш багаж в зоне безопасности. Вы можете

его забрать, но сначала мы должны обыскать его и убедиться, что груз безопасен, — заявила она.

— Но ведь он уже прошел рентгеновский контроль! — воскликнул Джастин. Сотрудница была непреклонна.

Через несколько минут чемодан вынесли на длинный металлический стол за пределами зоны безопасности, и двое охранников, потребовав у Джастина ключ, принялись у всех на виду выкладывать на стол его вещи — одежду и нижнее белье (чистое и грязное), ботинки, носки, книги, туалетные принадлежности, лекарства, папки с заметками, дневник, зарядные устройства, запасной ноутбук. Опустошив чемодан, они тщательно осмотрели и просканировали дно, крышку и борта, а затем принялись за рюкзак Джастина. Пролистали все его блокноты, посмеявшись над какой-то записью, включили оба ноутбука, ворча по поводу медленной загрузки, просканировали мобильный телефон и ушли, не сказав ни слова на прощание, а Джастин принялся запихивать пожитки в чемодан на глазах у проходящих мимо пассажиров.

Все это заняло полчаса, и теперь он рисковал опоздать на самолет. От жары и духоты голова шла кругом.

Джастин решил вернуться в тот зал, с которого начал, зарегистрироваться на стойке информации, сдать чемодан, получить посадочный талон и потребовать четких инструкций о том, как максимально быстро добраться до выхода на посадку в спутниковом терминале. Он поспешил обратно в коридор и остановился, заметив, что узор ковра отличается — такой же ослепительно-яркий, но из разномастных кругов, извивающихся от одной стены до другой. Джастин повернул назад и вошел в другой коридор, где его встретил почти родной разноцветный зигзаг.

Тяжелый чемодан оттягивал руки. Из вентиляционных отверстий в потолке дышало теплом, и Джастин парился в стеганой куртке, надетой перед выходом из отеля, пока наконец ее не снял. Стало прохладнее, но чемодан теперь приходилось тащить одной рукой — в другой была куртка.

Теперь он шел в одном направлении с остальными пассажирами, которые высадились из самолетов и прошли, как и положено, через зону прибытия. Тем не менее время от времени попадались идущие навстречу люди, и Джастину приходилось отступать в сторону, чтобы их пропустить.

Вскоре он почувствовал, что обратный путь затянулся, и заподозрил, что пропустил выход. Через некоторое время попался бумажный указатель направления к спутниковому терминалу. Получалось, что терминал остался позади, и это немного успокоило Джастина.

Заметив по дороге туалет, он заскочил на минутку, облегчился, вымыл лицо и руки холодной водой. На двери висело объявление на английском с требованием всегда иметь при себе посадочный талон, иначе возможны задержки рейсов по соображениям безопасности. Вновь встревожившись, Джастин покрепче ухватил потной ладонью ручку чемодана и продолжил путь.

Пока он находился в туалете, толпа пассажиров поредела. Засомневавшись, Джастин вернулся обратно — вдруг вышел не в ту дверь?.. Других выходов не обнаружилось, и он двинулся дальше.

Неожиданно впереди открылась дверь в стене, и оттуда вышел высокий человек в фуражке, темных очках, отороченной шнуром униформе, с небольшим чемоданчиком в руке. Весь его облик излучал спокойную уверенность, и Джастин догадался, что перед ним кто-то из членов экипажа.

Мужчина двигался навстречу. Поравнявшись с

ним, Джастин спросил:

— Извините, вы говорите по-английски?

Мужчина прошел мимо, глядя перед собой, однако потом обернулся и расплылся в улыбке.

— Вы, наверное, британец?

— Да.

— Что ж, как я могу вам помочь, сэр?

— Вы пилот?

Кивнув, мужчина спросил:

— Вам нужна помощь?

Джастин быстро объяснил свою проблему и спросил, не знает ли тот короткого пути до спутникового терминала. Капитан внимательно смотрел на Джастина, и тот видел свое крошечное отражение, нервно всплескивающее руками, в выпуклых золотистых линзах его очков.

— Могли бы вы предъявить свой посадочный талон, сэр?

— У меня его еще нет. Мне сказали зарегистрироваться в спутниковом терминале.

— Это транзитная зона. Пассажирам запрещено находиться здесь без посадочного талона. Если вас остановит охранник, может возникнуть серьезная проблема. Вам следует вернуться в зону регистрации и оформить посадочный талон. Строго говоря, мне вообще запрещено отвечать

вам.

— Сам не понимаю, как так вышло, — развел руками Джастин. — Я всего лишь пытаюсь найти свой выход на посадку.

Он вынул из внутреннего кармана распечатанный билет и протянул капитану. Тот отступил.

— Прошу прощения, сэр. Вам следует вернуться в зону общего доступа. Я не могу помочь вам, пока вы не пройдете регистрацию.

— Вы же отсюда вышли? — спросил Джастин, указывая на едва различимую дверь в стене.

— Это зона для членов экипажа. Вам следует пройти на стойку регистрации. Спутниковый терминал находится там, — и капитан показал как раз в ту сторону, куда шел Джастин.

— Но я видел на стене указатель…

— Нет-нет, недавно прошла реконструкция и появились новые проходы. А теперь прошу извинить, сэр, у меня впереди долгий полет, — и капитан пошел дальше, не глядя на Джастина.

— Спасибо за помощь! — вежливо поблагодарил тот.

Капитан не ответил. Он уверенно шагал по длинному коридору, уводящему во влажную даль, и пассажиры почтительно расступались в стороны.

Из вентиляционной решетки прямо над головой шпарило электрическим теплом. Джастин переложил куртку в другую руку и подошел к двери, из которой появился капитан. Та была защищена кодовым замком, и он двинулся дальше по коридору, чувствуя, как все больше отрывается от странной реальности, в которой очутился. Внутреннее оцепенение и ощущение невозможности происходящего завладело им. Безумный ковер, словно психоделический ночной кошмар, притягивал взгляд.

До сих пор Джастин полагал, что достаточно налетался по миру, чтобы сориентироваться в любом аэропорту и преодолеть всякие препятствия, чинимые путешественникам. Привык к неувязкам — странным планировкам зданий, противоречивым процедурам, неожиданным запретам в отношении ручной клади — и смирился с ними. Очередной аэропорт он воспринимал как новую головоломку и обычно щелкал их как орешки, хотя иногда для этого требовалось определенное упорство. Многие путешественники, оказываясь в аэропорту, переходили к пассивной обороне, покорялись судьбе и даже не ставили под вопрос происходящее из страха совершить ошибку. Джастин же всегда был наготове и, хотя

его зачастую напрягало ожидание долгого перелета или пересадки в незнакомом аэропорту, не сомневался в своей способности сориентироваться, устоять перед торговыми соблазнами, допустимыми вольностями и произвольными запретами.

И вот теперь этот защитный механизм — форма отрицания — дал слабину. Завидев далеко впереди выход из коридора, Джастин сдался на милость бесцельному пространству, враждебной бетонной архитектуре, искусственному освещению, синтетическому ковролину, рекламе товаров, которые не хотел и не мог себе позволить, недостоверным указателям, процедурам безопасности на грани с одержимостью и прочим обрядам инициации, навязанным неизвестными управителями аэропорта, не желавшими лично ответить за свои решения.

Все происходило как в дурном сне из тех, что хорошо запоминаются и ничему не учат.

Коридор привел на лестницу. Изначально Джастин приехал сюда на одном из множества лифтов, а теперь вместо них вверх и вниз разбегались крутые ступени. Джастин полез наверх, громыхая тяжелым чемоданом, который сопротивлялся каждой ступеньке, так что последние

десять или пятнадцать шагов стали настоящей пыткой.

Наконец, взмокший и уставший, он с облегчением очутился в знакомом зале регистрации. В прошлый раз на стойках светились знаки британских и американских авиалиний, а теперь все сменились корейскими. За окном вовсю бушевала метель. На табло висело объявление о том, что пассажирам следует как можно скорее пройти на посадку, поскольку все самолеты перед вылетом подвергаются противообледенительной обработке.

За стойкой информации — вроде бы той же самой — теперь стояли два молодых человека. Джастин встал в очередь, и вскоре один из сотрудников с вежливой улыбкой пригласил его подойти.

— Какой авиакомпанией вы летите, сэр?

— «Сингапур Эйр», — ответил Джастин, выкладывая на стол свой билет и паспорт.

Взглянув на билет, молодой человек застучал по клавиатуре.

— Вы летите в Бомбей? Здесь регистрации нет — принимаются только пассажиры Корейских авиалиний. Вам необходим терминал номер два или спутниковый терминал.

— Я пытался пройти в спутниковый терминал, но выяснилось, что надо сначала зарегистрироваться.

— Регистрация идет в терминале номер два.

— А мне сказали, что можно зарегистрироваться здесь.

— Прием багажа на этой стойке уже закрыт. Регистрация идет в терминале номер два.

— Мне нужно как можно скорее попасть на посадку, — объяснил Джастин, махнув рукой в сторону табло.

— Противообледенительная обработка в аэропорту Кимпхо всегда проходит очень быстро.

— Как же мне попасть в терминал номер два? — спросил Джастин. От столкновения со знакомой бессмысленностью процедур сердце тревожно колотилось в груди. Все пошло не так.

— Это совсем недалеко, никаких проблем, — заверил молодой человек и махнул специальной указкой в сторону дальних дверей. — Пройдите туда и сядьте на автобус-шаттл номер семь до спутникового терминала. Очень просто, — и он вновь застучал по клавиатуре, скрытой под столешницей, а потом сообщил: — Рейс «Сингапур Эйр» в Бомбей немного задерживается. На один час. Очень удачно — у вас еще масса времени.

Вот купон на бесплатный напиток в одном из наших баров. Аэропорт Кимпхо желает вам удачного дня!

Джастин поспешил прочь, чувствуя, как перед глазами все плывет, а в ушах отдается стук сердца. Он старался избегать других пассажиров, но теперь не сворачивал в сторону и время от времени в кого-то врезался, отводя глаза и на ходу бормоча извинения. Завидев указатель в направлении терминала номер два, Джастин прибавил шагу, несмотря на тяжесть в ногах и боль в пояснице.

Он толкнул стеклянную дверь, рассчитывая очутиться в терминале номер два, однако на это ничто не указывало, и на стойках регистрации не наблюдалось значков «Сингапур Эйр». Стараясь не поддаваться панике, Джастин сделал два глубоких вдоха, чтобы унять сердцебиение, медленно двинулся к ближайшей стойке и тут увидел небольшое информационное табло, сообщавшее, что это терминал номер два и пассажирам спутникового терминала следует пройти регистрацию на стойке номер двадцать — в дальнем конце зала.

По телу прокатилась волна облегчения. Он поспешил к стойке номер двадцать и встал тре-

тьим в очереди, пытаясь дышать ровнее. Голова кружилась от тревоги.

Наконец подошла его очередь, и Джастин протянул женщине за стойкой свой билет и паспорт. Все прошло гладко. Женщина выдала ему посадочный талон с номером места, предупредила, что крупный багаж можно сдать только в спутниковом терминале, и наклеила на ручку чемодана ярко-оранжевую флуоресцентную бирку, на которой большими черными буквами значился код аэропорта назначения: «ВОМ».

— Выходите к гейту двадцать два-би в спутниковом терминале, — сказала женщина, не глядя на Джастина. — Найти его очень просто — никаких проблем. Дальше все будет автоматически. Багаж можете взять в автобус.

— Автобус-шаттл номер семь? — уточнил Джастин.

— Да, для вас все оформлено, — подтвердила женщина, постукивая специальной указкой по посадочному талону.

— А как же погода? Автобус не задержится?

— Не задержится. Аэропорт Кимпхо — номер один по удовлетворенности пассажиров шаттлов.

— Где я могу сесть на автобус? — спросил Джа-

стин, забирая документы.

— На автобусной станции. Это недалеко от терминала, легко дойти пешком. — И женщина указала на выход из терминала. За стеклянными дверьми бушевала метель. Небо затянули тяжелые темные тучи, на подоконниках и вокруг колонн уже намело сугробы. Женщина взглянула на монитор. — У вас еще много времени. Следующий шаттл отходит через тридцать пять минут.

— Вы имеете в виду автобус-шаттл номер семь? — уточнил Джастин.

— Верно.

— Мне нужно оказаться в спутниковом терминале раньше. Есть ли другой маршрут?

— До спутникового терминала доставляет автобус-шаттл номер три, он отходит через пять минут.

— Тогда я сяду на него.

— Автобус-шаттл номер три предназначен только для пассажиров внутренних рейсов. Но до спутникового терминала недалеко пешком — добраться очень просто, никаких проблем. — И женщина указала на дверь у себя за спиной, где было четко написано «В спутниковый терминал».

Джастин поблагодарил и, подхватив чемодан

и куртку, поспешил к двери. За ней обнаружился бесконечно длинный ярко освещенный коридор.

Поначалу Джастин двигался в толпе других пассажиров. Некоторые спешили на посадку или шли налегке и едва ли не бегом обгоняли остальных. Прочие шагали медленно, особенно люди с младенцами или несколькими детьми. Таких Джастин обгонял сам, и постепенно толпа вокруг поредела.

Этот коридор, как и другие, был устлан безумно ярким ковролином, только с другим узором — из линий и геометрических фигур, то переплетающихся, то тянущихся друг рядом с другом, то расходящихся концентрическими кругами. Несмотря на кажущуюся произвольность их расположения, узор повторялся, сливаясь в сводящую с ума последовательность, от которой невозможно было отвести взгляд.

По стенам висели все те же билборды с подсветкой, однообразные в своей попытке соблазнить пассажиров зрелищами синих морей, пляжей с пальмами, горнолыжных трасс, полутемных дискотечных залов, богато сервированных ужинов, красивых юношей и девушек в бассейнах, казино с мужчинами в смокингах и женщинами в вечерних платьях — и все это по кругу, по кругу.

А Джастину просто хотелось очутиться наконец в Бомбее. Он не представлял, как выглядит город и те места, где предстояли встречи с людьми, известными ему лишь по имени, — режиссером болливудских мюзиклов и двумя актерами, которые в Индии славились не меньше, чем иные голливудские звезды, но были почти не знакомы мировой аудитории.

Устав тащить чемодан, Джастин взглянул на часы. Если рейс действительно задерживается, то можно немного передохнуть. Он зашел в ближайший туалет, умылся холодной водой, побрызгал на голову и сменил пропотевшую рубашку на свежую, которая после обыска и переукладки чемодана лежала сверху. С удовольствием напившись из фонтанчика, Джастин наполнил пластиковую бутылку и вернулся в коридор, где обнаружил себя почти в полном одиночестве — другие пассажиры ушли далеко вперед.

Он снова заволновался, что опаздывает на рейс: даже если тот задержался на час, посадка должна была вот-вот начаться. Впрочем, посадка на загруженный межконтинентальный рейс всегда тянется долго, а значит, вполне реально успеть в конец очереди. Долго ли еще идти?

Коридор тянулся бесконечно. Подстегнутый

тревогой, Джастин ускорил шаг, однако спина и ноги скоро дали о себе знать. В унынии и апатии он медленно двигался вперед, не отрывая взгляда от жуткого ковролина. Минуты текли. Ковролин словно двигался под ногами, гипнотизируя однообразием яркого узора, рекламные объявления загорались и гасли, будто вспышки фотокамер. Время от времени попадался потухший билборд, и это всякий раз заставляло оторвать взгляд от пола.

Джастин шел, и шел, и шел, пока не понял, что это безнадежно — на посадку не успеть. Тогда он сдался, выронил куртку, отпустил чемодан, и тот повалился на бок, упершись ручкой в стену. Джастин присел на корточки, вымотанный и деморализованный. В глазах плыло, воздуха не хватало.

Он напился из бутылки, разыскал в рюкзаке подтаявшую шоколадку, съел несколько кусочков. Сахар немного подкрепил силы, и Джастин уселся поудобнее, вытянув ноги. На противоположной стене висел один из опостылевших билбордов с рекламой парижского ресторана, якобы примечательного блюдами из морепродуктов, — классический интерьер со стенными панелями темного дерева, импрессионистская

живопись, четыре симпатичных молодых человека за столом, заставленным блюдами с устрицами, лобстерами, раками, крабами, мидиями, соусами и салатами. В руках молодые люди держали бокалы с белым вином, рядом стоял сияющий метрдотель, гордясь идеальной сервировкой и прекрасными посетителями. Джастин бессчетное количество раз проходил мимо этой эпикурейской картины и возненавидел изображенных на ней людей, а теперь они торчали прямо перед носом.

Немного отдохнув, он вынул из чемодана стопку чистой одежды, соорудил из нее подушку и укрылся курткой. Ковролин под боком давал мягкую опору и больше не терзал разум своим безумным узором. Джастин провалился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся он в той же позе, в какой засыпал. Наручные часы показывали, что прошло семь или восемь часов. Джастин протер глаза, встал, потянулся, убрал вещи в чемодан и защелкнул замок. Заслышав шум, он оглянулся в ту сторону, откуда пришел. Вдали виднелась огромная толпа пассажиров — пока еще крошечных, но стремительно приближающихся фигурок. Охваченный иррациональным страхом захлебнуться в люд-

ской волне, он схватил куртку, рюкзак и потащил за собой упирающийся чемодан.

Впереди брезжил свет. Джастин заметил его сразу, как проснулся, и поначалу принял за свечение бесконечных рекламных билбордов, а теперь понял, что это яркий и прозрачный свет солнца. Коридор подходил к концу — впереди ждал свежий воздух.

С каждым шагом становилось все жарче. Джастин, освеженный сном, шагал бодро. Неожиданно ковролин сменился бетонной плиткой, колесики чемодана весело застучали, и Джастин вышел под палящее солнце.

Он очутился на крыше длинного терминала, на смотровой площадке. Вдоль ограждений выстроились деревянные скамейки под небольшими навесами, над головой высились мачты сигнальных огней. Тут и там группками стояли люди, вглядываясь в даль. Справа, слева и внизу расстилался аэродром. Горизонт терялся в знойном мареве.

Пахло керосином, шумели двигатели. Со своего места Джастин видел высокие хвостовые стабилизаторы крупных авиалайнеров, припаркованных на площадке перед терминалом. Немного поодаль стояли еще несколько самоле-

тов, два других медленно выезжали на взлетную полосу. «Боинг-747» с выпущенными шасси зашел на посадку и с мнимой легкостью приземлился. От раскаленного на солнце бетона волнами шел жар.

У ограждения стояла одинокая девушка. Ветер задувал волосы ей в лицо, а она смотрела на самолеты и оглядывалась всякий раз, когда за спиной кто-то проходил. Их с Джастином взгляды встретились, и его охватило иррациональное желание познакомиться поближе. Мгновение спустя девушка, отбросив волосы с лица, отвернулась, и наваждение рассеялось, забрав с собой все варианты неслучившегося будущего.

На другой стороне площадки стоял мальчик и тоже смотрел на девушку. Его родители не обращали внимания.

Мимо Джастина прошел, задев его, высокий худой мужчина со спутанными немытыми волосами — резко очерченные скулы, непроницаемые темные очки.

Толпа пассажиров, напугавшая Джастина, постепенно вылилась на площадку. Все шли в одном направлении — к высокому зданию из стекла и бетона. Некоторые были одеты в деловые костюмы, большинство — в футболки и

свободные брюки, многие женщины в сари.

Большое табло впереди гласило: «Паспортный контроль — подготовьте документы». Текст повторялся на нескольких европейских языках, а также на хинди или гуджарати, который Джастин узнал, хотя не мог прочесть.

Он сунул руку в рюкзак в поисках паспорта. Тот лежал на своем обычном месте, а вот смятый посадочный талон и билет обнаружились в кармане куртки, и Джастин не помнил, как они туда попали. С ручки чемодана свисала большая оранжевая бирка с буквами «BOM».

Нащупав в кармане незнакомый комок смятой бумаги, Джастин вынул его и с недоумением уставился на бумажную салфетку с логотипом «Сингапур Эйр». Он отступил в сторону, разгладил бумагу и внимательно ее осмотрел. Ошибки быть не могло. Озадаченный, Джастин аккуратно сложил салфетку и сунул в карман.

Над смотровой площадкой пролетел большой самолет, и многие пассажиры, заслышав рев двигателей, инстинктивно подняли головы. Лайнер круто разворачивался, вероятно, чтобы не лететь над главными взлетно-посадочными полосами. Другой самолет выехал на полосу, готовый к разгону.

Внезапно Джастин заметил, что помимо рюкзака и чемодана несет на плече незнакомую сумку из плотной темно-синей ткани с логотипом «Сингапур Эйр». Расстегнув замок, он обнаружил внутри карточку, гласившую: «Надеемся, что сегодняшний перелет рейсом “Сингапур Эйр” доставил вам удовольствие. В знак благодарности примите эту сумку с небольшими подарками. Купон, прикрепленный к этой карточке, дает вам право приобрести на борту самолета “Сингапур Эйр” любые продукты Lancôme® за полцены при следующем перелете».

В сумке лежал прозрачный пакет с зубной щеткой, маленьким тюбиком зубной пасты, белым полотенцем для лица, карманной расческой и двумя кусками мыла в бумажной обертке — все с логотипом авиакомпании. Еще внутри лежали пачка бумажных платочков, маски для лица и крошечный целлофановый конвертик с берушами. На дне сумки обнаружилась его «Нокия», хотя Джастин не помнил, чтобы ее туда клал. Телефон был разряжен.

Влившись в толпу, Джастин вошел в терминал, отстоял длинную шумную очередь и наконец получил разрешение на въезд в Индию. Из отеля позвонил Мэтти и сообщил, что добрался благо-

получно. Они проговорили несколько минут по дорогущей линии с шумными помехами. На следующий день Джастин встретился с индийским кинорежиссером.

Мировое турне продолжалось.

Глава 22

Хэнкс в ожидании
«Терминал»
(2004 г., реж. Стивен Спилберг)
Рецензия Джастина Фармера

В 1988 году иранец по имени Мехран Карими Нассери прибыл в аэропорт Шарль де Голль близ Парижа после депортации из лондонского аэропорта Хитроу, где не прошел паспортный контроль, поскольку не имел при себе паспорта. Он называл себя беженцем и отказывался возвращаться в Иран, утверждая, что по материшотландке наполовину британец, а документы потерялись или были украдены в пути. Британские чиновники отправили Нассери обратно во Францию, откуда он прилетел. Хотя возвращение в парижский аэропорт само по себе являлось законным, въехать во Францию, равно как и в любую другую страну, он не мог, поэтому обосновался в транзитной зоне терминала номер один. И по сей день Нассери безвыездно живет в аэропорту без паспорта, любого другого удостоверения личности и легального статуса, застряв в

переходном состоянии вечного ожидания.

История Нассери легла в основу французского фильма «Упавшие с неба» (1994 г.) режиссера Филиппа Льоре с Жаном Рошфором в главной роли, а теперь этот сюжет с голливудским размахом экранизировал Стивен Спилберг. «Терминал», в отличие от фильма Льоре, скорее всего, будут смотреть по всему миру.

Как Жак Тати не сумел найти подходящее офисное здание для съемок фильма «Время развлечений» (1967 г.), так и Спилбергу не удалось договориться ни с одним аэропортом. Присутствие огромной съемочной команды и многочисленного оборудования, не говоря уже об актерах и многосотенной массовке, парализовало бы работу любого терминала. Как и Тати, Спилберг выстроил специально для съемок целый терминал внутри огромного ангара, где раньше ремонтировали самолеты «Боинг-747». В отличие от Тати, Спилберг на этом не разорился.

Обоими режиссерами владела одна и та же идея: воссоздать нейтральное, отчужденное пространство аэропорта, где все приходят и уходят, никто не задерживается надолго и каждый стремится очутиться в другом месте, а некоторые (или по крайней мере один человек) застревают

навсегда.

Особая атмосфера становится непризнанным героем фильма. Копия терминала аэропорта имени Джона Кеннеди, выстроенная Спилбергом, неотличима от настоящей. Зритель принимает ее за подлинник и, возможно, даже «узнает» аэропорт, в котором побывал, или вспоминает десятки других похожих. Но если Тати изображал леденящую абстрактность и сюрреализм современной архитектуры, чуждой всему человеческому, три десятка лет спустя Спилберг и его художник-постановщик Алекс Макдауэлл, наоборот, создали уютное безопасное место, пригодное для жизни. Все вывески на английском языке, мелькают популярные бренды, есть магазины, рестораны быстрого питания, кофейня «Старбакс», книжный магазин и бутик модной одежды — настоящие, чтобы члены съемочной группы могли в перерывах пообедать в «Бургер Кинге» и полистать книги в «Бордерз»[17]. Желая поразить девушку, наш бездомный беспаспортный пассажир покупает дизайнерский костюм «Хуго Босс». Трудно вообразить себе что-то более

[17] Примечания: 17

«Бордерз» (Borders) — крупная сеть книжных магазинов в США, а также Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Прекратила существование в 2011 году.

далекое от концепции Тати. Впервые, пожалуй, мы оказываемся в аэропорту, где жизнь течет как обычно и можно даже с удовольствием провести время.

Роль Нассери исполнил Том Хэнкс, любимец публики и весьма кассовый актер. Его возлюбленную играет красавица Кэтрин Зета-Джонс. Героев окружают сотрудники аэропорта, которые поначалу выглядят злокозненными врагами, однако вскоре по-диснеевски оказываются забавными бестолковыми союзниками: уборщик, который специально оставляет лужи на кафельном полу, чтобы посмеяться над падающими людьми; влюбленный водитель автобуса; толстый охранник; сотрудник службы по вопросам иммиграции, любящий в свободное время наряжаться в костюмы из «Звездного пути» и ездить на конвенты. Все они исполняют комедийную успокоительную функцию. Единственный персонаж, отдаленно напоминающий врага этих милых людей, — руководитель терминала, которого весьма эмоционально играет Стэнли Туччи. И даже он — вовсе не страшный, честный человек, который много трудится, соблюдает законы и справедливо обращается со своими работниками.

Время от времени веселье уступает место серьезности, очень часто звучит слово «ждать». Терминал аэропорта подается не как зона прибытия и отбытия, а как территория ожидания. Мы узнаем, что Виктор Наворски (герой Хэнкса) провел в аэропорту уже девять месяцев, дожидаясь освобождения. И хотя заключение его реального прототипа, Нассери, длится гораздо дольше, девять месяцев — все равно большой срок, даже когда под боком есть неиссякаемый источник чизбургеров.

Мы видим, как Виктор Наворски действует, но можем лишь догадываться о его бесконечном закадровом блуждании по магазинам и коридорам в тщетных попытках развеять скуку. Новые друзья Хэнкса со временем не растут и не меняются: они тоже ждут его освобождения, пойманные в ловушку судьбой этого милого заложника, над которой не имеют власти.

Найдя наконец выход из положения, Том Хэнкс покидает не только терминал, но и своих товарищей. Это могло бы стать настоящей драмой, однако «Терминал» — позитивный фильм с просчитанным хеппи-эндом. Друзья Хэнкса вместе с толпой других наблюдателей умильно хлопают в ладоши, когда он выходит на свободу. Покидая

аэропорт, большинство реальных пассажиров тоже испытывают удовольствие или, по крайней мере, облегчение, и все же здесь радость слишком бурная. Говорят, Нассери заплатили четверть миллиона долларов за право на использование его истории. Наверное, это его порадовало, хотя не изменило его положения. Нассери по-прежнему дожидается документов, которые дали бы ему право покинуть терминал номер один аэропорта Шарль де Голль.

Джастин Фармер,
«Нью Стейтсмэн»,
24 сентября 2004 года

Глава 23

По не вполне понятной причине путешествие в Австралию началось с короткого перелета из лондонского Хитроу в Париж — видимо, организаторам фестиваля так было выгоднее. В Париже предстояла пересадка на рейс «Эйр Франс», а потом еще одна в Сингапуре. В турагентстве заверили, что для пересадки в Париже достаточно будет перейти от одного гейта к другому в том же терминале, это простая рутинная процедура, а дальнейшее путешествие пройдет с комфортом и без перерывов.

Технически так оно и было, только терминал аэропорта Шарль де Голль оказался огромным, как целый город в миниатюре. Долгий путь из одного конца грандиозного здания в другой позволил Джастину в полной мере ознакомиться со всеми закоулками унылого лабиринта из стекла и бетона, изуродовавшего сельскую местность к востоку от Парижа. На борт самолета, летящего в Сингапур, он взошел с облегчением, оттого что жуткий терминал остался позади.

Через полтора дня Джастин был уже в Мель-

бурне. Из прохладной европейской весны он попал в жаркое австралийское лето, чему немало обрадовался.

В последние тридцать часов — с момента вылета из Парижа, на протяжении долгого ожидания в Сингапуре и вплоть до успешного прохождения пугающе сложного таможенного контроля в Мельбурне — Джастин почти не спал. Время от времени ему удавалось расслабиться и ни о чем не думать, однако на полноценный отдых это не тянуло. Полет казался бесконечно длинным, а после посадки почти мгновенно схлопнулся до одного плохого воспоминания. Идя по зоне прибытия мельбурнского аэропорта, Джастин чувствовал бодрость и в то же время нереальность происходящего, точно во сне.

Он остановился, чтобы отправить Мэтти смс — они время от времени переписывались, и та просила, чтобы Джастин сообщал всякий раз, как благополучно прибывает на место. Сама Мэтти была уже в Мельбурне — прилетела из Великобритании на неделю раньше, чтобы провести время с отцом. Ее родители переехали в Австралию в конце 1960-х. Мать около десяти лет назад умерла, а отец, Дэн, здравствовал по сей день и для своих восьмидесяти оставался довольно бодр.

Жил он на северо-востоке Мельбурна в пригороде Бандура, неподалеку от университета, в котором раньше преподавал.

На выходе из терминала Джастина встретили два молодых человека: один держал большой плакат с надписью «ДЖАСТИН ФАРМЕР», а второй — палку с табличкой, на которой был изображен логотип с подписью «Международный фестиваль фэнтезийных фильмов в Сент-Килде». Молодые люди тепло поприветствовали Джастина, приняли багаж и усадили на переднее сиденье в машине.

По пути они вежливо расспрашивали его о полете и самочувствии, взахлеб перечисляли имена других гостей и спикеров, рассказывали, кто уже приехал и когда ожидаются остальные. Прозвучало имя кинобиографа Матильды Линден; Джастин и бровью не повел.

Молодые люди сообщили, что накануне прилетел американский режиссер Спенсер Ховат и его ассистенты — предмет особого интереса для организаторов фестиваля и повод для непрестанных запросов на интервью со стороны всевозможных СМИ. Беспокойство вызывало то, что по дороге

пропал экземпляр его нового фильма «SATOR[18]: смысл». Ожидалась замена от студии, а если та не придет в срок, фестивальный комитет планировал позаимствовать прокатный экземпляр у австралийских дистрибьюторов, которые получили его еще на минувшей неделе. Первый настоящий кризис, грозивший сорвать фестиваль, одновременно и тревожил, и будоражил организаторов.

Сам Ховат, который теперь отсыпался в отеле после смены часовых поясов, не слишком переживал по поводу пропажи. «Полный дзен!» — с восторгом заявили спутники Джастина. Тот, страдая, как и Ховат, от джетлага, тоже был близок к полному дзену и лениво подумал, что проблема с фильмом как-нибудь решится сама. Он глядел на дорогу сквозь красноватую пелену сонного тумана и радовался тому, что больше не летит, эти забавные энтузиасты вовремя за ним приехали, а впереди ждет отдых в отеле.

В кармане завибрировал телефон: Мэтти писала, что рада его благополучному прибытию,

---

[18] Примечания: 18

SATOR — палиндром из латинских слов «SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS», которые обычно помещаются в квадрат так, чтобы читаться одинаково во всех направлениях. Известен со времен античности. В древности ему приписывались магические свойства.

любит и ждет завтрашней встречи. Джастин попытался ответить, но телефон выскользнул из непослушных пальцев, и, наклонившись, он с трудом распрямился обратно.

Его спутники (Берни и Гарри или Харви — Джастин не запомнил и не представлял, кто из них кто) перечисляли конкурсные фильмы, предлагали заехать куда-нибудь перекусить и выпить пивка, показывали мельбурнские достопримечательности за окном, а он боролся с застилавшей взгляд пеленой и наблюдал неприятный феномен: если смотреть на что-то дольше пяти секунд, то оторвать глаза потом очень трудно.

Снаружи было жарко и солнечно. Мельбурн производил впечатление красивого современного города, однако виды за окном мелькали слишком быстро. В ответ на банальное замечание по поводу хорошей погоды кто-то из спутников откликнулся: «В Мельбурне погода меняется без предупреждения. Мы всегда говорим: если не нравится погода, просто подождите минутку».

Джастин что-то ответил и тут же забыл что. О каких фильмах они говорили?.. Почему обсуждали погоду?.. Он снова уронил телефон. Язык во рту еле ворочался, в глазах плыло.

Его привезли в огромный современный кон-

ференц-центр с собственным отелем. Повсюду висели баннеры и флаги фестиваля. Джастин заметил в фойе людей, которых, возможно, знал, но не нашел в себе сил подойти. Очутившись в номере, он сразу разделся, с благодарностью рухнул в кровать и провалился в сон.

Проспал он до следующего полудня и пробудился с переполненным мочевым пузырем, терзаемый чудовищной жаждой и звериным голодом. На телефоне ждали пять сообщений от Мэтти. Джастин написал ей и спустился вниз, чтобы поесть. Встретились они вечером на фестивале.

Официальное открытие состоялось на следующий день в большом помещении, которое служило одновременно танцполом, залом заседаний и банкетным залом. Из широких окон открывался панорамный вид на залив.

Церемония прошла несколько сумбурно: прибыли еще не все приглашенные гости, члены жюри и спикеры; те, кого заселили в дополнительный отель, не могли найти свои номера; а самое главное, не явился Спенсер Ховат, что огорчило организаторов больше всего. Он прислал вместо себя двух ассистентов, но это, конечно, было не то. Ассистенты объяснили, что

мистер Ховат отправился в центр Мельбурна, чтобы договориться с одним из дистрибьюторов о возможности использовать прокатный экземпляр фильма «SATOR: смысл».

Мэтти была назначена председателем конкурсного жюри как автор бестселлера «Чорри» — биографии недавно скончавшегося культового режиссера Кейта «Чорри» Чористона, вышедшей в прошлом году. Чористона горячо почитали поклонники ужасов и мистики, так что книга Мэтти пользовалась успехом. Когда члены комитета запоздало поняли, к своему вящему смущению, что Мэтти с Джастином пара, его тоже пригласили участвовать в фестивале — вести интервью с кем-то из знаменитостей. Джастин не знал, когда и с кем, а пока с удовольствием ходил на кинопоказы. Ему нравилось в Австралии и ничуть не жаль было играть при Мэтти вторую скрипку.

На церемонии открытия организаторы объявили о сюрпризе: особенным гостем фестиваля стала Тедди Смайт. Один из членов комитета вывез ее на сцену в инвалидной коляске и остановил под светом софитов. Тедди в красивом платье сидела очень прямо и почти не изменилась с тех пор, как Джастин брал у нее интервью, только отросли серебристые волосы. Зрители вежливо

зааплодировали.

— Ты знала, что Тедди будет на фестивале? — шепнул Джастин.

— Нет, — откликнулась Мэтти, — а ты?

— Здесь Спенсер Ховат — видно, поэтому ее и пригласили. Кто-то из организаторов, наверное, связал ее имя с Ховатом.

— Думаю, это уже для всех очевидно. Надо будет с ней встретиться.

Аплодисменты иссякли довольно быстро — видимо, не все из присутствующих знали, кто такая Тедди Смайт. Остаток церемонии она провела на сцене за спинами членов комитета, спокойно улыбаясь в лучах софитов своей неизменной полуулыбкой. Джастин, не отрываясь, смотрел на нее и чувствовал прилив нежности.

Сразу после церемонии открытия, которая представляла собой длинную череду вступительных речей, доносившихся через плохие динамики, показывали первый из конкурсных фильмов. Мэтти и Джастин отправились в превосходно оборудованный кинозал на подземном этаже, где также планировалось проводить пресс-конференции и интервью со звездами. Первым шел нидерландский бандитский фильм с элементами фэнтези (результат сражений зависел от могуще-

ственного мага). В кадре было много жестокости, а игровые сцены выглядели неубедительно. Джастин, как всегда, нацарапывал в темноте заметки на листовке с именами актеров и членов съемочной группы. Мэтти тоже делала заметки — в телефоне после сеанса.

Потом они поужинали вместе с двумя членами жюри — молодым режиссером из Польши, который снял в прошлом году необычный и весьма успешный фильм о вампирах, и австралийской актрисой Бриджит Макуилсон. Та недавно попала в мир кровавых хорроров — два года назад снялась в фильме о том, как компания светских львиц отправляется в лес, где рыщет маньяк-убийца, — и смешно рассказывала, какие глупости заставлял их делать неопытный сценарист-режиссер. В прокат фильм так и не вышел.

Потом все пошли смотреть вторую конкурсную ленту — полнометражный ирландский мультфильм о приключениях лепрекона. Джастин, еще не оправившийся от джетлага, заснул на середине и ничего не записал, но сохранил листовку. Сразу после сеанса они с Мэтти отправились спать.

На следующее утро, идя к лифту, они встретили Тедди — ее вез в инвалидной коляске один из членов комитета, не то Берни, не то второй из

тех двоих, что встретили Джастина в аэропорту. Они посторонились. Тедди смотрела в пол. Когда Джастин пожелал доброго утра, она взмахнула рукой, не поднимая головы, и дрожащим голосом произнесла: «Здравствуйте…»

Зайдя в лифт, Мэтти и Джастин озадаченно переглянулись. Он пожал плечами.

— Может, она нас не узнала.

— А может, наоборот узнала.

— Напомни, как зовут паренька, что ее вез? Ты с ним знакома?

— Это Харви Хантинг, член фестивального комитета. Отвечает за то, чтобы члены жюри посмотрели и как следует обсудили все фильмы. Заканчивает Университет Канберры по специальности «грамматика и структура фильма».

— Эксперт по теории кино, значит.

— Пока нет, но скоро, вероятно, будет. Он славный парень, приятный в общении.

После завтрака состоялась пресс-конференция с режиссером-продюсером нидерландского бандитского фильма и двумя актерами. Потом Джастин и Мэтти отправились смотреть следующий конкурсный фильм — независимую американскую картину о роботе, который осознал себя как личность и с удовольствием

предался мести. Следом еще два фильма, обед, третий фильм, ужин, четвертый фильм.

На следующий день Джастин не пошел с Мэтти на два конкурсных фильма, поскольку уже видел их в Лондоне, и вместо этого посмотрел два внеконкурсных, один из них — на DVD у себя в номере. Они встретились с Мэтти на очередной пресс-конференции, а после решили выпить мартини на террасе с видом на залив. Конференц-центр располагался на побережье, террасу заливало теплое солнце, и многие гости фестиваля плескались в бассейне.

Когда Джастин и Мэтти пришли на террасу, Тедди Смайт была уже там — в инвалидной коляске за столиком спиной к ним. На столе стоял микрофон, лежали книги и газеты. Двое журналистов расспрашивали Тедди — издалека не было слышно о чем, но та качала головой, отворачивалась и опускала голову. Один из журналистов, откинувшись на стуле, саркастически расхохотался. Тедди отодвинула коляску, встала, придерживаясь за подлокотник, и развернулась, чтобы уйти; заметно было, что она нетвердо стоит на ногах. Бросив взгляд на Мэтти, которая внимательно наблюдала за этой сценой, Джастин поднялся, готовый прийти Тедди на помощь. В этот момент

один из журналистов произнес что-то примирительное, и та опустилась на место. Интервью продолжилось.

Джастин и Мэтти дожидались, когда разговор закончится, чтобы подойти и поздороваться как следует, однако Тедди и журналисты, видимо, нашли общий язык, а Мэтти спешила на следующий фильм — аргентинское фэнтези. Джастин слышал о нем много хорошего и решил тоже посмотреть.

В кинозале стояла прохлада, по ногам гулял сквозняк от кондиционера, и они с тоской вспоминали о солнечной террасе.

На следующее утро по дороге в кинозал, где Мэтти смотрела конкурсные короткометражки, Джастина остановил Берни Уильямсон и спросил, сможет ли тот провести днем интервью со Спенсером Ховатом. Джастин удивился — о таком его не предупреждали, и он до сих пор не знал, с кем ему предстоит разговаривать. Берни объяснил, что первоначально планировалось отложить интервью с Ховатом до конца фестиваля, когда должен был состояться первый открытый показ его фильма «SATOR: смысл», однако режиссеру требуется срочно вернуться в Лос-Анджелес, и он вылетает частным самолетом сразу после

интервью.

— Я еще не видел его новый фильм и ничего о нем не знаю, — признался Джастин.

— Никто не видел — он под эмбарго. Но ассистенты мистера Ховата подготовили список вопросов, на которые тот готов ответить.

— Мне не нравится, когда человек, с которым я разговариваю, заранее знает вопросы.

— Нам сказали, что этот список носит рекомендательный характер. Вы ведь видели другие его фильмы?

— Разумеется, я смотрел все премьеры и посвятил Ховату большую главу в одной из своих книг.

— Знаю. Мы так и думали, что вы хорошо подготовлены. Вы сможете сами выбрать вопросы или задать свои собственные — решение за вами.

— Хорошо, — согласился Джастин.

— Временная штаб-квартира мистера Ховата находится на пятом этаже, в представительском люксе. Его люди уже ждут. Интервью начнется после обеда, в два часа дня. Мистер Ховат присоединится к вам на сцене. Нас попросили, чтобы вы были готовы начать ровно в два — мистер Ховат очень ценит пунктуальность.

Время уже шло к часу.

— Могу ли я заранее встретиться с ним в неформальной обстановке?

Тут у Берни зазвонил телефон, и он отвернулся, чтобы ответить.

Джастин двинулся к лифтам. Ни один не шел до пятого этажа. Сотрудник конференц-центра подсказал, что нужно воспользоваться частным лифтом, притаившимся в углу фойе, и прошептал на ухо секретный код доступа.

Стремительно возносясь на пятый этаж, Джастин даже не успел толком разволноваться от предстоящей встречи с одним из самых влиятельных голливудских продюсеров и режиссеров. Двери с тихим шелестом разъехались, и Джастин неожиданно очутился в атмосфере оживленной редакции крупной городской газеты. В помещении стоял неумолчный шум, с потолка лился яркий свет, стояли продуманными рядами рабочие столы, на них — ноутбуки или огромные мониторы, подключенные к компьютерам. За каждым столом кто-нибудь сидел и стучал по клавишам; почти у всех на голове были гарнитуры для разговора с кем-то по ту сторону микрофона.

Вдоль стены стояла батарея телевизоров. На большинстве из них показывали новости американских телеканалов, на одном — мультфильм

с выключенным звуком. То и дело мелькали сцены насилия — и в новостях, и в фэнтезийном аниме; на них никто не смотрел. Рядом находилась игровая зона с тремя приставками, за двумя из которых кто-то играл; из колонок неслась электронная музыка. В помещении имелись автоматы по продаже воды и чая со льдом, газировки, шоколадок, протеиновых батончиков, охлажденных салатов, напульсников, головных повязок, флешек, зарядок, кепок и толстовок. На одной из стен висела баскетбольная корзина. В дальнем конце длинного зала стояли тренажеры, беговые дорожки и велосипеды. Сквозь опущенные жалюзи виднелась большая спутниковая тарелка, установленная на балконе.

Джастин остановился у дверей лифта, не зная, что делать дальше. Никто не обращал на него внимания. Оглядываясь, он с интересом обнаружил, что в огромном зале нет ни клочка бумаги — ни газет, ни журналов, ни книг, ни бумажных документов на рабочих столах.

Наконец его заметил коротко стриженный молодой человек в пропотевшей спортивной форме, с повязкой на голове и белым полотенцем через плечо. Подошел, на ходу утирая лицо, и сказал:

— Привет! Вы насчет интервью? Я Ларри.

— Да. Я Джастин, — и он протянул руку. Ларри лишь мазнул по ней костяшками.

— Телефон при вас, Джастин? Одолжите на минутку?

Джастин протянул телефон, Ларри бегло осмотрел его и достал из заднего кармана свой, сложил два телефона экранами вместе, а потом вернул Джастину его мобильник в мокрых пятнах пота.

— Ну вот, теперь у вас есть вопросы для интервью. Можете задавать любые из них или сразу все, только никакой самодеятельности. Ни на какие другие вопросы мистер Ховат отвечать не будет, даже не пробуйте. Это ясно?

Джастин кивнул.

— Скажите «да», Джастин.

— Да, я понял, Ларри. Спасибо. — Джастин оглядел зал. — Мистер Ховат сейчас здесь?

— Он занят. Хотите ему что-нибудь передать?

— Я думал, нам стоит познакомиться перед интервью.

— Спенсер Ховат не любит знакомиться.

— Я хотел спросить его об участии Тедди Смайт в съемках «Молчаливого гения».

— Спенсер Ховат никогда не обсуждает свои старые фильмы.

— Ладно. Но я заметил Тедди Смайт среди го-

стей фестиваля.

— Впервые слышу. Надо проверить, кто это такой. — И Ларри легкой походкой пошел прочь между столами, где его кто-то перехватил для разговора.

Немного подождав, Джастин вернулся к лифту, набрал код доступа, и двери приветствовали его тихим шелестом.

Джастин решил посидеть на террасе и изучить вопросы, разрешенные Ховатом, — может быть, удастся выстроить интервью вокруг тех, что наиболее близки к его собственным интересам. До сих пор он встречал интервью с Ховатом только в печатной прессе и ни разу не видел, чтобы тот выступал по телевизору или на интернет-каналах. Тем не менее кинохиты Ховата, выходившие на протяжении двух десятилетий, изобличали в нем пытливый ум, здравомыслие и богатое воображение, поэтому Джастину хотелось как можно лучше использовать этот уникальный шанс и взять интервью, которое не пройдет незамеченным в мире кинематографа. Перспектива воодушевляла, а особенно интриговало то, что в фестивале участвует Тедди Смайт, — ведь Ховат говорил, что знает, кто она на самом деле.

Выйдя на террасу, Джастин сразу заметил, что

происходит неладное. Рабочие складывали столы, стулья, солнечные зонтики и уносили их в кладовую в углу террасы. Бар с коктейлями был закрыт ставнями. Люди поспешно выходили из бассейна, укутывались в полотенца и собирали вещи. Сотрудники конференц-центра следили за тем, чтобы на террасе никого не осталось.

К Джастину подошла женщина и попросила его вернуться в здание.

— А что происходит? — поинтересовался он.

— Прогнозируется буря, сэр. При снижении атмосферного давления до определенного уровня либо при усилении ветра гости обязаны укрыться внутри здания, а прогнозируется и то, и другое.

Джастин озадаченно уставился на синее небо, где не проплывало ни тучки — лишь далеко вдали громоздились глыбы белых облаков.

— Точно ли это верный прогноз? — спросил он.

— В Мельбурне апрель — погода может измениться за считаные минуты.

Женщина нетерпеливо взмахнула рукой, указывая на дверь, и Джастин повиновался.

Он устроился в кресле у окна, выходящего на террасу, и написал Мэтти, что в два часа будет брать интервью у Спенсера Ховата, а до тех пор можно пообедать вместе, если она свободна.

Потом открыл и прочел вопросы, переданные Ларри. Это не заняло много времени — их было всего три.

— Вот черт! — вслух произнес Джастин.

Глава 24

Из-за закрытия террасы в главном ресторане было людно, и Мэтти с Джастином взяли кофе и сэндвичи навынос, а потом он сразу отправился в конференц-зал. На сцене уже стояли два стула, столик и микрофоны. Работники, готовившие помещение к интервью, заверили, что Джастин им не помешает, поэтому он уселся на стул и принялся за свой сэндвич. Когда свернули киноэкран и вынесли звуковое оборудование, обнажилось закулисье — два деревянных ящика, моток провода, чемоданчик с инструментами и уходящая вверх металлическая лестница. Вскоре надо всем этим опустили занавес, чтобы создать интимную атмосферу.

Несколько раз включились и выключились софиты, нацеленные на сцену, Джастина попросили проверить звук, так что спокойно поразмыслить не удалось, да и в голове было пусто. Он быстро доел сэндвичи и теперь сидел, попивая кофе из бумажного стаканчика. Уши неожиданно заложило, как в самолете. Он сглотнул, чтобы их прочистить.

Предстоящее интервью пугало. Работники закончили подготовку и ушли, а Джастин остался, встревоженный и опечаленный. Зал начал заполняться. Тонкий ручеек зрителей постепенно превратился в поток, и уже без десяти два почти все места разобрали, а тем, кто пришел позже, оставалось лишь стоять. Мэтти заняла одно из зарезервированных кресел в центре первого ряда. Появилась Тедди Смайт в инвалидной коляске, которую толкал Харви Хантинг. Проезжая мимо, она даже не взглянула на Мэтти. Харви поставил коляску в конце ряда и заблокировал колеса. Тедди принялась оглядываться, и Джастин, вновь ощутив необъяснимое притяжение, специально посмотрел ей в глаза, надеясь на узнавание. Та никак не откликнулась.

Спенсера Ховата пока не было.

Джастин положил на стол наручные часы и время от времени на них поглядывал. Уши по какой-то необъяснимой причине вновь заложило. За три минуты до начала сверху донесся оглушительный раскат грома — сначала даже почудилось, что это звуковой спецэффект, однако знакомый звук, погромыхав, стих. Конференц-зал находился ниже уровня земли, и окон в нем не имелось.

Без двух минут два главные двери отворились, и в зал, по-военному чеканя шаг, вошли шестеро молодых людей. Один остался стоять у закрывшихся дверей, пятеро других выстроились вдоль сцены лицом к аудитории. Среди этих пятерых был и Ларри; сложив руки на груди, он неотрывно наблюдал за зрителями, словно телохранитель какого-нибудь политика.

Свет потух, над сценой зажглись проекторы, и в их лучах Джастин испытал острый приступ неловкости.

Ровно за минуту до начала интервью из колонок грянула знакомая музыка — знаменитый триумфальный марш из кульминации «Героев космоса», революционного научно-фантастического фильма, который Ховат снял, когда ему не было еще и тридцати. С первыми же звуками аудитория разразилась аплодисментами, многие в восторге повскакивали с мест. Джастин, до этой минуты парализованный страхом, тоже встал в радостном волнении — кто не любит «Героев космоса»!

Когда музыка достигла кульминации, откуда-то сверху на сцену вышел Спенсер Ховат, махая зрителям высоко поднятыми руками. По залу прокатился оглушительный рев восторга. Ховат

остановился в лучах центрального прожектора, продолжая улыбаться и махать.

Прогремел еще один удар грома, куда громче и внезапнее первого. Когда он стих, зрители продолжили кричать, свистеть и хлопать. Джастин сел, размышляя о том, что в кино гром сочли бы затертым до дыр клише. Впрочем, Ховата это, очевидно, не смущало — тот с наслаждением купался в восторженных воплях поклонников.

Наконец овация стала стихать. Ховат сел, и в этот момент прозвучал еще один громкий и долгий раскат грома.

В обычных обстоятельствах, ведя интервью на сцене, Джастин произнес бы несколько вступительных слов — выразил бы восхищение собеседником, перечислил его работы, награды или отзывы критиков. На этот раз продумать речь времени не было, да и Ховат так хорошо подготовил свое появление, что любые слова могли лишь испортить впечатление. Поэтому Джастин просто сказал:

— Спенсер Ховат, от всего сердца приветствую вас на кинофестивале в Сент-Килде!

— Спасибо, Джастин! Я большой поклонник ваших текстов. Мне нравится все, что вы пишете, и познакомиться с вами лично — невероятная

честь.

Зал вновь разразился аплодисментами, на этот раз недолгими. Джастин зачитал с экрана своего мобильника первый вопрос:

— Мистер Ховат, ваши фильмы славятся умелой игрой на экзистенциальном конфликте между недоверием к себе и лихорадочностью современного образа жизни. Могли бы вы подробнее изложить свой взгляд на эту неразрешимую, по мнению многих, дилемму?

— Какой интересный вопрос, Джастин! С удовольствием отвечу. Видите ли, я родился на маленькой ферме в Айдахо, где до ближайшего города больше часа езды. Мы были очень бедны. С раннего детства я привык наблюдать за движением звезд и сменой сезонов. Тайны природы поражали меня, любовь отца и матери побуждала обратиться мыслями к Создателю. Уже тогда я понимал, что держу в своих детских ручках ключ к высшей форме просветления, и…

Аудитория безмолвствовала. Над головой вновь прогремел гром.

На Ховате были ярко-синие спортивные шорты и футболка с его именем и фотографией актрисы, сыгравшей главную роль в его космических фильмах. На ногах плетеные сандалии, на голове

— ярко-оранжевая кепка с логотипом какой-то корпорации. Огромные солнечные очки с круглыми зеркальными линзами скрывали глаза и большую часть лица, делая выражение непроницаемым; на виду оставались лишь нос, рот да седеющая эспаньолка. Ховат был очень худ, сидел с нелепо задранными коленями и непрерывно жестикулировал тощими руками, при этом излучая всем телом непоколебимую уверенность.

Когда идеально отрепетированная речь Ховата близилась к концу, прозвучал очередной удар грома, самый громкий и страшный из всех — казалось, гремит прямо над залом, и многие зрители в тревоге закрутили головами.

— Спасибо, мистер Ховат, — сказал Джастин, чувствуя, что пора переходить к следующему вопросу. — Не могли бы вы рассказать, как работает ваша психика? Другими словами, что мотивирует вас, откуда вы черпаете свои уникальные грандиозные идеи?

— Как интересно, что вы об этом спрашиваете, Джастин! Думается, по мере своих скромных способностей я постиг бесконечную мудрость Господа и обрел жизненную миссию, к выполнению которой приступил…

Откуда-то донесся отчетливый рев, не похожий

на гром. Казалось, ломается, отрывается, падает или рушится что-то тяжелое, и гораздо ближе, чем в небесах. Пока Ховат вещал, Джастин оглядывался в поисках источника шума, однако из-за слепящего света софитов не мог ничего рассмотреть в темном зале и даже сидящих в первом ряду, включая Мэтти, различал с трудом. Они тоже оглядывались, встревоженные шумом.

Вслед за очередным ударом грома раздался куда более громкий и пугающий звук разрушения чего-то материального. Ховат не умолкал.

Внезапно все огни в зале погасли, и навалилась слепящая темнота. Аудиосистема умолкла, речь Ховата заглохла на полуслове. Тут же поднялся гул встревоженных голосов; некоторые вскрикнули. Шум снаружи становился все сильнее и ближе.

Через несколько мгновений зажглось аварийное освещение, залив зал мертвым холодным светом, стирающим тени. Над главным входом и аварийными выходами замигали яркие указатели. Зазвучала оглушительная сирена — нескончаемый электронный вой на двух нотах.

Почти все уже повскакивали с мест, оглядываясь в поисках выхода, многие проталкивались к дверям. Казалось, все кричат одновременно.

Справа от сцены, недалеко от того места, где сидела Мэтти, по стене мощным потоком стремилась вода, заливая зрительские кресла. Мэтти попыталась встать, упала под напором воды, с трудом поднялась. Джастин бросился ей на помощь.

В этот момент кусок стены рухнул, и в пролом с жутким ревом хлынула ледяная вода, смывая всех, кто оказался на ее пути. Грязный поток, кружа в водоворотах обломки конструкций, стремительно разливался по наклонному полу. Первый ряд кресел и все пространство перед сценой затопило. Люди карабкались по креслам, кто-то падал, другие отчаянно прорывались вперед, расталкивая окружающих локтями. Один из таких агрессивных зрителей потерял равновесие, упал спиной в грязную воду, с трудом поднялся и сердито пошлепал прочь.

На максимальной громкости прозвучало и повторилось на нескольких языках объявление:

— Немедленно покиньте здание. Это чрезвычайная ситуация. Это не учебная тревога. Как можно скорее проходите к аварийным выходам. Не торопитесь и не бегите. Помогите людям, которые не могут свободно передвигаться. Поднимайтесь по лестнице, не пытайтесь воспользоваться лифтом.

Напор воды усиливался, затапливая зал со всех сторон. Паника нарастала.

В хаосе наводнения Джастин и думать забыл о Ховате. Кое-как спустившись со сцены, он двинулся к Мэтти, подгоняемый бурным потоком воды и бьющимися о ноги обломками, которые то и дело грозили сбить его с ног. Мэтти уже тянула к Джастину руки. Встретившись, они крепко обнялись и на мгновение замерли.

Страшнее жуткого рева воды были крики сотен зрителей, пытающихся выбраться из зала. Уровень воды стремительно нарастал. Пространство перед сценой уже затопило, первые три ряда почти ушли под воду. Некоторых людей закружило в мощном водовороте, из которого они не могли вырваться.

— За сцену! — прокричал Джастин. — Там лестница!

Они с Мэтти устремились к ступенькам на дальнем конце сцены. Большинство людей двигалось им навстречу, кругом плавали, преграждая путь, забытые сумки и другие предметы. С трудом добравшись до конца первого ряда, они увидели поваленную набок инвалидную коляску Тедди, почти полностью ушедшую под воду. Рядом, лицом в воде, слабо барахталась женщина — ви-

димо, сама Тедди, — держась за металлическую ножку коляски в попытке встать. Ее зажало между упавшей коляской и последним креслом ряда, она насквозь промокла и была вся в грязи.

Наклонившись, Джастин подхватил ее под мышки, а Мэтти подняла ее голову. Тедди кашляла и задыхалась. Седые волосы облепили лицо, изо рта лилась грязная вода. Когда они подняли ее на ноги, Тедди закричала от боли. Потом ее вырвало водой. Инвалидная коляска застряла под зрительским креслом и не поддавалось. Бросив ее, они потащили Тедди прочь.

С ревом обрушилась еще часть стены, и в зал хлынула огромная волна грязной воды. Опасное течение несло еще больше обломков и мусора. Сцена пока не ушла под воду, однако ступеньки, ведущие к ней, были почти затоплены. Джастин и Мэтти с трудом вскарабкались по ним, таща между собой обмякшее мертвым грузом тело Тедди. Мокрая одежда затрудняла каждый шаг.

Добравшись до первой ступени служебной лестницы, они усадили Тедди. Та со стоном завалилась вперед, продолжая исторгать из себя грязную воду, кашлять и задыхаться. Джастин оценивающе взглянул на лестницу — двадцать пять или тридцать металлических ступеней с

перилами, таких узких, что подниматься придется по одному. Откуда-то сверху все лилась и лилась вода.

Мэтти шла первой, подтягивая за собой Тедди, Джастин толкал снизу. Вода прибывала с пугающей скоростью и мощью. Каждый шаг был мукой. Лишь чудом они добрались до конца лестницы и вышли на дневной свет.

За окнами бушевала буря, по всему зданию выли сирены. Катастрофа продолжалась.

Тедди Смайт увезли на скорой сначала в Праран, пригород Мельбурна, а потом перевели в больницу Святого Винсента в самом Мельбурне. У нее была вода в легких, тяжелые вывихи колена и бедра, многочисленные порезы и ушибы. Хотя из-за возраста ее состояние оценивалось как критическое, Тедди оказалась женщиной крепкого здоровья и быстро пошла на поправку.

В результате тропической бури, неожиданно обрушившейся на побережье мельбурнского залива, тяжело пострадали несколько сотен людей. Ураганный ветер, помноженный на резкое падение атмосферного давления и высокий прилив, вызвал огромную волну, смывшую все на своем пути. В Сент-Килде погибли шестьдесят шесть человек, двадцать три из них — участники кино-

фестиваля, в том числе пятнадцать зрителей из затопленного конференц-зала. Десятки человек пострадали в давке, некоторые позднее скончались в больнице от полученных травм. Мэтти и Джастин отделались порезами и ушибами, не требующими госпитализации.

По всему городу были повреждены или разрушены десятки зданий, сломаны сотни деревьев. Конференц-центр сделался непригоден для эксплуатации, хотя многие гостевые номера на верхних этажах не пострадали, поскольку находились в задней части здания. Представительский люкс разгромила гигантская спутниковая тарелка, которую ураганом втолкнуло с балкона внутрь. Все помещения первого этажа были разрушены, административные офисы, где работали сотрудники конференц-центра и располагался временный информационный центр фестиваля, затопило.

Вода полностью сошла лишь через три дня. Фестиваль досрочно завершился, и конференц-центр закрыли на реконструкцию.

Через восемь дней после бури Джастин и Мэтти взошли на борт самолета авиакомпании «Куантас», чтобы лететь до Лондона с пересадкой в Бангкоке. Тедди Смайт была вместе с ними.

Глава 25

Джастин, Мэтти и Тедди ждали в транзитной зоне — в терминале номер один аэропорта Шарль де Голль близ Парижа. Их заверили, что ожидание будет недолгим и, как только самолеты до Лондона пройдут предполетную подготовку, им сообщат. Багаж остался где-то в другом месте. Сотрудники аэропорта просто привели пассажиров в зал и ушли.

Джастина, Мэтти и Тедди пропустили первыми, поскольку Тедди передвигалась на инвалидной коляске, и они заняли место в углу возле невысокого столика. В зале имелись автоматы с закусками и напитками, принимающие кредитные и дебетовые карты, на ковре был выткан логотип «Эйр Франс», скамьи покрыты жесткими подушками. Помещение заливал холодный белый свет. Все здесь предназначалось для ожидания, а не для комфорта. Они вообще не должны были оказаться в этом аэропорту, а теперь никуда не летели, не прибывали, не отбывали — просто ждали в нигде.

Путешествие домой шло своим чередом — са-

молет летел где-то над Россией или Финляндией, приближаясь к концу долгого пути из Бангкока. Джастин сидел у окна, рядом Мэтти, а Тедди у прохода из-за своей ограниченной мобильности. Время от времени Мэтти или одна из стюардесс помогали ей дойти до туалета. Тедди предлагали специальный самолет скорой помощи с врачами на борту по страховке фестиваля, но она заявила, что достаточно поправилась и предпочитает путешествовать с друзьями.

Они летели штатным рейсом «Куантас» на большом лайнере «Эйрбас» с полной посадкой. Некоторые пассажиры тоже были из числа пострадавших во время урагана и наводнения в Сент-Килде, в том числе на кинофестивале, поэтому бортпроводники проявляли ко всем присутствующим особую заботу. В остальном путешествие было ничем не примечательно.

Тедди почти все время спала, Джастин смотрел кино и дремал, время от времени проваливаясь в глубокий сон. Хотя ему выдали подушку для шеи и беруши, спалось плохо из-за ушибов на спине и ногах. Мэтти проводила время лучше: немного почитала, посмотрела фильм, еще почитала, послушала музыку, дважды поспала — один раз перед посадкой в Таиланде, другой раз во время

второго перелета.

Внешне все трое выглядели спокойными, однако в глубине души тяжело переживали последствия катастрофы в подземном конференц-зале. Хотя физически Джастин и Мэтти почти не пострадали, трагическое происшествие потрясло их. При этом по сравнению со многими другими им повезло — никто из близких знакомых и коллег не погиб. Все члены жюри, во время интервью с Ховатом сидевшие на специально зарезервированных местах, покинули зал прежде, чем его окончательно затопило; Мэтти, сидевшая отдельно в первом ряду, единственная из них попала в ловушку. Харви Хантинг получил лишь небольшие ушибы и насквозь промок, а его коллега Берни Уильямсон вообще не пострадал. Спенсера Ховата ассистенты сразу увели в безопасное место, и тем же вечером он улетел на своем частном самолете. Несколько членов его штаба получили травмы разной степени тяжести, не угрожающие жизни.

И все же воспоминания о кромешной тьме, оглушительном громе, вое ветра, потоках мутной ледяной воды и страхе утонуть по-прежнему преследовали Джастина и Мэтти. Что испытывала Тедди, оставалось лишь гадать. Первое время в

больнице она держалась отстраненно — возможно, под воздействием болеутоляющих, — много улыбалась своей характерной полуулыбкой и почти не разговаривала. Джастина беспокоило, как она будет передвигаться после выписки, поэтому он решил выяснить, что случилось с инвалидной коляской, можно ли ее восстановить, а если нет — заменить.

Когда из конференц-зала откачали воду, коляска нашлась там, где ее и оставили. Спасатели и волонтеры достали ее, просушили, вычистили, и после ремонта она стала почти как новая. Личные вещи Тедди, если они и были, пропали. Сама она на этот счет ничего не сказала — все, кто был в конференц-зале, чего-то лишились. Незадолго до отлета Тедди снова начала пользоваться коляской, хотя сил передвигаться самостоятельно у нее еще не было. Теперь та лежала сложенная где-то в салоне, чтобы не мешать проходу.

Тедди сидела с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Она выглядела хрупкой и уязвимой — пожилая женщина, едва оправившаяся от смертельно опасных травм. Глядя на нее, Джастин гадал, как же она будет добираться домой после высадки в Лондоне. Может быть, вызвать такси или взять напрокат машину? Или

снять номер в Лондоне?

Перед посадкой в самолет он поднял эту тему, но Тедди отмахнулась, заявив, что справится, — может, знала, что ее встретят. Впрочем, гордясь своей независимостью, она вряд ли сознавала, что происшествие в Мельбурне необратимо изменило ее жизнь. Что, если о ней никто не позаботится?.. Эти вопросы преследовали Джастина, словно тревожные мысли при раннем пробуждении, когда понимаешь, что нужно строить планы и принимать решения, в темноте и одиночестве кажущиеся особенно важными и срочными.

Внезапно по громкой связи прозвучал голос капитана, и все зашевелились. Повинуясь толчку Мэтти, Джастин вынул из ушей беруши. Пилот начал в австралийском неформально-шутливом тоне, но уже скоро посерьезнел. Придется изменить маршрут, объявил он: все аэропорты на юге Великобритании, способные принять крупный пассажирский авиалайнер, по некоторой причине закрыты, в том числе два главных лондонских аэропорта.

Неопределенность объяснения пугала: какая причина могла привести к закрытию нескольких аэропортов? Почему не сообщают подробности? Моментально проснувшись, Джастин задумался

о специфических рисках современных перелетов. Возможно, произошел теракт или авиакатастрофа? Вряд ли дело в погоде — не тот сезон. А может быть, что-то совсем нестрашное, например забастовка диспетчеров или грузчиков? После посадки станет яснее.

Мэтти тоже выглядела встревоженной, Тедди даже не пошевелилась.

Пилот говорил спокойно и обходительно, стараясь заверить, что все в порядке. Придется сесть в другом аэропорту, где могут принять такой тяжелый авиалайнер, однако тревожиться не стоит — задержка наверняка будет недолгой. Диспетчер предлагает совершить посадку в Брюсселе, Амстердаме или Париже. Как только появится возможность, самолет вылетит в Хитроу.

Полет продолжался. Через час пилот объявил, что разрешена посадка в Париже, но так ничего и не объяснил. Вскоре после этого двигатели зазвучали по-другому, появилось ощущение, что самолет сбрасывает скорость и высоту. Уши заложило от роста атмосферного давления, и где-то на другом конце длинного салона заплакал младенец.

— Пойду прогуляюсь, — заявил Джастин, посидев немного в переполненном зале ожида-

ния. — Хочу подышать свежим воздухом.

— Здесь? — скептически спросила Мэтти.

Джастин понимал, что начинает ее злить. Все они устали после долгой дороги, спина болела, недосып делал его беспокойным и раздражительным. Неожиданная задержка на пути домой вызывала досаду.

Раздражение Джастина безо всяких оснований концентрировалось на Тедди, которая почти все время безучастно молчала, а когда он спросил, что купить в автомате, заявила, что ни в чем не нуждается, хотя потом приняла от Мэтти бутылку минеральной воды. Тедди сидела, сгорбившись в инвалидном кресле, и как будто избегала смотреть на Джастина — возможно, он ее тоже раздражал. Она вновь впала в роль вспыльчивой старой дамы, какой на самом деле не являлась, и явно что-то недоговаривала. Мэтти тоже была молчалива, и беспокойное мельтешение Джастина только усугубляло ситуацию.

Он вышел из зала в ближайший коридор, не забыв на всякий случай прихватить с собой паспорт и посадочный талон — все-таки транзитная зона. Коридор привел в тупик — к закрытому залу ожидания, кончавшемуся глухой стеной. Джастин вернулся обратно и прошел тем путем,

которым их вели после высадки. Там обнаружилась лестничная площадка, а за ней — длинная дорожка к месту высадки. Тогда он спустился на этаж ниже и долго шел пешком, пока не вышел в большой зал ожидания с закрытым баром и закусочной, двумя автоматами и стендом, на котором лежали стопки бесплатных экземпляров сегодняшних утренних газет — «Нью-Йорк таймс», «Ле Монд», «Ле Фигаро». Вывески о том, где ждать, где вставать в очередь и какие документы при себе иметь, дублировались на французском и английском. Здесь располагались стойки для регистрации к выходам на посадку 27B, 27C, 28, 28A, обозначенные светящимися знаками; около них никого не было.

Джастин двинулся дальше, прошел длинным коридором и очутился в другом, почти таком же зале ожидания. Здесь находились десятки людей — многие стояли в очереди для регистрации к выходам на посадку 15, 16, 16A, 16B, некоторые просто сидели. У всех имелась ручная кладь и почти у всех — мобильные телефоны. За стойкой информации стояли два сотрудника аэропорта. Бары работали, но в них никто не заходил.

На эскалаторе Джастин поднялся на следующий этаж, где во всю длину простирался большой

зал. Здесь была движущаяся дорожка — возможно, к выходу из здания, а может, в другой зал или просто к очередному переходу.

Он ощутил знакомую эмоциональную дисфункцию — иррациональное стремление во что бы то ни стало решить головоломку, словно это испытание, которое необходимо пройти. Частые полеты и долгое ожидание в аэропортах по всему миру так и не приучили Джастина к отчужденности, которую он испытывал в терминале. Это проявлялось в бесплодном желании исследовать обстановку, и единственным надежным средством исцелиться было покинуть аэропорт и вернуться в нормальный мир.

Зря он ушел от Мэтти и Тедди в попытке избежать тревожного ожидания в чистилище. Джастин взглянул на новые наручные часы. Прошло тридцать минут. А что, если уже объявили посадку на рейс в Лондон?.. Его охватило знакомое напряжение.

Он попытался вернуться тем же путем, каким пришел, перепутал эскалатор и очутился в той части аэропорта, откуда отправлялись экспресс-поезда в центр Парижа. Дорогу преграждали контрольные пункты, сотрудники ничем не могли помочь, а за их спинами маячил жандарм, и

Джастин сразу понял, что лучше не настаивать. Перешел на другой эскалатор и вскоре очутился в знакомом месте, откуда быстрым шагом двинулся обратно, стараясь ориентироваться по сохранившимся в памяти вывескам, указателям и номерам выходов на посадку. Нашел лестницу, по которой спускался, поднялся на один этаж и вскоре очутился в нужном коридоре, который привел к залу ожидания. Джастин постоял у двери, чтобы перевести дыхание и стереть с лица следы тревоги, потянулся, расслабил мускулы и лишь потом потянул за ручку.

Атмосфера в зале изменилась. Пахло едой, большинство пассажиров сидело за столами. Тедди пересела из инвалидной коляски на скамью у стены, Мэтти устроилась на деревянном стуле напротив, а на низком столике между ними стояли блюда с холодными закусками, бокалы и бутылка вина в охлаждающем чехле. Когда Джастин вошел, обе ему улыбнулись, и Мэтти подняла бокал белого вина.

— Santé[19], Джастин! Угощение от «Куантас». Теперь это моя любимая авиакомпания.

— Когда принесли?

---

[19] Примечания: 19
Твое здоровье! (*фр.*)

— Минут через пятнадцать после твоего ухода.

— Не сказали, сколько еще ждать?

— Меньше часа. За нами приедет автобус.

— Как вы себя чувствуете, Тедди? — поинтересовался Джастин. — Выглядите явно бодрее.

— Я хотела в туалет, мне надоело торчать в инвалидной коляске, а главное, я была до смерти голодная.

— Теперь лучше?

— Да, намного.

Тедди протянула ему тарелку. Джастин пододвинул свободный стул, взял два кусочка холодной жареной курицы, добавил зелени, картофельного салата, сладкой кукурузы, соуса и холодного риса. Мэтти налила ему стакан вина. Ели молча.

Через некоторое время сотрудники аэропорта унесли недоеденное и сообщили, что дополнительные рейсы в Лондон утверждены диспетчерской службой, хотя сколько еще придется ждать, неизвестно — вероятно, уже недолго. К вылету готовились два самолета, и, поскольку Тедди передвигалась на инвалидной коляске, ей, Джастину и Мэтти выделили три места в первом.

Они сидели лицом друг к другу и ждали. В зале стояла тишина — большинство пассажиров дре-

мали, читали или смотрели что-то на смартфонах. Все, должно быть, чувствовали себя одинаково уставшими — долгое путешествие из Мельбурна, задержка, еще один перелет впереди…

Внезапно Тедди негромко проговорила, глядя Джастину и Мэтти в глаза:

— Прежде чем мы вновь сядем в самолет, хочу кое-что сказать. Я до сих пор вас не поблагодарила.

— Тедди, нас не за что благодарить, — откликнулась Мэтти.

— Если бы не вы, меня бы здесь не было! — энергично возразила Тедди. — Вы рисковали своими жизнями, чтобы мне помочь. Все думаю — ведь я едва не утонула!.. — Она на мгновение умолкла, захлебнувшись воздухом. — Такие вещи не забываются. Ужаса, какой охватил меня в больнице, я не испытывала со времен войны.

Она замолчала, уткнувшись взглядом в колени. Мэтти прикоснулась к ее руке, а потом посмотрела Джастину в глаза, и того охватило чувство дежавю. Неподалеку сидели люди, поэтому Мэтти наклонилась ближе и негромко спросила:

— А где вы были во время войны, Тедди? Вы, кажется, об этом не рассказывали.

— А с чего бы мне рассказывать? — удивилась

та. — Это неважно.

— Ну же, Тедди! Мне важно. Вы были в Лондоне во время «Блица»?

— Мы же говорили с вами об этом, когда вы ко мне приезжали.

— Значит, вы воочию видели бомбардировки? Сотни смертей, страшные разрушения… Об этом вам напомнило наводнение?

— Да, — ответила Тедди, отводя глаза. — Но война не коснулась меня напрямую.

— Где именно в Лондоне вы жили? — упорствовала Мэтти. — Вы были одна? Как вы познакомились с будущим мужем? Большинству женщин в те времена приходилось работать — вам тоже? Сколько бомб упало в окрестностях вашего дома?

— Почему вы спрашиваете? Вы же помните, что я вам рассказывала.

— Вы рассказали мне не все.

— А вы не расспрашивали.

— Вот теперь расспрашиваю. — Мэтти заговорила настойчиво, но мягко, стараясь избежать конфликта: — Тедди, мы же с вами такое пережили вместе! Столько людей погибло, столько участников фестиваля! Вы ведь понимаете, что я желаю вам исключительно добра, и знаете, какая

у меня работа. Вы прожили уникальную жизнь и прошли восхитительный карьерный путь.

— Вы ничего о моей жизни не знаете, — возразила Тедди.

— А хочу узнать и написать! Когда-нибудь вас не станет, но люди будут помнить ваши роли и захотят почитать, как вы жили, с какими знаменитостями были знакомы, как с ними работалось. У вас уникальная карьера! Если об этом не напишу я, напишет кто-нибудь другой.

— Ну и пусть. Я никогда не говорю о прошлом.

— Вы имеете право на личную жизнь, — вмешался Джастин. — Мы это признаем и вовсе не хотим в нее вторгаться.

— А она хочет, — возразила Тедди, указывая глазами на Мэтти. Та покачала головой. — Нет в моей жизни никакой страшной тайны. Просто я хотела начать с чистого листа и приняла решение оставить позади все, что до тех пор произошло. Мне тогда еще не было сорока, я всегда хотела сниматься в кино и добилась цели. Можно сказать, что по-настоящему я родилась в 1950 году. Это никого больше не коснулось, никому не повредило. Какое вам дело до моего прошлого, Мэтти? Вы спасли мне жизнь, я ваша должница и никогда об этом не забуду.

В коридоре за стеной послышалось движение и голоса, кто-то засмеялся, открылась и закрылась дверь в соседний зал. Джастин вновь ощутил мимолетность происходящего между ним, Мэтти и Тедди — из-за ожидания, подспудной тревоги, чувства анонимности и потребности разгадать загадку. Они не приехали, не уезжали, а ждали чего-то в микрокосме аэропорта, и минуты утекали бесцельно, вынуждая задавать вопросы.

Неожиданно Джастин спросил — довольно резко, сам того не желая:

— Тедди, что значит для вас имя Жанетт Маршан?

Тедди пораженно заморгала. Джастин отметил, какие у нее красные слезящиеся глаза — совсем как у него после долгого перелета.

Преодолев изумление, она напряженно выпрямилась.

— Естественно, я о ней знаю. Все в кинобизнесе знают, кто такая Жанетт.

— Она прилетела в Великобританию в 1949 году. Вы с ней не встречались?

— Нет, конечно.

— Почему «конечно»?

— Она исчезла сразу после прибытия, так что мне не довелось с ней познакомиться.

— Тедди, она прилетела в Лондон в апреле 1949 года с целью сниматься в британском кино. Известно, что самолет благополучно приземлился, Жанетт вошла в здание аэропорта, и больше ее никто не видел. А вы начали сниматься в британском кино в 1950 году. Первый ваш фильм — «Как небо и земля», комедия студии «Илинг Филмз», где вы исполнили эпизодическую роль учительницы. Он снимался в 1950 году, хотя вышел в 1951-м.

— Я всегда говорила, что вы хорошо знаете предмет.

— Сейчас «Как небо и земля» показывают редко, и все же мне удалось посмотреть запись, восстановленную Британским институтом кино. В этой ленте вы как две капли воды похожи на Жанетт Маршан.

— Тогда многие так говорили — я считала это комплиментом.

— А что скажете теперь?

— Что я могу сказать? Как выглядела, так и выглядела.

— В вашем следующем фильме и всех позднейших, какие мне удалось посмотреть, вы выглядите иначе, словно пытались изменить внешность.

— Дорогой мой, актеры постоянно меняют внешность!

— Вы набирали вес, красили волосы в черный, иногда носили очки, в «Смерти в Оверни» ваше лицо было изуродовано шрамами…

— Такова жизнь актера, — вставила Тедди.

— …но ваше физическое сходство с Жанетт оставалось неизменным.

— А сейчас я на нее похожа?

— Джастин… — вмешалась Мэтти.

— Что?

— Пора сменить тему.

— Ладно, — сдался Джастин.

— Я всегда говорила вам правду, — промолвила Тедди.

— Между прочим, я несколько раз спрашивала вас о смене имени, — заметила Мэтти. — Вы всегда утверждали, что ваше настоящее имя — Теодора Смайт, а Тедди — псевдоним.

— Так и есть — по закону.

— Значит, вы изменили имя. А как вас назвали при рождении?

— Зачем вам?

— Потому что я профессиональный биограф и хочу исследовать вашу жизнь. С точностью о вас известно лишь одно — вы родились в маленьком

городке Лейтон-Баззард. Только вот ни в городском, ни в приходском архиве, ни в переписи населения нет сведений ни о вас, ни о семействе Смайт, где в соответствующее время родилась бы девочка.

Тедди криво улыбнулась, плохо скрывая раздражение.

— С чего вы так уверены? И какая разница, где я родилась?

— Мне важно знать о вашем происхождении, о детстве, учебе, друзьях, родителях, а ваше место рождения — один из немногих фактов, который никогда не оспаривался.

— Факты — скользкая штука, — усмехнулась Тедди. — Вы, конечно, не поверите, но вот вам чистая правда: много лет назад, когда я снялась всего в двух фильмах, один молодой человек брал у меня интервью для фанатского журнала. Это было одно из первых моих интервью, я еще не имела опыта и, когда он спросил о месте моего рождения, сочла этот вопрос дерзким и неуместным. Кому какое дело, где я родилась? Этот тип мне не понравился — всю жизнь я не любила журналистов, и началось это с него. Накануне интервью я ехала в поезде, который делал остановку в Лейтон-Баззарде, мне запомнилось забавное

название, и я шутки ради заявила, что родилась там. Позже я поняла, что многие журналисты не занимаются настоящими исследованиями, а просто читают вырезки, принимают написанное за чистую монету и передают дальше. Однажды сказанное кочует из текста в текст. Только поэтому Лейтон-Баззард на протяжении нескольких десятилетий считался моим родным городом.

— А где вы родились на самом деле? И как вас по-настоящему зовут?

— Я сменила имя в 1949 году. Не хочу, чтобы мою жизнь исследовали — ни вы, ни кто-нибудь другой. Вы мне нравитесь, Мэтти, и я обязана вам жизнью, но, если вы настаиваете на том, чтобы писать мою биографию, я вам не помощник.

— В 1949 году Жанетт Маршан прилетела в Великобританию, — заметил Джастин.

— А я тогда начала искать работу актрисой.

— Как вы сменили имя? — спросила Мэтти.

— По закону. Закон разрешает мне называться любым именем и дает право никогда не раскрывать свое прежнее имя.

— Вы были замужем. Как звали вашего мужа?

— Билл.

— А фамилия? Вы взяли его фамилию?

— Нет.

— Так какая же у него была фамилия? А полное имя? Уильям?

— Нет. Он звал себя Биллом, и я называла его так же.

— Какая у него была фамилия? — упорствовала Мэтти.

— Неважно. Мы были женаты совсем недолго, он погиб молодым на войне.

— По крайней мере, вы так утверждаете.

— И всегда утверждала. Или говорят, что утверждала. Эта информация кочует из журнала в журнал, повторяется снова и снова. Задумайтесь.

Они немного помолчали.

— У вас были дети? — возобновила атаку Мэтти.

— От Билла? Нет.

Мэтти подалась вперед.

— А от другого мужчины?

Впервые Тедди помедлила с ответом.

— Нет. У меня никогда не было детей, — наконец проговорила она.

— До дебюта в кино вы наверняка где-то работали. Что это была за работа?

— Неважно. Я всю жизнь была и остаюсь актрисой. Это чистая правда.

— А сейчас, разговаривая с нами, вы тоже игра-

ете? — поинтересовался Джастин.

— Нет. Я давным-давно отошла от дел — мне ведь уже за восемьдесят. Но актриса никогда не перестает быть актрисой — вот что я имею в виду.

— Последний вопрос, — сказала Мэтти. — И Джастин, и я обратили внимание на фотографию молодого актера по имени Рой Таллис у вас в гостиной. Мы знаем, что это первый муж Жанетт Маршан и что после его смерти та осталась с маленькой дочерью на руках.

— Да. Я узнала его имя от Джастина, а до тех пор никогда о нем не слышала.

— Почему вы храните его фотографию?

— А почему бы нет?

— Тедди, это слишком невероятно для простого совпадения, — заметил Джастин.

— Тем не менее совпадения случаются. Актерам нравятся другие актеры — таков наш мир.

Джастин вспомнил надпись, сделанную Мэтти на титульной странице его экземпляра книги о режиссере «Смерти в Оверни», когда они только начинали общаться. Мэтти, не верившая в совпадения, нарисовала круг с двунаправленными стрелками взаимосвязей — символ дружеских объятий, имена, связанные неразрывной лини-

ей. Для Джастина надпись, сделанная в тот день на старом кладбище, была первым намеком на признание в любви, или в ее зарождении, или в ее возможности. Или в истинности. Тем теплым днем на скамейке под сенью ветвей их с Мэтти жизни переплелись.

С тех пор как начались эти расспросы, Тедди вернулась к своей истинной манере. Хрупкая пожилая леди, которая так неловко чувствовала себя в Австралии, нервно улыбалась публике, держась на расстоянии ото всех, не находила общего языка с журналистами и чуть не утонула в наводнении, за время пребывания в зале ожидания — анонимном пространстве небытия — сменилась той энергичной умной женщиной, с которой Джастин познакомился несколько лет назад. И пусть она похудела, волосы поредели, лицо покрылось морщинами, глаза впали, на костлявых жилистых руках набухли суставы — все-таки девятый десяток! — Тедди никак нельзя было назвать хрупкой. Она держала удар и давала сдачи с удвоенной силой.

— Еще один вопрос, Тедди, — произнес Джастин. — Помните ли вы Августа Энгеля?

Тедди сидела очень прямо, и ни один мускул не дрогнул у нее на лице. Она молча глядела перед

собой — не на Мэтти, не на Джастина, а сквозь них, на других ожидающих. Молчала ли она из упрямства и желания выглядеть сильной или потому, что напряженно пыталась вспомнить?..

Джастин неотрывно наблюдал за Тедди, сознавая, что это, вероятно, последняя возможность посмотреть ей в лицо — такое знакомое и открытое, давно утратившее очарование молодости и все же непостижимо прекрасное, лицо, воспоминания о котором преследовали его всю жизнь. Возможно, они больше не увидятся и он не получит ответа. Может быть, это их последние минуты вместе.

Теперь Джастин не сомневался, что раскрыл ее тайну и знает, кем она была в прошлом. Он понимал, что их с Мэтти расспросы — навязчивость и почти дерзость, вызов прошлому Тедди, ее словам, ее притворному отсутствию интереса или желанию все забыть — на что она, конечно же, имеет право.

Наконец Тедди перевела дыхание и спросила — высоким неуверенным голосом:

— Откуда вы знаете про Августа Энгеля?

— Вы его помните?

— Немного. Скажите, почему вы спрашиваете? — потребовала она, сложив пальцы замком.

— Как вам известно, я одержим кино, веду заметки и собираю информацию. Мне стало известно, что между вами и Августом Энгелем есть связь. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Нет. Между нами нет никакой связи, — твердо произнесла Тедди. У нее было время подумать, и она возобновила оборону.

— Значит, вы его знаете?

— Помню имя. Он ведь работал на «Йоркшир ТВ»? Вы эту связь имеете в виду?

— В том числе. Несколько лет назад Энгель работал на «Йоркшир ТВ», а вы тогда снимались в детском телеспектакле, режиссером которого он был.

— Да, по-моему, вскоре после той работы я заболела. Но тогда я не знала, что он режиссер.

— Вы имеете в виду, что не знали, кто режиссер спектакля? Или не знали, что это Энгель?

— А какая разница?

— Вы были знакомы до этого спектакля?

— Нет! — почти выкрикнула Тедди, а потом добавила уже спокойнее: — Нет. То есть я знала его по имени, конечно. Роль досталась мне в последнюю минуту — другая актриса не смогла. Текст я учила по дороге в студию — слов было немного, так что проблем не возникло. В студии

меня одели, раскрасили, как куклу, днем мы отрепетировали и сняли сцену. Обычная работа, обычный день. Кто-то из актеров рассказал, что режиссер в прошлом снимал полнометражные фильмы в Германии, а недавно работал над британским детективным телесериалом. На съемочной площадке я его почти не видела, потому что участвовала всего в двух сценах, а он мало занимался актерами и большую часть времени проводил в производственной студии. Он изменился, я была в гриме — вряд ли он меня узнал.

— Что вы имеете в виду под «изменился»? По сравнению с тем, каким вы знали его раньше?

— На съемках он был в очках и с седой бородой. Потом я из интереса нашла его фото в биографической справке «Йоркшир ТВ», и там он выглядел иначе — моложе и без бороды.

— Таким вы его и знали? Молодым?

— Нет… — едва слышно ответила Тедди.

— Вы уверены?

— Как я могу быть уверена? — почти прошептала она. — Я его почти не знала!

Тедди всхлипнула и принялась искать глазами платок. Мэтти протянула ей салфетку из тех, что остались на столе, она высморкалась и утерла глаза.

— Простите меня, пожалуйста, Тедди, — произнес Джастин.

— Вы любили Августа? — спросила Мэтти.

— Да, немного… Когда мы познакомились, я была в ужасном состоянии. — В глазах у Тедди стояли слезы. — Думаю, он правда очень сильно меня любил, как и твердил все время. А я не могла дать ему того, чего он хотел. Он был так добр ко мне, так нежен!.. Я поступила с ним плохо.

Вслед за первой группой пассажиров настала очередь Джастина, Мэтти и Тедди отправляться к выходу на посадку. Их повезли через транзитную зону терминала на электромобиле с янтарно-желтой мигалкой и громкой сиреной. Ручную кладь и инвалидную коляску Тедди положили в багажник. За окнами мелькали серые стены, вывески на французском и английском, закрытые двери, мониторы с информацией о рейсах и рекламные баннеры. Затем машина въехала в лифт и медленно двинулась вниз.

Полуофициальная поездка через терминал временно сняла ощущение ненормальности происходящего. Единственное доступное пассажирам условное благо — ограниченная свобода перемещения в зале ожидания — сменилось целенаправленным движением по пути, с кото-

рого нельзя свернуть. Джастин задумался: может быть, это и есть ключ к пониманию, разгадка тайны?

Лифт отворил двери, и поездка возобновилась. За окнами мелькали все те же стены и баннеры.

Наконец они приехали к выходу на посадку 27С, который Джастин видел во время своей краткой прогулки. Теперь туда выстроилась большая очередь из уже знакомых пассажиров, и на пропускном пункте, ведущем к трапу, образовалась давка. Всем не терпелось скорее очутиться в Лондоне. Водитель остановился прямо у стойки, рассеяв толпу пассажиров, Джастин и Мэтти высадились, забрали багаж, разложили инвалидную коляску и помогли Тедди сесть. Электромобиль уехал, не переставая гудеть сиреной.

Джастин приготовил посадочный талон и уже хотел шагнуть вперед, когда Мэтти придержала его за локоть. Оглянувшись, он увидел, что Тедди не трогается с места.

— Перед посадкой мне обязательно нужно в туалет, — заявила она. — На борту кабинки слишком тесные, в них трудно наклоняться.

Туалет для людей с ограниченными возможностями находился в дальнем конце зала. Окинув взглядом очередь на посадку, Джастин спросил

у сотрудницы аэропорта, успеет ли Тедди воспользоваться туалетом до отлета. Женщина один за другим пропускала посадочные талоны через электронный сканер и даже не подняла головы, лишь бросила:

— Aucun problème[20].

— Мэтти, проводишь? — попросил он.

— Нет, пойдем с нами. Надо держаться вместе.

Джастин повез Тедди к туалету, лавируя между пассажирами. Открыл дверь, включил свет. Внутри загудела вытяжка.

— Не ждите, я справлюсь, — заявила Тедди. — Занимайте места в самолете, а я попрошу кого-нибудь из персонала меня подвезти.

— Мы подождем, — настоял Джастин. — Можете не спешить, время еще есть.

— Скоро мы наконец окажемся дома, — улыбнулась ему Тедди. Ее лицо — красивые черты, бледно-голубые глаза, суховатая усмешка слегка искривленных губ — было совсем рядом и в то же время бесконечно далеко.

Она заехала внутрь, и дверь на пружине захлопнулась за ее спиной. Повернулся замок, зеленый индикатор сменился на красный.

---

[20] Примечания: 20
Никаких проблем (*фр.*).

Они остались ждать.

Мэтти выглядела усталой — долгое путешествие ее не пощадило. Джастин с мучительным нетерпением ждал, когда наконец все закончится и они окажутся дома наедине. Больше никаких поездок — только спокойная совместная жизнь. Он взял Мэтти за руку, она прижалась щекой к его щеке.

— Может быть, зря я на нее так насела? — негромко произнесла она.

— Я любил эту женщину почти всю свою жизнь, но тебя, Мэтти, я люблю больше. Ты не сделала ничего плохого.

Очередь двигалась, пассажиры один за другим поднимались по трапу. Прошла контроль последняя группа — семья с маленьким ребенком. Один из сотрудников за стойкой произнес в микрофон объявление на французском языке: посадка на специальный рейс «Бритиш Эйрвейз» до Лондона, Хитроу, выход 27С, завершена. Выход закрывается.

— Может, пойдем? — предложила Мэтти.

— Мы можем подождать, они знают, что мы здесь. Нам выделены места, и самолет не взлетит, пока все пассажиры не поднимутся на борт.

Из туалета не доносилось ни звука.

Они ждали.

Мэтти прислонилась к его плечу, ее волосы щекотали ему лицо, и Джастина переполняло чувство нежной близости. Их жизни навсегда переплелись в зрелой надежной любви. Он понимал, что Мэтти устала и вымоталась так же, как он сам. Они больше полутора дней провели в пути, львиную долю этого времени — в напряженном ожидании. Вознаграждение за долгое путешествие — возвращение в знакомую реальность, однако до этого пока было далеко. Ловушка бесконечного путешествия не отпускала.

Они ждали и ждали, пока сотрудники у выхода на посадку не начали жестами настойчиво звать их к себе. Мэтти постучала в дверь туалета, и Джастин заметил, что красный индикатор уже сменился зеленым. Ручка подалась. Внутри было темно. Когда Мэтти включила свет, вновь ожил вентилятор.

— Она исчезла! — воскликнула Мэтти, широко распахивая дверь.

Джастин, не веря своим ушам, заглянул в туалет.

— Но как, черт побери?!..

— Наверное, за ней зашел кто-то из персонала.

— Но мы же все время стояли здесь! Мы не мог-

ли не заметить, как она выходит.

Один из сотрудников вновь нетерпеливо махнул им рукой. Они поспешили к выходу на посадку и уже вскоре заняли свои места.

Третье кресло рядом с ними осталось пустым.

Самолет оторвался от земли и стал набирать высоту. В иллюминаторе мелькнуло, проваливаясь под углом, огромное здание терминала, а потом его заслонило крыло, и самолет нырнул в гущу низких облаков.

Благодарности

Хочу поблагодарить Роба Маслена и Дэвида Паско — Роба за то, что навел меня на книгу Паско «Воздушные пространства» («Airspaces», Reaction Books, 2001), а Дэвида за то, что ее написал.

Особая благодарность Нине Оллан, тайному и незаменимому соавтору этой книги.

К. П.